

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

И. Б. Брашинский

**АФИНЫ
И СЕВЕРНОЕ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В VI—II вв. до н. э.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—1963

ВВЕДЕНИЕ

Связи Афин с Северным Причерноморьем уже давно привлекают внимание ученых. Различные проблемы из круга вопросов, связанных с историей взаимоотношений Афин с государствами Северного Причерноморья, неоднократно служили предметом исследования. Особенно большой вклад в изучение этих вопросов внесли и продолжают вносить русские и советские ученые.

Однако история взаимоотношений Афин с северопонтийскими областями изучена весьма неравномерно. Наиболее полное освещение в современной научной литературе получили торговые связи Афин с Боспорским государством в IV в. до н. э. Это объясняется прежде всего сравнительным обилием письменных источников, касающихся указанного вопроса, что в свою очередь является следствием того значения и размаха, которые имела торговля Боспора с афинянами в IV столетии до н. э. Естественно, что по тем же причинам этот период полнее всего освещен и археологическим материалом.

Археологические раскопки в Северном Причерноморье начали производить еще в первой четверти XIX в., причем основное внимание тогда было обращено на исследование богатых боспорских курганных некрополей, в которых обнаружен обильный материал аттических изделий. Большая заслуга во введении этого материала в научный оборот принадлежит И. Стефани, систематически публиковавшему в течение многих лет наиболее интересные находки, сопровождая свои публикации интерпретацией памятников на уровне современной ему науки.

В 1878 г. Ф. Г. Мищенко выступил со статьей «Торговые сношения Афинской республики с царями Боспора»¹, в которой впервые в науке были поставлены и подвергнуты специальному изучению многие важные вопросы взаимоотношений Афин с Боспорским государством периода его расцвета.

Дальнейшее изучение взаимоотношений Афин с Северным Причерноморьем теснейшим образом связано с широким развитием археологических

¹ Киевские университетские известия, 1878, VII, стр. 479, сл.

исследований античных городов и поселений Юга СССР. Раскопки конца XIX — начала XX в. и в особенности раскопки советских археологов привели к огромному расширению круга источников по рассматриваемой проблеме.

Многие вопросы, связанные с историей взаимоотношений Афин с государствами Северного Причерноморья, получили отражение в разных аспектах в работах В. В. Латышева, Э. Р. Штерна, М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелева, В. Ф. Гайдукевича, Т. Н. Книпович, Т. В. Блаватской и других исследователей.

Первостепенное значение для постановки и решения ряда важных проблем из области взаимоотношений Афин с северопонтийскими городами имели работы Э. Р. Штерна, в которых впервые была показана огромная ценность археологического материала для решения вопросов истории Северного Причерноморья, в том числе и истории связей Афин с этим районом².

Большую роль в изучении интересующего нас круга вопросов сыграли работы С. А. Жебелева, особенно его «Боспорские этюды» и «Основные линии экономического развития Боспорского государства»³. Без использования этих работ в настоящее время не может обойтись ни один специалист, занимающийся исследованием поставленных и рассматриваемых в них вопросов, независимо от того, принимает ли он выводы С. А. Жебелева или же отвергает их. И в настоящей работе автор также в значительной мере исходит из основных положений, выдвинутых С. А. Жебелевым.

Необходимо, однако, отметить, что целые периоды в истории связей Афин с Северным Причерноморьем, остались неосвещенными в литературе, а ряд уже подвергавшихся изучению проблем этой темы не получил до сих пор единого общепризнанного решения и нуждается в дополнительном исследовании и пересмотре.

Из числа проблем, не получивших еще решения в современной научной литературе, следует прежде всего назвать чрезвычайно важные вопросы, связанные с возникновением и начальным периодом развития связей Афин с населением северных берегов Понта. Лишь первые шаги сделаны в исследовании афино-северопонтийских сношений в эллинистический период⁴. До сих пор нет единого мнения в разрешении многократно исследовавшейся проблемы взаимоотношений Афин с различными северопонтийскими городами во второй половине V в. до н. э., противоречиво освещается роль экс-

² Э. Р. Ш т е р н. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации.— ЗООИД, XXII, 1900, стр. 1, сл. E. v. S t e r n. Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung.— «Klio», IX, 1909, стр. 139, сл.

³ С. А. Ж е б е л е в. Боспорские этюды.— ИГАИМК, 104, 1934 = СП, стр. 159, сл.; е го ж е. Основные линии экономического развития Боспорского государства.— ИОН, 1934, № 8, стр. 589, сл.; № 9, стр. 661, сл. = СП, стр. 116, сл.

⁴ Т. Н. К н и п о в и ч. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма.— СА, XI, 1949, стр. 271, сл.

педиции Перикла в Понт, вопрос о принадлежности городов Северного Причерноморья к первому Афинскому морскому союзу и т. д. Перечень неизученных вопросов, равно как и проблем, требующих дополнительного исследования и пересмотра, можно было бы продолжить, но и сказанного, как нам кажется, достаточно, чтобы убедиться в целесообразности и необходимости дальнейшего исследования истории связей Афин с Северным Причерноморьем.

Исследуемая тема представляет большой интерес не только потому, что она может дать новые сведения по экономике государств Северного Причерноморья и Афинской державы, но и потому, что в ряде случаев только на основании специального изучения взаимоотношений Северного Причерноморья с Афинами могут быть поставлены, а может быть, и решены, различные вопросы, связанные с историей и экономической структурой некоторых из древнейших государственных образований на территории Юга нашей страны, а также и античного мира в целом.

Хотя трудно назвать работу по истории Северного Причерноморья интересующего нас времени, в которой в том или ином плане не были бы затронуты взаимоотношения Афин с городами Северного Причерноморья, но до настоящего времени не создано обобщающего труда, где бы история этих взаимоотношений была специально рассмотрена на протяжении веков. В значительной степени это объясняется тем, что различные периоды взаимоотношений Афин с государствами Северного Причерноморья крайне неравномерно освещены историческими источниками. Для VI и V вв. до н. э. письменных источников почти нет. Полнее отражен в письменных источниках лишь период расцвета афино-боспорской торговли в IV в. до н. э., когда Боспорское государство приобрело значение житницы Афин.

Наиболее ценные сведения о взаимоотношениях Афин с Боспором сохранились в речах афинских ораторов IV в. до н. э., в первую очередь Демосфена. Особую ценность для исследования интересующих нас вопросов представляет ряд судебных речей Демосфена⁵, в которых содержатся прямые свидетельства о торговых связях и характере экономических взаимоотношений между Афинами и Боспорским государством. В ряде других его речей⁶ содержатся ценные сведения, характеризующие северо-восточную, понтийскую политику Афин в IV в. до н. э., выражавшуюся в стремлении во что бы то ни стало сохранить контроль над понтийским торговым путем, важнейшим звеном которого были Черноморские проливы.

К этому же или несколько более раннему времени относятся сведения,

⁵ Д е м., XX (против Лептина), XXXIV (против Формиона), XXXV (против Лакрита). Принадлежность последних двух речей Демосфену твердо не установлена, однако для удобства изложения мы в дальнейшем называем демосфеновскими все речи демосфеновского корпуса.

⁶ Д е м., XVIII (о венке); ряд политических речей, направленных против Филиппа Македонского; L (против Поликла) и др.

содержащиеся в речах Исократ (Банкирская речь, XVII), Лисия (за Мантифея, XVI, и против хлеботорговцев, XXII), Эсхина (против Ктесифонта, III), Динарха (против Демосфена, I).

К этим в высшей степени интересным и ценным сведениям следует, однако, подходить с сугубой осторожностью. Греческие ораторы, как известно, редко бывали объективными. Для того, чтобы убедить слушателей в своей правоте, чтобы очернить своих противников, изобразить их в наиболее невыгодном для них, а следовательно, выгодном для себя, свете, они нередко не только замалчивали одни факты и чрезвычайно сгущали краски при изложении других, но шли и на прямое искажение истины. Яркими примерами такой тенденциозности могут служить упомянутые выше речи Демосфена и Эсхина на процессе Ктесифонта. Часто очень трудно бывает решить, кто из противников, как в случае с Демосфеном и Эхином, заслуживает большего доверия. Поэтому, естественно, те выводы (а они имеются и в настоящей работе), которые сделаны на основе толкования подобного рода источников, не могут считаться неоспоримыми, если они не подкрепляются иными данными.

Некоторые сведения по интересующему нас кругу вопросов содержатся в произведениях греческих историков — Геродота, Фукидида, Ксенофонта — современников описываемых ими событий. Ряд сведений дошел до нас в передаче более поздних авторов — Плутарха, Страбона, схолиастов Демосфена и других аттических ораторов и т. д. Однако весь этот материал не дает возможности составить ясное представление об истории и характере связей Афин с Северным Причерноморьем на всем их протяжении.

Особое место в ряду письменных источников по интересующей нас теме занимают эпиграфические памятники. К ним в первую очередь следует отнести группу афинских надписей — постановлений совета и народного собрания афинян в честь отдельных представителей династии Спартокидов.

Это прежде всего широко известный декрет 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона I — Спартока, Перисада и Аполлония, — который является ценнейшим источником для характеристики взаимоотношений Афин с Боспором в середине IV в. до н. э., и декрет в честь боспорского царя Спартока III, сына Евмела — единственное письменное свидетельство об афинобоспорских взаимоотношениях в начале III в. до н. э. К этой группе памятников, возможно, относится также и третья надпись — афинский декрет 323/2 г. до н. э.⁷ Как нам кажется, его можно понимать как постановление афинского народного собрания в честь Перисада I⁸. В настоящей

⁷ E. S c h w e i g e r t. Greek Inscriptions.— «Hesperia», VIII, 1939, стр. 27, сл., № 7.

⁸ И. Б. Б р а ш и н с к и й. Афинский декрет 323/2 г. до н. э. (Из истории афинобоспорских взаимоотношений).— КСИИМК, 74, 1959, стр. 3, сл.

работе привлекаются также и другие эпиграфические памятники, происходящие как из городов Северного Причерноморья, так и из Афин и из других мест. Значение их различно, что обусловлено, с одной стороны, неравноценным характером содержания надписей, с другой, — различной степенью их сохранности.

Скудость письменных источников придает особую ценность памятникам материальной культуры, среди которых на первое место, как по количеству, так и по своему значению, следует поставить керамический материал.

В результате многолетних археологических раскопок античных городов и поселений Северного Причерноморья, особенно раскопок советских археологов, круг источников по интересующей нас теме значительно расширился. Достоянием науки стал огромный и разнообразный материал аттической керамики, широко распространенной в Северном Причерноморье. К сожалению, большая часть интересующего нас археологического материала еще не опубликована и не подвергалась исследованию, отвечающему современным требованиям науки, что делает его почти недоступным для использования. Тем не менее, материал, опубликованный в настоящее время, дает возможность составить (в ряде случаев в сочетании с письменными источниками) более или менее отчетливое представление о характере и объеме торговых связей Афин с разными северопонтийскими районами в различные периоды их существования. Для исследования экономических связей Афин с Северным Причерноморьем важно также изучение археологического материала (в частности, керамической тары — амфор для перевозки вина и оливкового масла), производившегося в центрах, входивших в орбиту политического и торгового влияния Афин, как, например, Фасоса, Менды и других. Импорт из этих центров поступал в северопонтийские города, несомненно, главным образом благодаря посреднической торговле афинских купцов⁹.

Особенно велика ценность археологического материала для изучения раннего периода афино-северопричерноморских связей, о котором совершенно не сохранились прямые свидетельства письменных источников. Здесь, однако, необходимо иметь в виду трудности, связанные с истолкованием археологического материала. Так, например, изучая аттическую керамику первой половины VI в. до н. э., происходящую из Северного Причерноморья, можно с определенностью говорить о начале ее проникновения в этот район, но нельзя с полной уверенностью утверждать, что тогда же зародились и прямые связи афинян с северными берегами Черного моря, так как аттические товары могли проникать туда и через посредство купцов-неафинян. Далее, всегда приходится считаться с различной

⁹ Б. Н. Г р а к о в. Клейменная тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись, 1939. Архив ИА АН СССР, № 538; И. Б. З е с т. Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, стр. 21.

степень археологической исследованности отдельных городов и районов Северного Причерноморья, что ведет к относительности выводов, делаемых на основании археологического материала. И, наконец, вещи, представляющие возможность судить о времени и месте их происхождения, об объеме и интенсивности торгового обмена, не могут свидетельствовать о характере взаимоотношений между их родиной (в данном случае Афинами) и местностями, где они были найдены: они сами по себе не дают оснований для суждения о политических связях и даже о характере экономических взаимоотношений (например, о договорных обязательствах, различных привилегиях, льготах и т. п.).

Необходимо сказать несколько слов и о нумизматических источниках по рассматриваемой теме.

На первый взгляд может показаться странным, что при огромном размахе торговли между Афинами и северопонтийскими городами в Северном Причерноморье почти не найдено афинских монет. Это обстоятельство имеет свое объяснение, которое приводится в соответствующем месте настоящей работы. Но монетное дело некоторых городов Северного Причерноморья в разное время испытывало сильное воздействие монетного дела Афин — факт, обогащающий наши сведения о взаимоотношениях этих городов с Афинами. И, наконец, изучение монет различных городов Северного Причерноморья позволяет сделать некоторые выводы относительно их политических взаимоотношений с Афинами.

Таков круг источников, которыми в настоящее время располагает исследователь истории связей Афин с Северным Причерноморьем.

При изучении взаимоотношений Афин с различными районами северного побережья Черного моря необходимо иметь в виду, что Северное Причерноморье нельзя рассматривать как единое целое. Исторические судьбы и условия развития отдельных частей его были различными. Так, например, западная часть этой области (Ольвия, Тира) в гораздо большей степени тяготела к западному Причерноморью, чем к северо-восточному (Боспор Киммерийский).

Необходимо также учитывать, что политическая и экономическая ориентация разных северопонтийских городов в различные периоды была неодинаковой. Без учета этих особенностей, иными словами, при изучении связей Афин с государствами Северного Причерноморья только с точки зрения Афин, картина связей оказалась бы искаженной.

Автор отдает себе ясный отчет в том, что в ряде случаев ему не удалось дать окончательного решения некоторых спорных вопросов. В частности это относится к вопросу о характере политических взаимоотношений Афин с городами Северного Причерноморья во второй половине V в. до н. э., в период господства первого Афинского морского союза. Мы считаем, однако, необходимым вновь вернуться к рассмотрению этих проблем, поскольку имеющиеся источники допускают различное их толкование и не дают оснований для категорических выводов.

Некоторые из рассматриваемых в настоящей работе вопросов были нами исследованы в диссертации «Афины и Северное Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.»¹⁰ и в ряде специальных статей¹¹.

В настоящей работе автор ставил перед собой задачу дать анализ истории связей Афин с северопонтийскими городами с момента их зарождения до II в. до н. э. Особое внимание уделено изучению начального этапа сношений Афин с Северным Причерноморьем, исследованию вопросов, связанных с борьбой Афин за контроль над Черноморскими проливами, политическим взаимоотношениям государств Северного Причерноморья с Афинами. Мы ставили перед собой задачу сосредоточить основное внимание на изучении вопросов, либо дополняющих наши сведения о взаимоотношениях Афин с государствами Северного Причерноморья, либо требующих, с нашей точки зрения, дальнейшего изучения и пересмотра.

Данная работа не претендует на исчерпывающую полноту в освещении истории взаимоотношений Афин с государствами Северного Причерноморья на протяжении VI—II вв. до н. э. Для обобщающего труда по этим вопросам не наступило еще время, поскольку огромный археологический материал до сих пор не опубликован и не изучен должным образом. В настоящем исследовании выделены лишь основные, наиболее важные проблемы и, как было сказано, спорные вопросы, требующие специального изучения. Особое внимание уделено тем проблемам, которые до последнего времени оставались в тени. Автор пытался, в меру возможности, нарисовать связную картину истории взаимоотношений Афин с античными городами Северного Причерноморья на всем протяжении их существования.

Некоторая неравномерность исследования в настоящей работе объясняется отчасти скудостью и неравноценностью источников для разных периодов, что было уже отмечено выше, отчасти тем, что ряд вопросов, касающихся главным образом афино-боспорских отношений в IV в. до н. э., исследован в научной литературе с достаточной полнотой и убедительностью¹². Мы не считали нужным возвращаться к обсуждению обще-

¹⁰ И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—IV вв. до н. э. Автореферат диссертации. Л., 1958.

¹¹ И. Б. Брашинский. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э.—ВДИ, 1955, № 2. В сокращенном и переработанном виде этот вопрос рассмотрен в немецком переводе названной статьи «Zur politischen Lage Nymphaions in der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts v. u. Z.» — ВСО, 1956, Н. 2 (автореферат); е г о ж е. Понтийская экспедиция Перикла.—ВДИ, 1958, № 3; е г о ж е. Из истории торговли Северного Причерноморья с Междой в V—IV вв. до н. э.—НЭ, III, 1962; е г о ж е. По поводу нимфейской надписи с так называемым посвящением Гармодию.—ВДИ, 1961, № 4; е г о ж е. Торговые пошлины и право беспоплинности на Боспоре (IV в. до н. э.).—ВДИ, 1958, № 1; е г о ж е. Афинский декрет 323/2 г. до н. э.; е г о ж е. Оливия и Афины в IV в. до н. э.—ЗООА, I (34), 1960.

¹² С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства; е г о ж е. Боспорские этюды; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949; е г о ж е. История античных городов Северного Причерноморья.—АГСП.

принятых выводов своих предшественников, а ограничивались кратким их изложением.

Настоящее исследование рассматривается автором лишь как первый этап в изучении многовековой истории взаимоотношений Афин с античными государствами Северного Причерноморья. Дальнейшее изучение имеющихся источников и главным образом новые материалы, постоянно добываемые в результате археологических исследований, несомненно, позволят в будущем прийти ко многим новым интересным выводам и дадут возможность нарисовать более полную и обоснованную картину связей Афин с Северным Причерноморьем — одного из важных разделов древней истории Юга нашей страны.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СВЯЗЕЙ АФИН С СЕВЕРНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В VI В. ДО Н. Э.

Единственным источником для решения вопросов, связанных с определением времени начала торговых связей Афин с Северным Причерноморьем, а также с начальным периодом развития этих связей, является археологический материал. Письменных источников, которые могли бы пролить какой-либо свет на эту проблему, для рассматриваемого времени нет. Что же касается археологического материала, то использование и истолкование его в настоящее время сопряжено, к сожалению, с большими, порою непреодолимыми трудностями. Значительная часть материалов из раскопок на острове Березани — древнейшего греческого поселения в Северном Причерноморье, — хранившаяся в Херсонском историческом музее, погибла во время Великой Отечественной войны, не будучи опубликованной. Прочий же материал из березанских раскопок разного времени, как и из других мест Северного Причерноморья, рассеянный по различным коллекциям Советского Союза ¹, за редкими исключениями не исследован должным образом и не введен в научный оборот.

При изучении начального этапа торговых отношений Афин с Северным Причерноморьем возникает еще ряд трудностей, которые препятствуют достижению вполне достоверных и неоспоримых выводов. Прежде всего

¹ Небольшая часть материалов из дореволюционных раскопок Березани, производившихся Э. Р. Штерном, хранится в музее университета в Галле, в ГДР, и опубликована Билефельдом (E. Bielefeld. Die Antiken-Sammlung des Archaeologischen Instituts der Martin-Luther-Universität Halle—Wittenberg.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität. Halle—Wittenberg, Jahrg. II, 1952/53, Hf. 3. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, № 2, стр. 88, сл.: № 31, 32, 45а, 49, 51, 71, стр. 106, сл. и табл. XXI, XXII). Отдельные обломки керамики из тех же раскопок находились в Лейпциге и, возможно, в Гейдельберге (R. M. Cook. Amasis and the Greeks in Egypt.— JHS, 57, 1937, стр. 235, прим. 38; с г о ж е. Ionia and Greece in the eighth and seventh centuries B. C.— JHS, 66, стр. 76, прим. 90).

необходимо учитывать пределы возможности интерпретации археологического материала. В самом деле, наличие тех или иных предметов, или их фрагментов, в данном случае ранних аттических изделий, в северочерноморских находках может определенно свидетельствовать об их происхождении, о месте и времени их изготовления. Но могут ли они во всех случаях служить неоспоримым доказательством непосредственных торговых связей Афин с Северным Причерноморьем? Чем можно доказать, что продукция аттических мастерских всегда попадала в местности, где ее находят, в результате прямого общения афинян с населением этих местностей, а не через посредство купцов из других городов? Это относится прежде всего к начальному периоду проникновения аттических товаров в те или иные районы, например, — на северное побережье Понта. Без дополнительных свидетельств письменных источников эти вопросы неразрешимы.

Учитывая широкое развитие в античном мире посреднической торговли, необходимо считаться с возможностью проникновения в Северное Причерноморье ранних аттических изделий (керамики) через посредничество ионийских и прежде всего, вероятно, милетских купцов.

Приходится считаться и с тем, что часть хранящихся в музейных коллекциях материалов, в данном случае опять-таки ранних аттических изделий, могла быть, и была в действительности, приобретена путем покупки у различных торговцев древностями, которые в коммерческих целях указывали в качестве места находки этих предметов различные места Северного Причерноморья, хотя в действительности они были привезены из разных мест Средиземноморья. Поэтому при исследовании необходимо строго различать вещи, найденные при раскопках на территории Юга СССР, и те, условия находки которых не могут быть точно выяснены. Историческим источником в полной мере, естественно, могут служить лишь первые.

Все сказанное, однако, ни в какой мере не должно приводить к гиперкритическому отношению к материалу, которым мы в настоящее время располагаем. В корне неправильным был бы отказ от рассмотрения и попытки истолкования наличного раннего аттического материала. Надо полагать, что в основных чертах ход развития афино-северочерноморских торговых сношений и их хронология могут быть установлены с достаточной убедительностью. Но следует иметь в виду определенную условность выводов, относящихся к интерпретации аттического материала, принадлежащего времени до середины VI в. до н. э.²

² Выводы, к которым можно прийти в настоящее время, не претендуют на категорическое и окончательное решение вопроса, ибо основаны они на сравнительно узком круге источников. Возможно, что дальнейшая работа по изучению наличного материала, равно как и находки из новых раскопок, приведут в будущем к необходимости внесения тех или иных поправок, тех или иных уточнений в рассматриваемый вопрос. Все же представляется, что имеется уже достаточно твердая почва для более или менее достоверного уяснения начального периода отношений Афин с северными берегами Черного моря.

Борьба в Афинах за изменение политического строя привела в самом начале VI в. до н. э. к ряду демократических реформ, связанных с именем Солона. В настоящей работе нет необходимости исследовать ни причины законодательства Солона, ни существо реформ. Остановимся кратко лишь на тех мероприятиях афинского законодателя, которые имеют, как представляется, непосредственное отношение к исследуемой теме.

Прежде всего это касается денежной реформы Солона. До Солона, как известно, афинская монета чеканилась по эгинскому стандарту (так называемой Фидоновской системе), имевшему распространение в Пелопоннесе и на Эгине. Среди же торговых государств Эгейского бассейна (например, Коринфа, Мегар и других) был принят евбейский стандарт чекана монеты. Такое положение затрудняло афинянам выход на широкий международный рынок и ставило их в экономическую зависимость от Эгины. Солон перешел от эгинского чекана к евбейско-коринфскому. Изменение веса монеты (100 новых драхм равнялось 70—73 старым) имело огромное значение для выдвижения Афин на одно из первых мест в мировой торговле того времени³. Теперь для афинян была значительно облегчена возможность широкого развития торговых операций с малоазийскими городами и другими передовыми торгово-ремесленными полисами Средиземноморья, которые пользовались монетой, чеканенной по евбейской весовой системе. В результате началось резкое увеличение распространения аттических товаров, как на запад, так и на восток.

Не менее важное значение для выхода Афин на широкий простор международной торговли имело возобновление ими борьбы за Саламин — наиболее важное событие внешней политики Афин начала VI в. до н. э. Саламин, которым в это время владели мегаряне, запирали выход из Саронического залива. Пока остров находился под властью Мегар, афинянам был закрыт доступ к широкой торговле и прежде всего к торговле с наиболее развитым торгово-ремесленным центром того времени — Коринфом⁴. В связи с исследуемой темой нет необходимости рассматривать все перипетии и подробности борьбы между афинянами и мегарянами, приведшей в конечном итоге к завоеванию Саламина афинами. Важны те результаты, которые принесло афинянам владение Саламином; они имели первостепенное значение для экономического развития Афин.

В начале VI в. до н. э. торговой экспансии Афин еще не было⁵. Исследования некрополей в Сицилии и Италии показывают, что если в начале VI в. до н. э. в них абсолютно господствует коринфская керамика, то в течение века она становится все более редкой, уступая место аттической,

³ Разумеется, денежная реформа Солона сама была следствием экономического развития Афин, а не только стимулом этого развития.

⁴ J. G. Milne. The monetary Reform of Solon.—JHS, 50, 1930, стр. 183.

⁵ W. Helbig. Sopra le relazioni commerciali degli Ateniesi coll'Italia.— Accademia dei Lincei, 1889, стр. 179; S. Dimitriou et M. Coja. La céramique archaïque et les débuts de la cité Pontique d'Histria.— «Dacia», N. S., III, 1958, стр. 87.

которая постепенно совершенно вытесняет керамику всех прочих центров⁶. Чрезвычайно показательно, что афинская торговля переживает заметный подъем именно в связи с завоеванием Саламина. В это время аттическая керамика впервые появляется на побережье Черного моря и в значительном количестве на западе⁷. Нельзя, разумеется, связывать борьбу за Саламин со стремлением афинян к развитию торговых связей специально с Понтом, как на этом настаивают некоторые исследователи⁸. Но этот остров был жизненно необходим для Афин как ключ к морской торговле вообще, для развития ее в любом направлении.

Несмотря на то, что едва ли можно назвать работу по истории греческой колонизации северных берегов Понта и истории античных городов и поселений этого района, в которой в той или иной форме не затрагивался бы вопрос о начале торговых сношений Афин с Северным Причерноморьем, поставленную проблему далеко еще нельзя считать решенной. В исследованиях, посвященных ранней истории греческих поселений Юга СССР, рассмотрение их взаимоотношений с Афинами обычно начинается с того времени, когда афинские изделия, прежде всего керамика, уже широко распространились на северопричерноморских рынках, и афинские купцы прочно освоили эти рынки, — со второй половины VI в. до н. э.⁹ Можно считать общепринятым взгляд, согласно которому проникновение аттической керамики в Северное Причерноморье начинается около середины VI в. до н. э.¹⁰

Однако среди аттических керамических изделий, найденных в Северном Причерноморье, ряд образцов относится ко времени более раннему, чем середина VI в. до н. э. Это обстоятельство заставляет прийти к предположению о начале торговли Афин с городами Северного Причерноморья еще в первой половине VI в. до н. э.

Однако следует подчеркнуть (на это было уже обращено внимание выше) возможность того, что на первых порах аттический импорт попадал

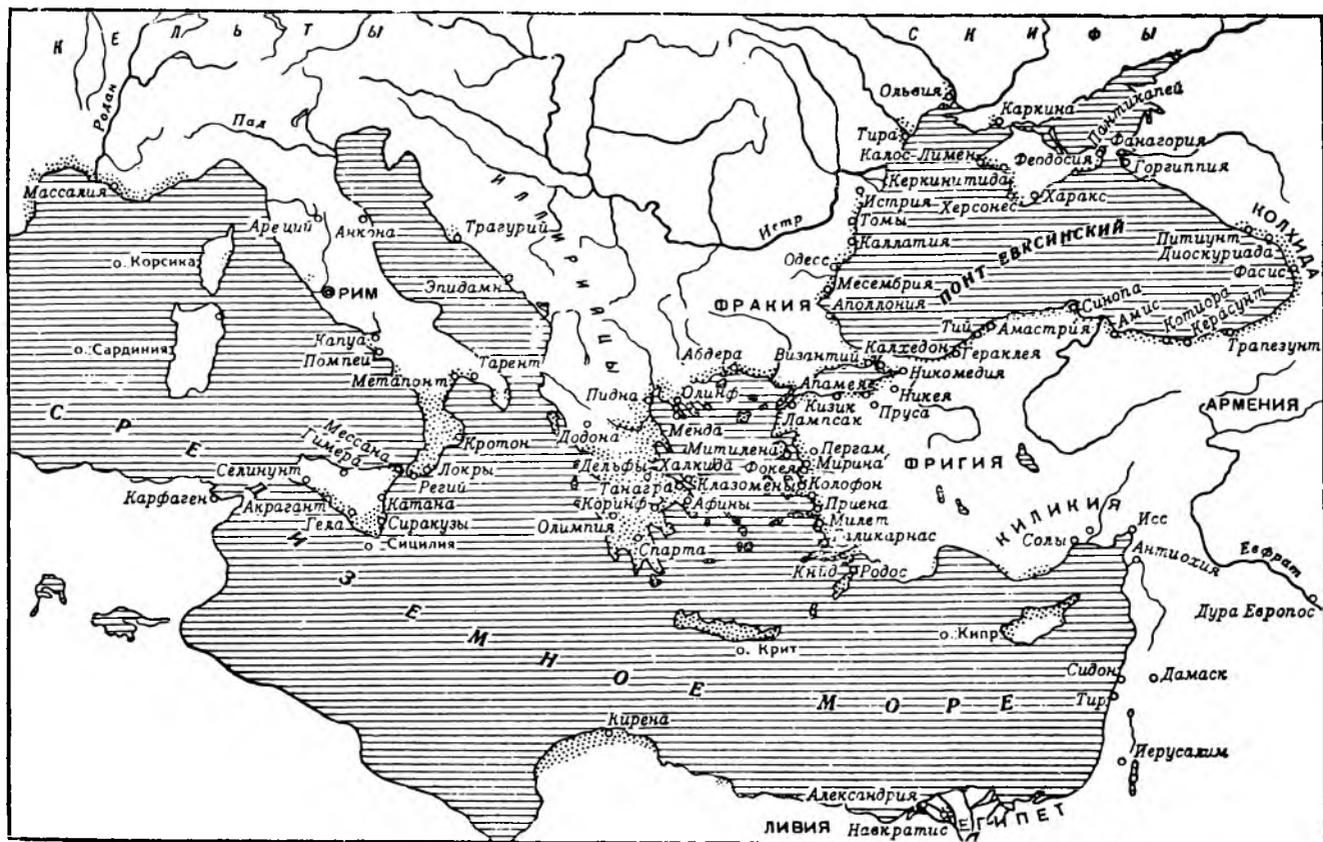
⁶ P. Orsi. *Antichi Monumenti*, I, стр. 798, сл. и 902, сл.; S. Gsell. *Fouilles dans la nécropole de Vulci*. Paris et Thorin, 1891, стр. 315, сл., 481, сл.; E. Pottier. *Le commerce des vases peints attiques au VI-e siècle*. — RA, 4-e série, t. III, 1904, стр. 45.

⁷ A. French. *Solon and the Megarian question*. — JHS, 77, 1957, стр. 238, сл.

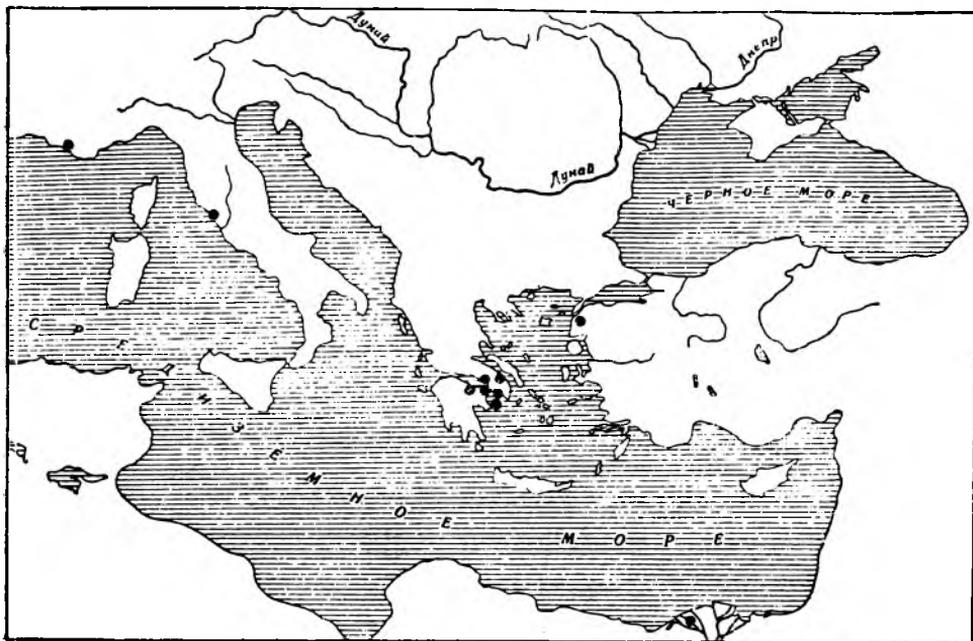
⁸ См. ниже, стр. 17.

⁹ Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации. — ЗООИД, XXII, 1900, стр. 7; E. v. Stern. *Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung*. — «Klio», IX, 1909, стр. 144; В. Ф. Гайдукевич. *Боспорское царство*. М.—Л., 1949, стр. 39.

¹⁰ В. Д. Блаватский. *История античной расписной керамики*. М., 1954, стр. 260; Т. Н. Кипович. *Художественная керамика в городах Северного Причерноморья*. — АГСП, стр. 361: «Во второй половине VI в. к числу центров, ввозивших свои керамические изделия в область Северного Причерноморья, присоединяется Атика».

Древняя Греция и греческие колонии

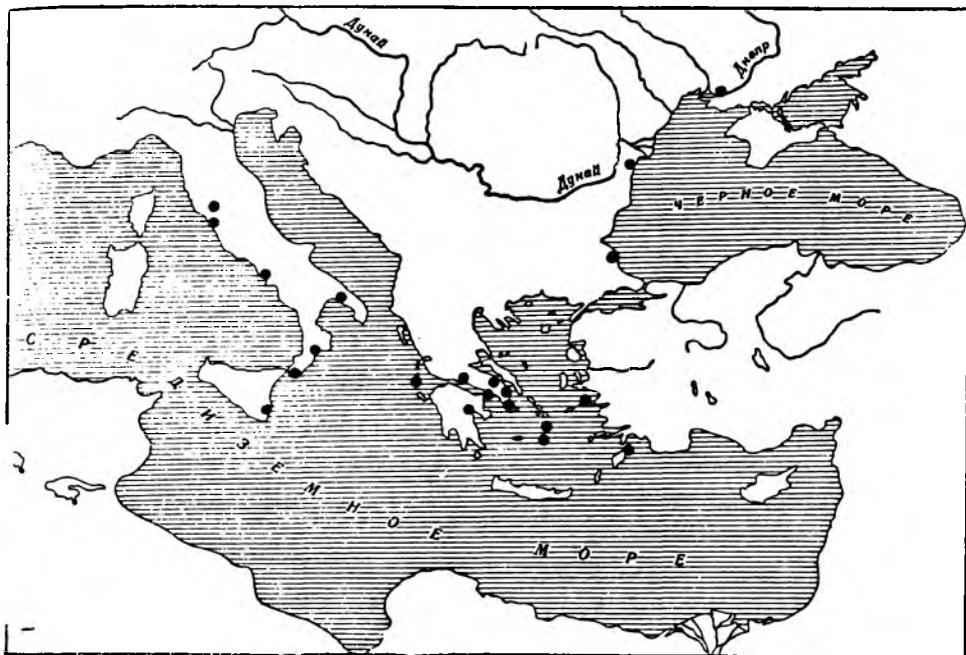
Распространение аттической керамики в конце VII в. до н. э. (по Бейли)

на северные берега Понта не прямо из Афин, а через посредство иноземных купцов.

При исследовании начального этапа сношений Афин с Северным Причерноморьем афинскую политику в отношении этого района нельзя рассматривать изолированно, вне связи с понтийской политикой Афин в целом. В это время, как представляется, цели и задачи политики Афин были общими для всего Понта, со стороны Афин еще не проявлялись дифференцированные интересы к различным причерноморским районам.

Гипотеза о начале торговли Афин с Понтийским районом с самого начала VI в. до н. э. впервые была выдвинута в интересном исследовании Бейли об экспорте аттической чернофигурной керамики ¹¹. Автор утверждает, что в то время как в районе Черного моря не обнаружено ни одного фрагмента аттических сосудов конца VII в. до н. э., в следующий период (600—580 гг. до н. э., по классификации Бейли) образцы аттической чернофигурной керамики содержатся среди находок не только западного

¹¹ В. L. Bailey. The Export of Attic Black-Figure Ware. — JHS, 60, 1940, стр. 60, сл. Позднее точка зрения Бейли была некритически принята Д. П. Каллистовым (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 203).

Распространение аттической керамики в начале VI в. до н. э. (по Бейли).

побережья Понта (Аполлония), но проникают уже далеко на север — в Истрию и даже Березань¹². При этом Бейли ссылается на сообщение Б. В. Фармаковского о находках на Березани черепков аттических сосудов так называемого стиля Вурва¹³. Проникновение афинского экспорта в районы Черного моря, в том числе и в Северное Причерноморье, Бейли связывает с особым интересом к Понту, который якобы был у Солона.

Для обоснования этой точки зрения автор может привлечь лишь сообщение Диогена Лаэртского, который отмечает, что Солон «убедил их (т. е. афинян. — И. Б.) присоединить (к своим владениям) также и Фракийский Херсонес»¹⁴. Вслед за Фрименом, который считал возможным интерпретировать приведенный пассаж Диогена как доказательство интереса Солона к Гелеспонту в качестве пути к богатым хлебным районам Причерноморья¹⁵, Бейли считает это свидетельство в свете археологических

¹² B. L. Bailey. The Export..., стр. 63.

¹³ AA, 1904, стр. 105.

¹⁴ Diog. Laert., I, 47: ἐπεισε δὲ αὐτοὺς καὶ τὴν ἐν Θράκῃ Χερρόνησον προσκτήσασθαι

¹⁵ K. J. Freeman. The Life and Work of Solon. London, 1926, стр. 177; B. L. Bailey. The Export..., стр. 64.

данных указанием на то, что одной из целей реформ Солона было его стремление завязать хлебную торговлю с исследуемым районом. Едва ли, однако, имеются достаточные основания для безоговорочного принятия этой точки зрения¹⁶. Прежде всего, и это главное, археологический материал не дает оснований для вывода об установлении афино-понтийских торговых связей еще при Солоне.

Нельзя говорить о сколько-нибудь регулярных торговых сношениях Афин с Понтом Евксинским в течение всей первой половины VI в. до н. э.¹⁷ Известно, далее, что Херсонес Фракийский вошел в орбиту влияния афинян не при Солоне, а лишь в середине VI столетия до н. э. Наконец, необходимо считаться и с тем, что труд Диогена Лаэртского, сообщение которого кладется в основу приведенной гипотезы, отделен от обсуждаемых событий почти тысячелетним периодом времени, и поэтому к нему следует подходить критически и с большой осторожностью. Таким образом, приведенная выше, интересная сама по себе гипотеза, основанная, как это видно, на чисто логических соображениях, не подкрепляется какими-либо достаточно вескими данными и поэтому не может быть признана убедительной. Вероятно, следует полагать, что если Солон и предвидел и учитывал необходимость установления торговых контактов с Понтийским районом, то это не являлось определяющим моментом ни в его реформах, ни в афинской внешней политике того времени. Интересы Афин в это время были направлены прежде всего на дельту Нила и на западные рынки¹⁸. Нет никаких объективных данных для утверждения о развитии (или даже начале) торговли Афин в это время и с районом Черного моря.

Перейдем теперь к рассмотрению археологического материала, проливающего свет на начало торговых связей Афин с Северным Причерноморьем. При этом представляется целесообразным рассматривать отдельно

¹⁶ Д. П. К а л л и с т о в. Очерки..., стр. 203; Г. В. Б л а в а т с к а я. Западно-понтийские города в VII—I вв. до нашей эры. М., 1952, стр. 44. Оба автора принимают гипотезу Фримена — Бейли, ошибочно приписывая ее Селтмену.

¹⁷ Относительно Северного Причерноморья подробнее об этом будет сказано ниже (см. стр. 22). Отсутствие регулярных связей Афин с другими районами Понта Евксинского в это время подтверждается новейшими археологическими исследованиями. Торговое и культурное влияние Афин в Синопе, как и в других местностях южного берега Черного моря, начинается приблизительно с 560 г. до н. э. (см. E. A k u r g a l und L. B u d d e. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope. Ankara, 1956, стр. 9). В западном Причерноморье находки фрагментов аттической керамики первой половины VI в. до н. э. насчитываются единичными экземплярами, что свидетельствует о спорадичности проникновения их в указанный район. Относительно Истрии см. S. D i m i t r i u et M. C o j a. La céramique archaïque..., стр. 85, сл.; относительно Аполлонии см. B. L. V a i l e y. The Export..., стр. 63, сл. Как нам любезно сообщил П. Александреску, в Истрии найден один единственный фрагмент аттического сосуда, который может быть датирован 620—600 гг. до н. э.

¹⁸ Это очень ярко иллюстрируется материалом, тщательно собранным самим же Бейли (B. L. V a i l e y. The Export..., стр. 62, а также составленные им карты начала проникновения, аттической чернофигурной керамики в различные географические пункты).

материал западной части Северного Причерноморья и восточной его части.

Самыми ранними образцами импортной керамики среди материалов, происходящих из Северного Причерноморья, которые с полной достоверностью могут быть признаны изделиями аттического производства, являются найденные в раскопках на острове Березани фрагменты сосудов работы мастера Софила — наиболее раннего из афинских гончарных мастеров, имя которого засвидетельствовано сигнатурами. Датируются они еще первой четвертью VI в. до н. э.¹⁹ К ним относится прежде всего обломок подставки сосуда (вероятно, диноса), целиком покрытый поясами с изображением животных. В. М. Скуднова относит к работам Софила еще два фрагмента чернофигурных сосудов с Березани, считая их вместе с фрагментом подставки диноса ранними произведениями мастера, датируемыми началом VI в. до н. э.²⁰ Имеется в виду, в частности, обломок (вероятно, амфоры), на котором в четырехугольном поле, оставленном в цвете глины, изображен сидящий лев. По поводу этого фрагмента следует отметить, что на подобного рода амфорах наиболее обычным было изображение головы коня; другие рисунки встречаются редко.²¹ Рассматриваемый фрагмент поэтому должен быть датирован, по-видимому, уже началом второй четверти VI в. до н. э., когда сюжеты росписи на таких амфорах становятся более разнообразными.²² С Бере-

Обломок подставки аттического диноса работы Софила

Первая четверть VI в. до н. э. Березань

¹⁹ В. М. Скуднова. Обломки чернофигурных сосудов мастера Софила из Березани. — СГЭ, XII, 1957, стр. 48, сл. О деятельности Софила, относящейся к первым двум десятилетиям VI в. до н. э., см. J. D. Beazley. The Development of Attic Black-Figure. London, 1951, стр. 8, 17; J. Frel. Reçke vazy. Praha, 1956, стр. 37.

²⁰ В. М. Скуднова. Обломки чернофигурных сосудов..., стр. 48.

²¹ J. D. Beazley. The Development of Attic Black-Figure, стр. 39.

²² E. Buechler. Griechische Vasen. 3 Aufl. München, 1940, стр. 108.

зани происходит и ранний чернофигурный кратер с изображением трех человеческих фигур, по бокам которых стоят крылатые сфинксы.

Таким образом, наиболее ранний аттический импорт на территории северо-западного Причерноморья, как и Юга СССР вообще, относится к 580—570 гг. до н. э.

Непосредственно к аттической керамике этого времени примыкают фрагменты чернофигурных киликов, также найденных на Березани. В. М. Скуднова считает их работой так называемого мастера «С»²³, деятельность которого датируют второй четвертью VI в. до н. э. К наиболее раннему периоду афинского импорта в Северном Причерноморье относится также обломок края чернофигурного килика с изображением Геракла, происходящий из раскопок ольвийской агоры²⁴.

К числу ранних находок керамики из Северного Причерноморья, которые могут быть признаны продукцией аттических мастерских, следует присоединить также единичные экземпляры сосудов или их фрагменты, принадлежащие к так называемому стилю Вурва. Этот стиль, являющийся непосредственным предшественником аттической чернофигурной техники, существовал некоторое время параллельно с последней. Все найденные на Юге СССР образцы керамики этого стиля (а они насчитываются единицами), насколько нам известно, происходят из района Буго-Днепровского лимана (Березань, Ольвия и округа)²⁵. К ним относятся вазы, происходящие из Ольвии и опубликованные Б. В. Фармаковским²⁶, фрагменты сосудов из раскопок Березани²⁷, которые были упомянуты выше, а также найденные при раскопках поселения у Широкой Балки близ Ольвии обломки крышки леканы с изображением сирен и пантер²⁸.

Все упомянутые выше образцы принадлежат конечному периоду развития стиля Вурва и не могут быть датированы временем более ранним, чем описанные выше изделия аттической чернофигурной керамики.

К числу образцов керамики стиля Вурва, которые лишь с известной долей вероятности можно считать происходящими из Северного Причерноморья, вероятно, относятся три скифоса из бывшей коллекции древно-

²³ В. М. Скуднова. Аттические чернофигурные килики из Березани.— СГЭ, VIII, 1955, стр. 35, сл.

²⁴ Т. Н. Книпович. Итоги работ Ольвийской экспедиции.— КСИИМК, 51, 1953, стр. 113, рис. 46, 1; Е. И. Левин. К вопросу об ольвийской агоре.— СА, XXI, 1954, стр. 322, рис. 2, 1.

²⁵ Лишь часть из образцов названной группы найдена при раскопках и может быть, следовательно, с полной достоверностью отнесена к числу северочерноморских находок.

²⁶ Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России.— МАР, № 34, 1914, табл. III, 3—5.

²⁷ АА, 1904, стр. 105.

²⁸ Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой Балки.— КСИИМК, 40, 1951, стр. 122, рис. 34.

стей Фогеля ²⁹, место находки которых не представляется возможным установить, а также три вазы из коллекции Эрмитажа, изданные Т. Н. Книпович ³⁰. По времени и они все не могут быть признаны более ранними, чем рассмотренная выше аттическая керамика.

Самый ранний образец аттической керамики, найденный в восточной части Северного Причерноморья, в районе Боспора Киммерийского, происходит из раскопок Феодосии. Это небольшой обломок чернофигурного сосуда с изображением воина в шлеме и со щитом в руке ³¹. Изображение воина относится к категории так называемых «свирепых воинов» («fierce fighters») по Бизли, отметившему, что сосуд, которому принадлежит этот фрагмент, несомненно был расписан рукой безымянного мастера, расписавшего известный афинский динос, найденный при раскопках Акрополя (так называемый мастер вазы «Акрополь 606») ³². Деятельность мастера акропольского диноса не выходит за рамки второй четверти VI в. до н. э. ³³ 60-ми годами VI в. до н. э. датируются фрагменты чернофигурного кратера из Нимфея, который приписывают работе мастерской Лида ³⁴.

Обломок чернофигурного сосуда с изображением так называемых «свирепых воинов»

Первая половина VI в. до н. э. Феодосия

²⁹ J. V ö h l a u. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn A. Vogell. Cassel, 1908, стр. 9, № 48—50; табл. I, 1, 7. Бёлау поместил эти скифосы в разряд коринфских и ионийских сосудов, не высказываясь о месте их изготовления.

³⁰ Т. Н. Книпович. Три вазы стиля Вурва в Эрмитаже.— ИРАИМК, II, 1922, стр. 165, сл., табл. X—XII. Место находки этих сосудов также неизвестно. Все они куплены у торговцев древностями, по словам которых один происходит из Ольвии, а два других — с Березани.

³¹ Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, табл. 2, 1.

³² J. D. V e a z l e y. The Development of Attic Black-Figure, стр. 40 и табл. 13, 3.

³³ Бизли (там же) отмечал, что феодосийский фрагмент представляет большой исторический интерес, так как он, по сведениям автора, являлся наиболее ранним образцом аттической керамики, найденным на территории Юга СССР. В настоящее время, как было показано выше, вывод Бизли остается в силе лишь по отношению к Крыму, поскольку среди находок с Березани содержатся образцы аттической керамики более раннего времени.

³⁴ В. М. Скуднова. Фрагменты чернофигурного кратера мастерской Лидоса из Нимфея.— СГЭ, IX, 1956, стр. 45, сл.; М. М. Худяк. Два святилища на акрополе Нимфея.— Тр. ГЭ, II, 1958, стр. 84, рис. 1.

Из Нимфея же происходит ряд других обломков аттических чернофигурных сосудов первой половины VI в. до н. э.³⁵

Как видно из приведенного материала, при всей его малочисленности, в первой половине VI в. до н. э. аттический импорт явно преобладает в северо-западном Причерноморье. В северо-восточной части Причерноморья он в это время почти отсутствует, хотя проникновение сюда аттических изделий также берет начало еще в первой половине века.

При рассмотрении ранних образцов аттического импорта в Северном Причерноморье бросается в глаза их высокое качество. Этому отмечавшемуся уже факту³⁶, как представляется, можно найти следующее объяснение. В первой половине VI в. до н. э. Афины еще только начинают проникать на понтийский рынок, где в то время уже существовали прочные, хотя еще и не очень длительные, экономические связи с ионийскими центрами и Коринфом. Для того чтобы освоить этот, уже освоенный другими рынок, афинянам необходимо было предстать на нем с товарами более высокого качества, чем у конкурентов. В последующее же время, когда аттические изделия уже зарекомендовали себя с наилучшей стороны и приобрели соответствующий спрос у покупателей, можно было перейти к более массовому экспорту, в котором наряду с дорогими изделиями первоклассных мастеров все более значительное место занимала дешевая массовая продукция.

Как видно из вышесказанного, афинский импорт в Северном Причерноморье в первой половине VI в. до н. э. крайне немногочислен, что может свидетельствовать лишь о спорадичности торговых сношений афинян с этим районом. Торговые сношения в период их зарождения, несомненно, носили еще случайный характер³⁷. Но важно отметить, что уже с этого

³⁵ М. М. Худяков. Из истории Нимфея VI—III веков до н. э. Л., 1962, стр. 17, 45.

³⁶ В. М. Скуднова подчеркивает, что ранние аттические изделия из Северного Причерноморья отличаются более высоким качеством, чем импортировавшиеся в последующее время (В. М. Скуднова. Аттические чернофигурные килики из Березани, стр. 36). Следует, однако, иметь в виду, что и в более позднее время Афины экспортировали в Северное Причерноморье первоклассные изделия, выдающиеся образцы своего ремесла. Но благодаря резкому расширению экспорта, наряду с первоклассными экземплярами с течением времени все в большем количестве встречается и массовая продукция весьма дюжинной работы.

³⁷ Необходимо также считаться и с возможностью того, что аттические товары в это время поступали в Понт через посредство ионийских и коринфских купцов. Но весьма возможно, что скорее всего между Афинами и причерноморскими областями завязались уже непосредственные торговые сношения (В. Л. Вайсман. The Export..., стр. 63). Мнение В. М. Скудновой (Чернофигурные лекиты с архаичного некрополя Ольвии.— АИ, VII, 1958, стр. 113), будто непосредственные торговые связи между Северным Причерноморьем и Афинами вряд ли существовали в течение всего VI в. до н. э., нельзя признать убедительным. Об этих связях свидетельствует прежде всего количество аттических изделий, найденных при раскопках северопонтийских городов, которое во второй половине VI в. до н. э. весьма велико. Ср. Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из Паптикаея.— МИА, № 103, 1962, стр. 148. Н. А. Сидорова считает, что прямых торговых связей у Боспора с Коринфом не существовало, а коринфская

раннего времени возникает интерес Афин к Северному Причерноморью.

Итак, все сказанное выше приводит к следующим выводам:

1. Проникновение афинских товаров в Северное Причерноморье начинается скорее всего в конце первой четверти VI в. до н. э. В этот период, как и во второй четверти столетия, связи Афин с северопонтийскими городами не носят еще регулярного характера, о чем свидетельствует единичность находок аттических изделий, относящихся к рассматриваемому времени.

2. Установление торговых связей Афин с северо-западным (Березани, Ольвия) и северо-восточным (Боспор Киммерийский) Причерноморьем протекало параллельно. Все же начало проникновения аттических товаров в западную часть северного побережья Черного моря предшествует появлению их на Боспоре, хотя эта разница во времени и незначительна.

3. В начальный период северо-западное Причерноморье играет большую роль в торговле с Афинами, чем северо-восточное.

Новый этап в развитии связей Афин с Северным Причерноморьем наступает в середине VI в. до н. э. Решающее значение в этом деле имели успехи внешней политики Афин, связанные с именем Писистрата.

В VI в. до н. э. аттическое крестьянство стало быстро переходить от возделывания зерновых культур к более выгодным культурам оливы и винограда. В результате этого, а также по мере быстрого роста населения, Афины все более начинают нуждаться в привозном хлебе. Во время тирании Писистрата в Афинах впервые пробуждается интерес к широкому развитию торговли с Северным Причерноморьем, как одним из важнейших источников зерна. Для успешного развития черноморской торговли перво-степенное значение имел вопрос о контроле над ключевыми позициями на понтийском торговом пути — Черноморскими проливами. И внешняя политика Писистрата в значительной степени преследовала цель обеспечить путь к северочерноморскому хлебу.

В середине VI в. до н. э. (559 г. до н. э.) на побережье Геллеспонта в Херсонесе Фракийском утвердилась власть Мильтиада Старшего³⁸. Дружественные взаимоотношения с ойкистом Херсонеса Фракийского позволили Писистрату поставить под афинский контроль Геллеспонт и торговлю с Причерноморьем.

В нашу задачу не входит подробное исследование спорного вопроса о том, был ли Мильтиад ставленником Писистрата, иными словами, действовал ли он в интересах внешней политики Афин того времени, как это

продукция попадала туда, вероятно, через Афины. Ср. также Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритакис.— МИА, № 25, 1952, стр. 247. Автор считает вероятным посредником Милет.

³⁸ Ch. T. Seltman. Athens, its History and Coinage. Cambridge, 1924, стр. 132; Христов М. Д. Борьба на старите гърци за Черно море и Протоците.— Годошник на Софийския Университет. Ист.-фил. фак., т. XXXIX, 1942—1943, стр. 10.

признано большинством ученых ³⁹, или же он действовал самостоятельно, независимо и в противовес политике Писистрата ⁴⁰. В данном случае важны не личные побуждения Мильтиада или Писистрата, а тот факт, что правление Мильтиада в Херсонесе Фракийском объективно было выгодным для Афин и сказалось самым благотворным образом на их торговле с побережьем Черного моря. Ярким свидетельством этого является обширный археологический материал, о котором будет сказано ниже.

Несколько позднее, в 30-х годах VI в. до н. э., афиняне прочно утвердились и в другом ключевом пункте Черноморских проливов — Сигее, который был завоеван Писистратом ⁴¹. Таким образом, афиняне укрепились на обоих берегах Геллеспонта.

Теперь, когда при помощи Мильтиада были заняты острова, охраняющие подступ к Геллеспонту, а также Херсонес Фракийский, и под властью афинян находился Сигей, Афины получили политическое преобладание в Геллеспонте. С этого времени начинается новый этап в торговых сношениях Афин с Северным Причерноморьем. Если во второй четверти века торговые сношения Афин с причерноморскими областями, как было отмечено выше, носили еще случайный характер (об этом свидетельствуют лишь единичные экземпляры аттических изделий, которые тонут в массе материала неаттического происхождения), то теперь торговля Афин с этим районом не только резко увеличивается в объеме, но приобретает характер непрерывного и регулярного обмена.

Как уже отмечалось выше, ярким свидетельством афино-северочерноморских торговых связей, начиная с середины VI в. до н. э., являются многочисленные находки аттической керамики, происходящие из раскопок античных городов и поселений во всех частях Северного Причерноморья.

³⁹ Литература вопроса (до 1937 г.) сведена у Н. В е r v e. Miltiades. Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit.— «Hermes», Einzelschrift II. Berlin, 1937, стр. 9, прим. 1; С. Я. Л у р ь е. История Греции, I. Л., 1940, стр. 155; С h. Т. S e l t m a n. Athens, its History and Coinage, стр. 60; U. К a h r s t e d t. Beiträge zur Geschichte der Thrakischen Chersones. Baden-Baden, 1954, стр. 5, сл.; E. W i l l. Sur l'évolution des rapports entre colonies et métropoles en Grèce à partir du VI siècle.— «La Nouvelle Clion», VI, 1954, № 7—10, стр. 422, сл.

⁴⁰ Н. В е r v e. Miltiades, стр. 12, сл. Убедительную критику точки зрения Берве см. U. К a h r s t e d t. Beiträge zur Geschichte..., стр. 5, прим. 2; E. W i l l. Sur l'évolution des rapports..., стр. 422, сл.

⁴¹ С h. Т. S e l t m a n. Athens, its History and Coinage, стр. 60; Н. В е r v e. Miltiades, стр. 29. Сигей принадлежал Афинам в течение короткого времени еще около 600 г. до н. э. (см. А. А. Т р e v e r. The Intimate Relation between Economic and Political Conditions in History, as illustrated in Ancient Megara.— Classical Philology, XX, 1925, стр. 124). О характере взаимоотношений Сигея с Афинами в это время можно судить на основании надписи первой половины VI в. до н. э. из Сигея (Syll. ³, № 2). Берве в вопросе о захвате Писистратом Сигея отрицает элемент экономической заинтересованности Афин в Черном море (Miltiades, стр. 33), полагая, что все дело сводилось к чисто личным соображениям и интересам Писистрата. Однако автор совершенно игнорирует богатый археологический материал, который прямо свидетельствует против его выводов.

В отличие от предшествующего времени, афинская чернофигурная керамика, среди которой особенно многочисленна группа киликов так называемого мелкофигурного стиля («Kleinmeisterschalen»), широко представлена в находках Северного Причерноморья⁴². Господство этого стиля падает на середину и третью четверть VI в. до н. э. Особенно большое количество киликов мелкофигурного стиля происходит из находок на Березани⁴³. Среди них имеется и ряд подписных киликов, в том числе с сигнатурами Тлесона, сына Неарха⁴⁴. Обломки киликов с сигнатурой этого мастера найдены также в Ольвии и Нимфее и датируются 40-ми годами VI в. до н. э.⁴⁵ Много фрагментов чернофигурных киликов мелкофигурного стиля найдено в Ольвии⁴⁶. Они нередко встречаются и в находках боспорских городов — Пантикапея⁴⁷, Мирмекия и Тиритаки⁴⁸, Нимфея⁴⁹, Феодосии⁵⁰. Прекрасные образцы изделий этого рода, происходящие с Юга СССР, изданы Бёлау в каталоге коллекции Фогеля⁵¹. При желании этот перечень можно было бы продолжить, но и приведенного материала достаточно, чтобы убедиться, что начиная с середины VI в. до н. э., уже в третьей его четверти все Северное Причерноморье находится в оживленных торговых сношениях с Афинами. Удельный вес аттического импорта в Северном Причерноморье резко возрастает по сравнению со второй четвертью VI в. до н. э., однако он все еще значительно уступает традиционному импорту из ионийских центров. И для этого периода, как и для предшествующего, характерен ввоз преиму-

⁴² Эта же группа керамики широко представлена и находками из раскопок в западном Причерноморье («Histria», I. București, 1954, стр. 410, сл.; Em. C o n d u r a c h i și c o l a b o r a t o r i. Șantierul arheologic Histria.— Materiale și cercetări arheologice, IV, 1957, стр. 38, рис. 21, 8; и х же. Șantierul Histria.— Materiale și cercetări arheologice, VI, 1959, стр. 291, рис. 13, 4—5; S. D i m i t r i u et M. C o j a. La céramique archaïque..., стр. 85.

⁴³ Э. Р. Штерн.—ЗООИД, XXIII, 1901, протокол 328 заседания, стр. 88, сл.; е го же.—ЗООИД, XXV, 1904, протокол 345 заседания, стр. 99, сл.; е го же.—ЗООИД, XXVIII, протокол 391 заседания, стр. 44 и протокол 397 заседания, стр. 86; С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья.— МИА, № 50, 1956, стр. 229; В. М. Скуднова. Фрагменты чернофигурных киликов Тлесона.— СГЭ, XI, 1957, стр. 45, сл.

⁴⁴ Э. Р. Штерн.—ЗООИД, XXIII, 1901, протокол 329 заседания, стр. 88, сл.

⁴⁵ В. М. Скуднова. Фрагменты чернофигурных киликов Тлесона, стр. 45, сл.

⁴⁶ В. Р h a g m a k o v s k y. Olbia. Fouilles et trouvailles.— ИАК, 33, 1909, стр. 118.

⁴⁷ О находках последних лет см. В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1952 году.— КСИМК, 58, 1954, стр. 80; Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея.— МИА, № 56, 1957, стр. 187.

⁴⁸ Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки.— МИА, № 25, стр. 246; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г.— МИА, № 4, 1941, стр. 131, рис. 36.

⁴⁹ М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея.— СА, XVI, 1952, стр. 248; е го же. Из истории Нимфея..., стр. 19.

⁵⁰ Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика.

⁵¹ J. V ö h l a u. Griechische Altertümer..., стр. 13, № 93, 94 и табл. V, 3, 5.

Чернофигурный килик мелкофигурного стиля
40-е годы VI в. до н. э. Березань

щественно высококачественных изделий афинского ремесла, что диктовалось, по-видимому, необходимостью борьбы со своими конкурентами.

К последней четверти VI в. до н. э. объем аттического импорта в города Северного Причерноморья еще более увеличивается и достигает весьма значительного размера. Наряду с импортом расписной чернофигурной керамики, которая теперь в подавляющей массе представлена рядовой продукцией беглого рисунка, в большом количестве поступает и простая чернолаковая посуда, главным образом килики. За последние годы особенно многочисленные находки аттической керамики указанных групп были сделаны, например, при раскопках ольвийского теменоса в ямах, содержавших культовые отбросы из храмов.

Теперь Афины начинают все более теснить своих конкурентов⁶². Владение весьма выгодными позициями на главном звене понтийского торгового пути — Черноморских проливах — предоставляло широкие возможности всемерного развития торговли с Черным морем. Необходимость широкого развития торговли с этим районом диктовалась растущим спросом Афин на привозной хлеб, который, по всей вероятности, уже в это время поступал в Афины и из Северного Причерноморья. Ведь совершенно очевидно, что обильный импорт из Афин в Северное Причерноморье должен был покрываться ответным экспортом, который, надо полагать, в основной части составляло зерно.

⁶² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 39.

Чернофигурная пелика

Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей

Чернофигурный килик мелкофигурного стиля

Третья четверть VI в. до н. э. Березань

Во второй половине VI в. до н. э. афинские товары через посредство Боспора и, особенно, Ольвии начинают проникать далеко в глубь Скифии. Ареал аттических изделий в конце VI в. до н. э. уже весьма широк. На севере он распространяется вплоть до Курска и Киева. Скифская знать в обмен на хлеб и продукты скотоводства охотно покупает вино, масло и дорогие афинские расписные сосуды, находки которых в курганных захоронениях различных районов Юга СССР нередки⁵³.

В конце VI в. до н. э. начинается также проникновение аттической чернофигурной керамики на территорию будущего Херсонеса, где в то время, по-видимому, существовала ионийская торговая фактория. Наряду с находками ионийской керамики в различных местах Херсонеса были найдены обломки чернофигурных и краснофигурных аттических ваз⁵⁴.

⁵³ Н. П. Бондарь. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—IV вв. до н. э. — СА, XXIII, 1955, стр. 64; Н. А. Ойунко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья. — СА, 1960, № 2, стр. 32, сл.; см. также: о Полтавской группе курганов. — С. и. В., стр. 449; о Кубанской группе курганов (второй Улььский курган) — там же, стр. 282 и ОАК за 1898 г., стр. 32, рис. 47 а—в; о погребении у ст. Воронежской — С. и. В., стр. 284 и ОАК за 1903 г., стр. 73, рис. 138.

⁵⁴ Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса. — МИА, № 34, 1953, стр. 14; В. Ф. Гайдукевич. [Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический». Л., 1948]. — ВДИ, 1949, № 3, стр. 141; В. Д. Блаватский. [Рецензия на ту же книгу]. — Там же, стр. 144.

Кроме керамических изделий — расписных и чернолаковых сосудов, терракот — Афины, без сомнения, экспортировали на северные берега Понта и иные товары. В их число, надо полагать, входили металлические изделия, включая ювелирные, оливковое масло, которое составляло одну из важнейших статей аттического экспорта. Встает вопрос об аттической керамической таре, в которой это масло перевозилось. Основной тарой для перевозки и хранения жидких тел в античном мире служила остродонная амфора. Амфорные обломки составляют основную массу находок в раскопках античных городов и поселений. При том объеме и размахе торговли, который существовал между Афинами и городами Северного Причерноморья, значительное число амфор аттического происхождения или их обломков в северочерноморских находках следует считать вполне естественным. До сих пор, к сожалению, нет достаточно прочной основы для выделения афинской группы простой керамической тары из той массы, которую обычно принято называть амфорами «неизвестного происхождения». А priori можно с уверенностью предполагать, что среди этой массы безусловно присутствует и аттическая группа, так как нельзя допустить, чтобы афиняне с их столь развитым керамическим производством пользовались в качестве тары привозными амфорами ⁵⁵.

Северное Причерноморье интересовало Афины в VI в. до н. э. не только как источник сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь — хлеба, но и как рабский рынок ⁵⁶. По-видимому, еще во второй четверти VI в. до н. э. афинянам были известны рабы из Северного Причерноморья, которые уже тогда, как и в последующее время, использовались в качестве лучников и полицейской силы. На знаменитой вазе Клития и Эрготима,

⁵⁵ В настоящее время известны лишь единичные амфорные клейма Афин (см. V. G r a s e. Stamped Amphora Handles. — «Hesperia», III, 1934, стр. 297, сл.), которые не могут решить вопроса. Одним из путей выделения группы аттических остродонных амфор (керамической тары) является попытка сличения некоторых типов амфор неизвестного происхождения с изображениями амфор в аттической вазовой живописи. Недавно И. Б. Зеест (Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, стр. 18, 74) на основании сходства с изображениями на аттических вазах высказала предположение об афинском происхождении амфор с так называемыми стаканообразными ножками (конусовидная полая ножка, относящихся к V в. до н. э. Обломки этих амфор нередко встречаются среди керамических находок из Северного Причерноморья. Однако вопрос об аттической керамической таре нельзя еще считать решенным — он требует серьезного и глубокого детального исследования.

Некоторая часть оливкового масла высшего качества, вероятно, экспортировалась афинянами в панафинейских амфорах, ряд обломков которых найден и в Северном Причерноморье. См. М. И. М а к с и м о в а. Панафинейская амфора из Зеленского кургана. — КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 18, сл.

⁵⁶ Однако Северное Причерноморье, по-видимому, никогда не было значительным, а тем более решающим рабским рынком (В. О. Г о л ь д е н б е р г. До питання про вивіз рабів з північного Причорномор'я в античний період. — Тр. Харьковского университета, т. II. Уч. зап., XLIII, 1952, стр. 59, сл.; M. I. F i n l e y. The Black Sea Region and the Slave Trade in Antiquity. — XI-e Congrès International des Sciences historiques. Resumés de communications, стр. 74, 75).

Чернофигурная ольпа
Конец VI в. до н. э. Ольвия

так называемой вазе Франсуа, при изображениях двух стрелков из лука написаны несомненно северочерноморские имена Τόξικος и Κιττιέριος⁵⁷. Позднее, как известно, афиняне купили 300 скифов-рабов специально для выполнения ими полицейских функций⁵⁸. Имя Скиф имеется и на чернофигурной амфоре при изображении убитого стрелка, над трупом которого сражаются Диомед и Гектор⁵⁹.

Во второй половине VI в. до н. э. рабы северочерноморского происхождения встречаются в Афинах среди гончаров и вазописцев. На ряде подписанных чернофигурных и ранних краснофигурных сосудов известно имя вазописца Скифа⁶⁰. Таким образом, очевидно, что северопонтийские рынки уже в VI в. до н. э. приобрели для Афин и значение рабских рынков, что еще более усилило интерес к ним. О знакомстве со скифами «воочию» свидетельствует и изображение стрелков с боевыми секирами, в типичных скифских костюмах на чернофигурной вазе, найденной в Афинах и датированной последними годами господства Писистратидов. С. А. Жебелев высказал весьма вероятное предположение, что скифы служили наемниками у Писистратидов, а попадать в Афины они могли скорее всего из Северного Причерноморья⁶¹.

Итак, к концу VI в. до н. э. торговля Афин с городами Северного Причерноморья приобретает такой размах, что позиции конкурентов Афин — ионийских городов Малой Азии и островов Эгейского моря — оказываются существенно ослабленными. Традиционный импорт из ионийских центров, с которыми северопонтийские города были связаны не только длительными и прочными торговыми отношениями, но и как колонии с метрополией (Милет), не прекращается. Но количественно аттический импорт к этому времени, безусловно, вырос настолько, что он, пожалуй, превзошел ввоз из любого другого центра. Об этом свидетельствуют многочисленные наблюдения, сделанные при исследованиях позднеархаических культурных напластований, как в Ольвии, так и в городах Боспора⁶². Значительно труднее решить другой вопрос: с кем Афины вели в рассматриваемое время более интенсивную торговлю — с Ольвией или Боспором? Трудность решения этого вопроса заключается в различной степени археологической исследо-

⁵⁷ МИС, № 104 и стр. 351.

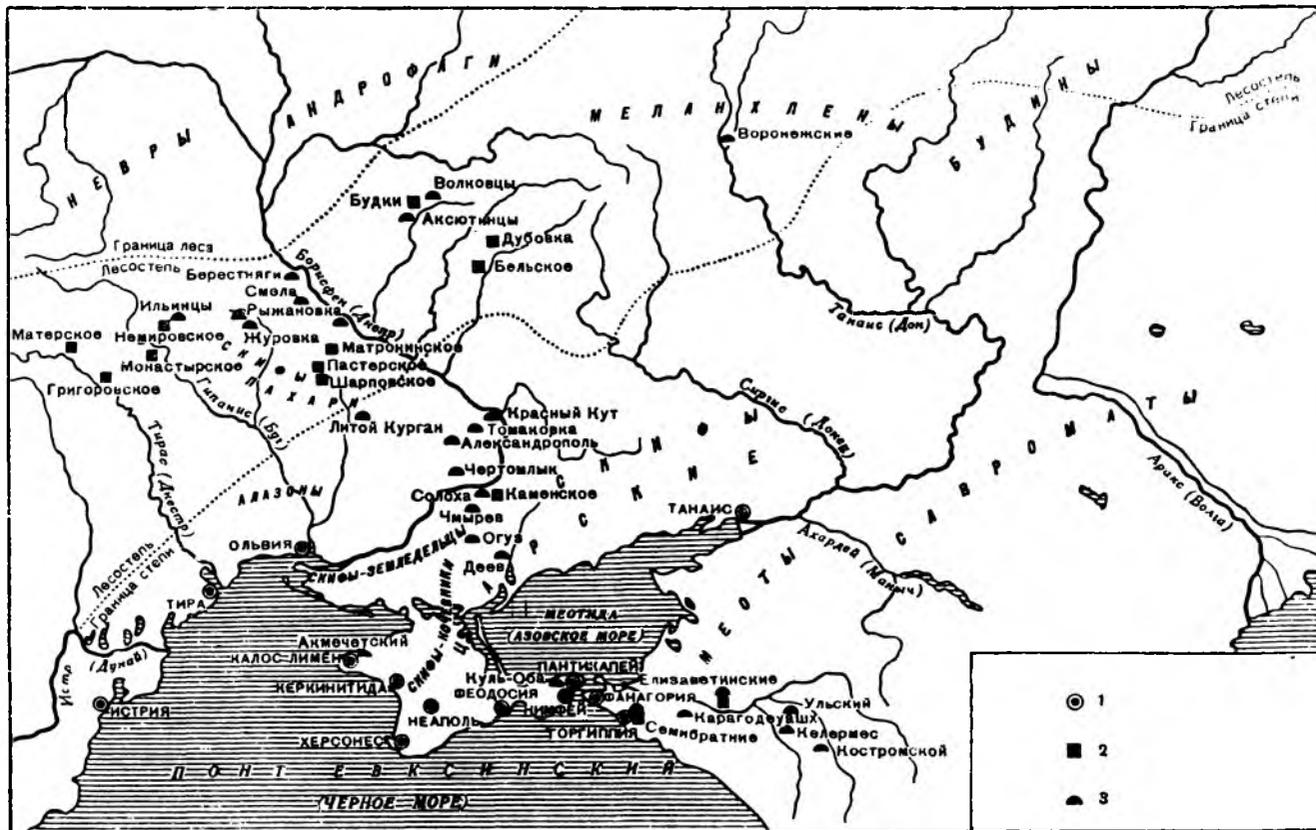
⁵⁸ Schol. Aesch., II, 173=SC, 1, стр. 371: καὶ τριχόβουτος Σκίθος ἐπιπέμειται. В комедиях Аристофана слово скиф было синонимом полицейского. См. также МИС, стр. 232.

⁵⁹ МИС, № 105.

⁶⁰ Там же, № 100—103.

⁶¹ С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гиллоа. — СП, стр. 180.

⁶² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 39; E. v. S t e r n. Die griechische Kolonisation..., стр. 144. Г. А. Цветаева (к вопросу о торговых связях Пантикалея, стр. 189) отмечает, что преобладание ионийского импорта в это время еще не было уничтожено. Автор, вероятно, права в своем утверждении, однако следует помнить, что под «ионийским импортом» разумеется продукция целого ряда производственных центров, каждый из которых в отдельности не был уже в состоянии конкурировать с Афинами.

Скифия по Геродоту и важнейшие археологические памятники скифской эпохи

1 — греческие города; 2 — городища; 3 — курганы

ванности городов Северного Причерноморья. Но все же впечатление таково, что на первое место в торговле Афин с Северным Причерноморьем в VI в. до н. э. должна быть поставлена торговля с западной его частью, с районом Березани и Ольвии. Эта точка зрения может быть подкреплена и некоторыми косвенными соображениями. Во-первых, надо полагать, что столкнувшись с сильной конкуренцией ионийских центров, афинские купцы постепенно двигались вдоль западного берега Понта с юга на север. Плавание в VI в. до н. э. было еще весьма примитивным и, вне всякого сомнения, только каботажным. При этих условиях разница в расстоянии между Афинами и Ольвией, с одной стороны, и Боспором — с другой, играла существенную роль. Во-вторых, и это заслуживает особого внимания, уже в весьма раннее время афинские монетные типы оказали значительное влияние на типологию ольвийских монет.

А. Н. Зограф отмечал, что литые «ассы» Ольвии с головой Афины Паллады на лицевой стороне находят самые близкие стилистические аналогии в тетрадрамах Афин первого десятилетия V в. до н. э. или самого конца VI ⁶³. Заимствование Ольвией афинских монетных типов отмечает Селтмен ⁶⁴. Он полагает, что голова Афины в шлеме на лицевой стороне ольвийских монет скопирована с тетрадрам Писистрата, а Горгоной и колесо на аналогичных монетах — с аттических евпатридских монет с соответствующими типами ⁶⁵. Иными словами, Селтмен относит влияние афинских монетных типов на ольвийские еще ко второй половине VI в. до н. э. Эти чрезвычайно показательные факты, безусловно, свидетельствуют об очень ранних и прочных связях Ольвии с Афинами ⁶⁶. На Боспоре влияние афин-

⁶³ А. Н. Зограф. Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, стр. 123. Автор при этом ссылается на труд Сворноса «Trésor des monnaies d'Athènes». München, 1923, табл. VI и сл.

⁶⁴ Ch. T. S e l t m a n. Athens, its History and Coinage, стр. 132. Селтмен в качестве аналогии приводит материал из Этрурии, где греческие города в VI в. до н. э. также заимствовали (копировали) для собственных монет афинские монетные типы. Как и в Ольвии (и в Северном Причерноморье вообще), там также не найдены афинские монеты этого времени. Автор приходит к выводу, что на различных рынках, тесно связанных экономическими узами с Афинами, заимствование аттических монетных типов начиналось в тот период, когда сами афинские монеты становились редкими.

⁶⁵ Ch. T. S e l t m a n. Athens, its History and Coinage, стр. 13; e г о ж е. Greek Coins. London, 1955, стр. 180.

⁶⁶ В последнее время с рядом статей, посвященных рассмотрению ольвийских «ассов» выступил П. О. Карышковский (см. П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Ольвия и Афинский союз.— МАСП, III. Одесса, 1960, стр. 84, сл. и прим. 158, где указаны статьи автора, посвященные этому вопросу; e г о ж е. Ольвийские ассы с изображением совы.— СА., 1962, № 2, стр. 211, сл.), Автор полагает, что монеты с изображением Афины Паллады датируются примерно 30-ми годами V в. до н. э., а монеты с Горгоной — последующими десятилетиями (Ольвия и Афинский союз, стр. 96). Не имея возможности здесь подробно остановиться на разборе аргументации П. О. Карышковского, более уместным в специальном исследовании, укажем лишь на то, что она не во всем может быть принята. Выводом автора противоречат прежде всего археологические данные, которые показывают, что начало литья «ассов» должно относиться во всяком

1

2

Ольвийские литые медные монеты («кассы») с заимствованными афинскими типами

Первая половина V в. до н. э. Ольвия

1 — Афина Паллада; 2 — Горгоней

ских типов монет на местные в VI в. до н. э. еще не заметно. Лишь в конце V в. до н. э. оно начинает ощущаться в некоторых пунктах Боспора, как, например, в Феодосии и Синдике ⁶⁷.

При широком развитии торговли между Афинами и Северным Причерноморьем весьма примечательным представляется полное отсутствие среди северочерноморских находок афинских серебряных монет VI—V вв. до н. э., что неоднократно отмечалось в литературе ⁶⁸. Возникает вопрос, чем объяснить подобное любопытное положение? С одной стороны, вероятно, прав Э. Кондураки, объясняя отсутствие ранних афинских «сов» (как и милетских и родосских монет) в Причерноморье тем, что в меновых отношениях греческих купцов с местным населением долгое время существовал натуральный обмен ⁶⁹. С другой стороны, надлежит отметить, что уже

в случае к первой половине V в. до н. э. Таким образом, приходится прийти к заключению, что датировки П. О. Карышковского завышены.

⁶⁷ С. у. В., стр. 227, сл.; Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 41.

⁶⁸ Д. Б. Шелов. Кизикские статоры на Боспоре.— ВДИ, 1949, № 2, стр. 96 (указана литература). То же отмечено и в западном Причерноморье (см. Э. Кондураки и. Эллинистический период (IV—I вв. до н. э.) в Добрудже в свете археологических раскопок в Истрии.— «Dacia», N. S., III, 1959, стр. 229). Единственное исключение составляют две афинские тетрадрахмы из клада, обнаруженного в Болгарии в с. Тенево Ямболского округа (примерно в 80 км от побережья Черного моря), которые датируются Т. Герасимовым V в. до н. э. (Т. Герасимов. Коллективные находки от монеты през 1956 и 1957 г.— ИАИ, XXII, 1959, стр. 359).

⁶⁹ Э. Кондураки. Эллинистический период..., стр. 229.

в раннее время на причерноморских рынках в качестве интерлокальной монеты начинают функционировать электровые статеры Кизика, так называемые кизикины. Д. Б. Шелов, посвятивший специальное исследование кизикским статерам на Боспоре, полагает, что утверждение этой монеты на понтийском рынке произошло гораздо раньше, чем Афины достигли сколько-нибудь заметного влияния в этих районах. Когда афиняне стали доминирующей силой в торговле с Понтом, они не сочли нужным вытеснить кизикины, а подчинили себе Кизик и превратили его монетный двор в филиал своего собственного ⁷⁰.

Подводя итог всему сказанному, еще раз отметим, что к концу VI в. до н. э. Афины прочно утвердились на северочерноморских рынках и стали наиболее активными из контрагентов как Ольвии, так и Боспора. Такого положения афинянам удалось добиться благодаря тому, что со второй половины VI в. до н. э. в своей внешней политике они стали обращать особое внимание на Черноморские проливы. Значение проливов как ключа к торговле с Понтом и, более того, как ключа к могуществу и гегемонии было прекрасно понято афинянами. Особенно ярко это прослеживается на примере внешней политики Афин в последующее время. Начиная со второй половины VI в. до н. э. афинский импорт поступал в Северное Причерноморье непрерывно вплоть до периода позднего эллинизма, когда Афины окончательно теряют значение экономического и политического центра. На протяжении V и IV вв. до н. э. афинский импорт, прочно утвердившийся еще в VI в. до н. э., абсолютно доминирует в Северном Причерноморье.

⁷⁰ Д. Б. Ш е л о в. Кизикские статеры на Боспоре, стр. 97; C. H. S u t h e r l a n d. Corn and Coin: A Note on Greek commercial Monopolies.— AJP, LXIV, 1943, стр. 145. Сьюзерленд полагает, что понтийские города принимали серебряную монету в качестве платежа за свой экспорт лишь для того, чтобы оплатить ею греческий импорт. Афины, по его мнению, пользовались для платежей на Понте не своим серебром, а электровыми статерами Кизика и Лампсака, которые были уравнены с золотым статером.

СВЯЗИ АФИН С СЕВЕРНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В ПЕРИОД ПЕРСИДСКОГО ГОСПОДСТВА НА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВАХ И ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙН (КОНЕЦ VI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА V В. ДО Н. Э.)

В конце VI в. до н. э. Дарий I завоевал побережья Геллеспонта и Пропонтиды, и Черноморские проливы оказались во власти Персии. В науке высказан взгляд, что в какой-то мере это завоевание было связано со стремлением персидского царя завладеть торговым путем в богатое Причерноморье¹. Но, надо думать, что главным образом названные территории были необходимы Дарию в качестве удобного плацдарма для нападения на Грецию, которую он готовился покорить.

Некоторые исследователи относят завоевание Черноморских проливов ко времени скифского похода Дария I, другие полагают, что оно произошло несколько раньше². Академик В. В. Струве считает возможным связывать завоевание проливов персами с походом Отана (одного из семи заговорщиков против мага Гауматы) на Самос и другие острова Эгейского моря и убедительно доказывает, что событие это произошло до 517 г. до н. э.³ Завоевание проливов персами, по-видимому, не было прочным. Это явствует из сообщаемых Геродотом фактов, согласно которым после неудачного скифского похода полководец Дария I Мегабаз покорил Перинф (Н е г., V, 1), а его преемник — Отан — был вынужден снова начать борь-

¹ В. В. Струве. Дарий I и скифы Причерноморья. — ВДП, 1949, № 4.

² Различные точки зрения по этому вопросу см. в кн.: В. П. Невская. Византизм в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1954, стр. 60.

³ В. В. Струве. Дарий I и скифы Причерноморья, стр. 20. В пользу покорения проливов до скифского похода высказывается и В. П. Невская (Византизм..., стр. 60).

бу за покорение Византия, Калхедона, Имброса и Лемноса (Н е р., V, 25) ⁴. В результате этих действий проливы оказались уже в более прочной и длительной зависимости от персов ⁵.

Таким образом, несмотря на неудачу, поход Дария против скифов имел немаловажный результат: под угрозу была поставлена безопасность одного из важнейших торговых путей греков — понтийский морской путь. Нам ничего не известно о том, каким образом персы использовали свое господство на Черноморских проливах. Обычно принято считать, что персидское владычество в этом районе ущемляло греческую торговлю с областями черноморского бассейна, что проливы были заперты персами ⁶. Однако в пользу этой гипотезы, которая а priori выглядит вполне убедительной, можно привести лишь косвенные доказательства. В борьбе против персов в период греко-персидских войн наиболее активное участие приняли те греческие государства, которые были особенно заинтересованы в понтийской торговле, и прежде всего — Афины. Косвенным доказательством того, что основной целью греков в Ионийском восстании и последовавших за ним греко-персидских войнах было освобождение проливов от персидского владычества, Ф. Мильтнер считает и первое мероприятие восставших ионян — отвоевание (в 498 г. до н. э.) Византия и других геллеспонтских городов (Н е р., V, 103) ⁷. Безусловно, проблема Черноморских проливов была одной из главнейших в борьбе греков с персами, но отводить этой проблеме исключительную и первенствующую роль, как это делает Ф. Мильтнер, едва ли правомерно, поскольку вопрос о свободе Черноморских проливов был лишь одним из целого круга вопросов, решавшихся в ходе греко-персидских войн.

Некоторые основания заставляют подвергать серьезным сомнениям общепринятую гипотезу о характере и результатах власти персов на Черноморских проливах или во всяком случае принимать эту гипотезу с существенными оговорками. В этой связи прежде всего обращает на себя внимание рассказ Геродота о том, как Ксеркс наблюдал проход через Геллеспонт, у выхода в Эгейское море, судов, груженных хлебом и направлявшихся из Понта в Грецию (Н е р., VII, 147). Эта заметка Геродота интересна не только тем, что она является наиболее ранним литературным свидетельством о вывозе хлеба из Причерноморья (несомненно, Северного), но и тем, что она доказывает существование греко-понтийской торговли в период персидского господства на проливах. Правда, относится она к

⁴ Подробнее об этом см. В. П. Невская. Византизм..., стр. 61, сл.

⁵ А. Т. О l m s t e a d. History of the Persian Empire, III. Chicago, 1948, стр. 150.

⁶ С. Я. Лурье. История Греции, I. Л., 1940, стр. 187; А. Т. О l m s t e a d. History of the Persian Empire, стр. 150; Х р и с т о М. Д а н о в. Борьбе на старите гърци за Черно море и Протоците.— Годишник на Софийския Университет. Ист.-фил. фак., т. XXXIX, 1942—1943, стр. 8, сл.

⁷ F. Miltner. Die Meerengenfrage in der griechischen Geschichte. — «Klio», 28, 1935, стр. 7.

480 г. до н. э., к концу владычества персов на Черноморских проливах, но вряд ли имеются серьезные основания полагать, что персидская политика в указанное время в чем-либо существенно отличалась от политики в предшествующее время. Скорее можно предполагать, что в более раннее время обстановка на проливах была менее обостренной; ведь 480 г. до н. э.— это период кульминации борьбы между персами и эллинами.

В. П. Невская делает из упомянутого рассказа Геродота иные выводы. Она полагает, что обычно суда с хлебом, шедшие из Понта, захватывались персами, а эпизод, рассказанный Геродотом, из которого явствует, что греческие суда прошли через проливы беспрепятственно, был исключением⁸. Свой вывод автор обосновывает ссылкой на слова Геродота: «приближенные царя узнали, что суда — неприятельские, готовы были захватить их и взирали на царя в ожидании приказа». Царь же подобного приказа не отдал, заявив: «Что же дурного в том, что они всзут нам хлеб?», будучи твердо убежден в скорой победе над греками и считая, по мнению В. П. Невской, «более рациональным захватить этот хлеб на месте, после победы над греками»⁹.

Едва ли выводы В. П. Невской могут быть сочтены достаточно убедительными. Во-первых, следует обратить внимание на то, что до Абидоса, где Ксеркс увидел корабли, они прошли из Понта беспрепятственно. Следовательно, они миновали без серьезных помех весь Боспор Фракийский, Цропонтиду и почти весь Геллеспонт. Эпизод с Ксерксом произошел в Абидосе, недалеко от выхода Геллеспонта в Эгейское море. Удобнее и естественнее было бы установить контрольный пост и запретить проливы в районе Византия, на Боспоре Фракийском, где ни один корабль из-за узости пролива не мог пройти незамеченным. Известно, что именно там (в Византии, Хрисополе) впоследствии осуществляли свой контроль над черноморской торговлей афиняне. Во-вторых, если бы захват персами торговых судов, плывших из Боспора, был правилом, и если даже допустить, что их контрольным пунктом по какой-то причине был именно Абидос, то возникает вопрос, почему нужно было испрашивать разрешение царя на захват кораблей в данном случае. Ведь более естественным было бы захватить суда согласно общему правилу. Если же в данном случае присутствие царя требовало его личного вмешательства, то речь могла скорее идти о том, чтобы царь, руководствуясь особыми соображениями, распорядился отпустить захваченные корабли. Дело, однако, происходило не так. Наконец, в-третьих, против утверждения о закрытии проливов персами можно привести еще один косвенный аргумент: персы, по-видимому, действительно были до такой степени уверены в своей быстрой и легкой победе над греками, что просто не считали нужным вести против них еще и экономическую борьбу, лишая их снабжения из Понта.

⁸ В. П. Невская. Византий..., стр. 64.

⁹ Там же.

О греко-понтийской торговле в период Ионийского восстания свидетельствует и другая заметка Геродота, в которой говорится о захвате в Византии кораблей, плывших из Понта, митиленским тираном Гистиеем (Н е г., VI, 5; ср. VI, 26). Это событие произошло в тот период, когда Византий не подчинялся власти персов, и Гистией действовал в своих корыстных целях. С другой стороны, заметка Геродота показывает, что обстановка на проливах в какой-то мере нарушала нормальную торговлю и, по-видимому, именно от пиратских действий, подобных действиям Гистиея, она и страдала в первую очередь. Говорить же о каком-то организованном контроле и ограничении прохода торговых судов через Черноморские проливы нет достаточно веских оснований.

Правильнее было бы полагать, что господство персов на понтийском торговом пути представляло большую потенциальную опасность для тех греческих полисов, которые были заинтересованы в развитии торговли с Черным морем, так как персы в любой момент могли ввести на проливах любые ограничения торговли, подобно тому, как это позднее сделали афиняне в период своей гегемонии. На вопрос о том, воспользовались ли персы этой возможностью, приходится дать отрицательный ответ. Надо полагать, что таких мер контроля и ограничения торговли на Черноморских проливах, как установленные афинянами в период Пелопоннесской войны, персы никогда не вводили. Это не исключает возможности и даже вероятности того, что греко-понтийская торговля во время греко-персидских войн терпела определенный ущерб. Однако ущерб этот мог быть вызван обычными причинами военного времени. Военные действия, безусловно, нанесли некоторый урон благосостоянию городов Северного Причерноморья. Геллеспонтские города, тесно связанные экономически с северопонтийскими, были покорены и разорены финикийским флотом (Н е г., VI, 33). Это, конечно, не могло не отразиться и на благосостоянии городов северного побережья Черного моря. С мнением В. П. Невской о том, что расправа над геллеспонтскими городами была учинена финикийским флотом не столько как над противниками персов, сколько в своекорыстных целях, как над своими торговыми конкурентами, нельзя согласиться¹⁰. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что никакой конкуренции между финикийскими купцами и геллеспонтскими греками вообще не существовало. Автор также упускает из виду тот общеизвестный факт, что финикийцы были основной и порой единственной силой персидского флота всюду, где бы этот флот ни действовал (Н е г., III, 19; VII, 96). Поэтому надо полагать, что и в данном случае финикийцы исполняли приказы персидского царя и действовали в его интересах.

О торговых связях Афин с Северным Причерноморьем в первой половине V в. до н. э., так же, как и в предшествующее время, может дать представление лишь археологический материал, прежде всего керамические

¹⁰ В. П. Невская. Византий..., стр. 63.

изделия. Этот материал, как будет показано ниже, является основным аргументом в пользу непрерывного развития торговых сношений Афин с греческими городами, расположенными на побережьях Черного моря, в пользу гипотезы об относительной свободе торговли греков и прежде всего афинян, с Понтом Евксинским в период греко-персидских войн.

До недавнего времени в науке господствовал взгляд, высказанный в свое время еще Э. Р. Штерном, согласно которому в результате захвата персами Сигея и греко-персидских войн, в торговле Афин с Северным Причерноморьем наступает резкий перерыв, торговые связи между ними полностью или почти полностью замирают. Лишь во второй половине V в. до н. э., после «Понтийской экспедиции» Перикла, Афинам вновь удается завоевать понтийский рынок ¹¹. В качестве главного доказательства приведенной точки зрения Э. Р. Штерн ссылаясь на почти полное отсутствие среди керамических находок из Северного Причерноморья аттической краснофигурной керамики строгого и переходного стилей, которые относятся хронологически к периоду греко-персидских войн. Немногочисленные образцы краснофигурной керамики строгого стиля, найденные в Северном Причерноморье, в подавляющем большинстве

Краснофигурный лекиф строгого
стиля

Начало V в. до н. э. Ольвия

¹¹ См. Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации. — ЗООИД, XXII, 1900, стр. 8; его же. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, стр. 4 и 33; его же. Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung. — «Klio», IX, 1909, стр. 144, сл.; С. Я. Лурье. История Греции, стр. 157 и 187; Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 194; Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. — МИА, № 25, 1952, стр. 246. В последнее время гипотеза Э. Р. Штерна поддержана румынскими археологами С. Димитриу и М. Кожа (см. S. Dimitriu et M. Coja. La céramique archaïque et les débuts de la cité Pontique d'Histria. — «Dacia», N. S., III, 1958, стр. 187).

Чернофигурный лекиф

Первая половина V в. до н. э.
Ольвия

относятся ко времени зарождения стиля — последним десятилетиям VI или самому началу V в. до н. э.¹²

В то время, когда Э. Р. Штерн выдвинул приведенную гипотезу, она имела серьезные основания, ибо тогда не произвелись еще систематические раскопки городищ древнегреческих колоний на Юге СССР, а материал из раскопок некрополей почти не содержал образцов аттических краснофигурных изделий раннего времени. В настоящее время, когда систематические раскопки большого числа городищ дали огромный новый материал, изданный, правда, лишь в очень небольшой части, правильное представление об афинском импорте в первой половине V в. до н. э. можно получить только при учете этого материала. Относительно Ольвии на это обстоятельство обратила внимание еще Е. О. Прушевская¹³. То же самое необходимо подчеркнуть и в отношении городов Боспора.

В результате изучения ольвийского материала Е. О. Прушевская пришла к выводу, что аттическая краснофигурная керамика поступала в Ольвию непрерывно с последних десятилетий VI и в течение всего V в. до н. э. и что, следовательно, предполагаемого Э. Р. Штерном перерыва в афинской торговле с Северным Причерноморьем в период от времени греко-персидских воин до «Понтийской экспедиции» Перикла не было¹⁴.

¹² См., например, Е. О. Прушевская. Обломок краснофигурного килика из Мирмекия. — ТОАМЭ, I, 1945, стр. 121, сл.; К. С. Горбунова. Краснофигурные килики из Ольвийского темноса. — «Ольвия. Раскопки темноса и агоры». М.—Л., 1963; Н. М. Лосева. Аттическая краснофигурная керамика Паитикапея из раскопок 1945—1958 гг. — МИА, № 103, 1962, стр. 166.

¹³ См. Е. О. Прушевская. Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля. — СА, VII, 1941, стр. 318.

¹⁴ Е. О. Прушевская сообщала (там же, стр. 318, прим. 1), что ею подготовлялась публикация всего имеющегося материала по краснофигурной керамике строгого стиля

Чернофигурный килик беглого стиля с посвящением Аполлону Дельфинию

Конец VI — начало V в. до н. э. Ольвия

При решении вопроса о торговле Афин с Северным Причерноморьем в первой половине V в. до н. э. необходимо иметь в виду, что в это время афиняне экспортировали как в Ольвию¹⁵, так и на Боспор преимущественно не высокохудожественные изделия краснофигурного стиля, а дешевую продукцию керамических мастерских — позднюю шаблонную чернофигурную и чернолаковую посуду¹⁶. Следовательно, без учета этого массового материала нельзя прийти к правильным выводам¹⁷. Э. Р. Штерн

из Ольвии. Смерть, к сожалению помешала автору довести дело до конца. Собранные материалы обнаружить не удалось.

См. также Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. — АГСП, стр. 363. Автор отмечает, что аттические сосуды ввозились в города Северного Причерноморья «непрерывно, хотя и не всегда в одинаково большом количестве, с конца VI в. до н. э.».

¹⁵ Е. О. Прушевская. Из ольвийских находок..., стр. 318.

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 46.

¹⁷ Одной из крайне важных задач, стоящих перед исследователями, является учет и изучение всего аттического материала и прежде всего материала VI—V вв. до н. э., хранящегося в коллекциях музеев СССР и происходящего из раскопок, производившихся на территории нашей страны. Не может быть сомнения в том, что когда подобная работа будет осуществлена, появится возможность внести много интересных новых деталей в историю взаимоотношений Афин с Северным Причерноморьем.

привлек для обоснования своей гипотезы лишь материал аттической краснофигурной керамики, не обратив должного внимания ни на поздние группы чернофигурной керамики, ни на чернолаковый материал. А именно этот материал, массовая продукция аттических гончарных мастерских конца VI — первой половины V в. до н. э., представлен в находках из раскопок в Северном Причерноморье в весьма значительном количестве.

Чернофигурную керамику в Афинах, как известно, продолжали изготавливать в большом количестве наряду с краснофигурной вплоть до середины V в. до н. э.¹⁸ Характерными для позднего периода развития чернофигурной техники были сосуды малых форм, в первую очередь небольшие лекифы¹⁹. Эта последняя группа керамики широко представлена как в Ольвии и на Березани, так и на Боспоре, особенно в некрополях²⁰.

К началу V в. до н. э. относится группа чернофигурных лекифов из ольвийского некрополя архаического времени²¹. В погребениях некрополя Нимфея найдены аттические чернофигурные лекифы, представляющие различные их группы от конца VI — начала V в. до н. э. до середины V в. до н. э.²² Такие же группы лекифов найдены и в некрополях Пантикалея и Мирмекия²³. Концом VI — второй четвертью V в. до н. э. датируется и ряд чернофигурных лекифов из Тузлинского некрополя на Таманском полуострове²⁴.

Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика первой половины V в. до н. э. и помимо лекифов широко представлена в находках как Ольвии, так и Боспора. Отдельные фрагменты чернофигурных сосудов обнаружены и при раскопках Херсонеса Таврического, который в рассматриваемое время не был еще греческим полисом²⁵.

Вместе с тем в северопричерноморском материале содержится, правда,

¹⁸ J. D. Beazley. The Development of Attic Black-Figure. London, 1951, стр. 87.

¹⁹ Об этой группе керамики см. исследование E. H. S. Attic Black-Figured Lekythoi. Paris, 1936.

²⁰ Систематическая публикация этого интересного материала начата лишь в последние годы.

²¹ В. М. Скуднова. Чернофигурные лекифы из архаического некрополя Ольвии.— АП, VII, 1958, стр. 127, сл. и табл. VIII.

²² Л. Ф. Силантиев. Некрополь Нимфея.— МИА, № 69, 1959, стр. 29, сл., рис. 9, 10.

²³ Там же, стр. 31, сл.

²⁴ Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, стр. 20, а также табл. 1, 1—3; 8, 3 и рис. 8, 1—5 на стр. 19.

²⁵ На месте Херсонеса до основания там греческой колонии была, по-видимому, торговая фактория — эмпорий. См. В. Д. Блаватский. [Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический». Л., 1948].— ВДИ, 1949, № 3, стр. 146; В. Ф. Гайдукевич. [Рецензия на ту же книгу].— Там же, стр. 141, сл. Ср. Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, № 34, 1953, стр. 14.

в значительно меньшем количестве, также и краснофигурная керамика первой половины V в. до н. э.²⁶

Среди аттической керамики из Ольвии представлены образцы всех ступеней развития краснофигурной техники: начального периода строгого стиля, развитого строгого и переходного стилией²⁷, раннего и позднего этапов свободного стиля²⁸. Из раскопок Ольвии происходит большое число чернофигурных сосудов или их фрагментов²⁹. Весьма значительное количество аттической расписной и чернолаковой керамики конца VI — первой половины V в. до н. э. обнаружено за последние годы³⁰ при раскопках ольвийской агоры и особенно священного участка — темноса. Среди находок имеются превосходные образцы краснофигурных киликов начального периода строгого стиля, датируемые концом VI в. до н. э.³¹ Особенно же много чернофигурной и чернолаковой керамики (глав-

Краснофигурный алабастр строгого стиля

Вторая четверть V в. до н. э.
Пантикапей

²⁶ М. И. Ростовцев (S. u. В., стр. 172) объясняет редкость находок краснофигурных сосудов строгого стиля на Юге СССР гегемонией Афин в торговле и политике в первой половине V в. до н. э., следствием которой, по мнению автора, был значительный экономический упадок греческих городов Северного Причерноморья. Кроме того, М. И. Ростовцев считает возможным объяснить скудость находок керамики строгого краснофигурного стиля тем, что интересы Афин в то время были ориентированы на Запад. Ср. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 46.

²⁷ Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 гг.— ИАК, 13, 1906, стр. 168, сл., 175, рис. 124, стр. 182, рис. 134, стр. 187; Э. Штерн. О последних раскопках в Ольвии.— ЗООИД, XXII, 1900, протокол 319 заседания, стр. 119; Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г.— СГАИМК, I, 1926, стр. 163, рис. 22; А. А. Передольская. Два новых фрагмента сосудов с росписью Бригоса.— СГЭ, IX, 1956, стр. 46, сл.

²⁸ В. P h a r m a k o w s k y. Olbia, 1901—1908. Fouilles et trouvailles.— ИАК, 33, 1909, стр. 119, рис. 34—37.

²⁹ Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии..., стр. 168, сл., 171, 173. Об аттической керамике рассматриваемого времени из Ольвии см. также Е. И. Леви. Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.— Сб. «Ольвия», т. I. Киев, 1940, стр. 106, 111—113 и табл. XIII, 5; XIV, 3, 4.

³⁰ См. А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Ольвийская агора (по раскопкам 1946—1957 гг.).— СА, 1958, № 4, стр. 132, сл.

³¹ К. С. Горбунова. Краснофигурные килики...

ным образом киликов), относящейся к концу VI и первой четверти V в до н. э.³²

В это время аттические товары не только поступали в большом количестве в саму Ольвию, но через ее посредство проникали и далеко в глубь Приднепровья³³, что является дополнительным свидетельством значительного объема афино-ольвийских торговых сношений. Чрезвычайно интересно отметить, что уже в начале V в. до н. э. аттическая расписная керамика проникает на север вплоть до Курска. Недавно при раскопках на городище Кузина Гора, в 40 км к западу от Курска, были найдены обломки чернофигурного килика беглого стиля, а также кратера³⁴. Каким образом эти изделия проникли столь далеко на север, сказать трудно. Можно, однако, предполагать, что и в данном случае посредником выступала Ольвия. Детальное исследование аттического материала, происходящего из Среднего Приднепровья, произведенное недавно Н. А. Онайко, приводит к выводу, что широкое распространение аттической керамики в этом районе наблюдается именно с начала V в. до н. э. и в течение всей первой половины века³⁵.

В итоге всего сказанного следует прийти к несомненному заключению, что торговля Афин с районом Ольвии не была прервана в начале V в. до н. э., а продолжалась беспрерывно.

Рассмотрение археологического материала из боспорских раскопок приводит к таким же выводам. Основную массу находок в архаическом некрополе Пантикапея составляют чернофигурные сосуды, в большинстве своем небольшие лекифы беглого стиля, что уже отмечалось выше³⁶. В то

³² Частично этот интересный материал опубликован Е. И. Леви (Материалы ольвийского теменоса. — «Ольвия. Раскопки теменоса и агоры». М.—Л., 1963).

³³ К раннему V в. до н. э. относится ряд курганов Киевской группы (в быв. Чигиринском уезде), раскопанных А. А. Бобринским (см. S. u. B., стр. 421). В одном из них был найден краснофигурный килик с надписью *ἱππὸ Δελφίνιο* (ИАК, 14, 1905, стр. 10; И. И. Толстой. Врач и Дельфиний. — Там же, стр. 44, сл.). У с. Турья найден краснофигурный сосуд переходного стиля (см. А. А. Бобринский. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 году. — ИАК, 40, 1911, стр. 50, рис. 5, 6, 6а). Образцы аттической керамики расматриваемого времени были найдены также в раскопанном В. В. Хвойкой кургане у с. Галушино (см. Б. Н. и В. И. Халенко. Древности Приднепровья, II, 1900, стр. 9, курган 1; ср. S. u. B., стр. 432) и у местечка Шполы Звенигородского района Киевской области (см. А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II. СПб., 1894, табл. VIII, 1; ср. S. u. B., стр. 426). Сводка всего материала содержится в статье: Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (VII—V вв. до н. э.). — СА, 1960, № 2, стр. 31, сл.

³⁴ См. А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора. — СА, 1958, № 3, стр. 200, рис. 2; ср. е е ж с. Древние городища Курского Посеймья. — МИА, № 113, 1962, стр. 92 и рис. 8, 8, 9 на стр. 102.

³⁵ Н. А. Онайко. Античный импорт..., стр. 32.

³⁶ См. S. u. B., стр. 171. Автор считает одной из важных задач выяснение вопроса, можно ли все чернофигурные сосуды названного комплекса считать аттическими, или

Чернофигурный килик

Начало V в. до н. э. Оливия

же время на Боспор из Афин поступала и высокохудожественная краснофигурная керамика. Из Пантикапея происходят, например, превосходная краснофигурная чаша развитого строгого стиля, которую, очевидно, следует датировать первой четвертью V в. до н. э.³⁷, килик позднего строгого стиля с изображениями бегущей девушки на внутренней поверхности и фигур эфэбов (фрагментированы) — на внешней³⁸. Раскопки Пантикапея последних лет также ежегодно пополняют число аттических керамических изделий рассматриваемого времени новыми образцами³⁹.

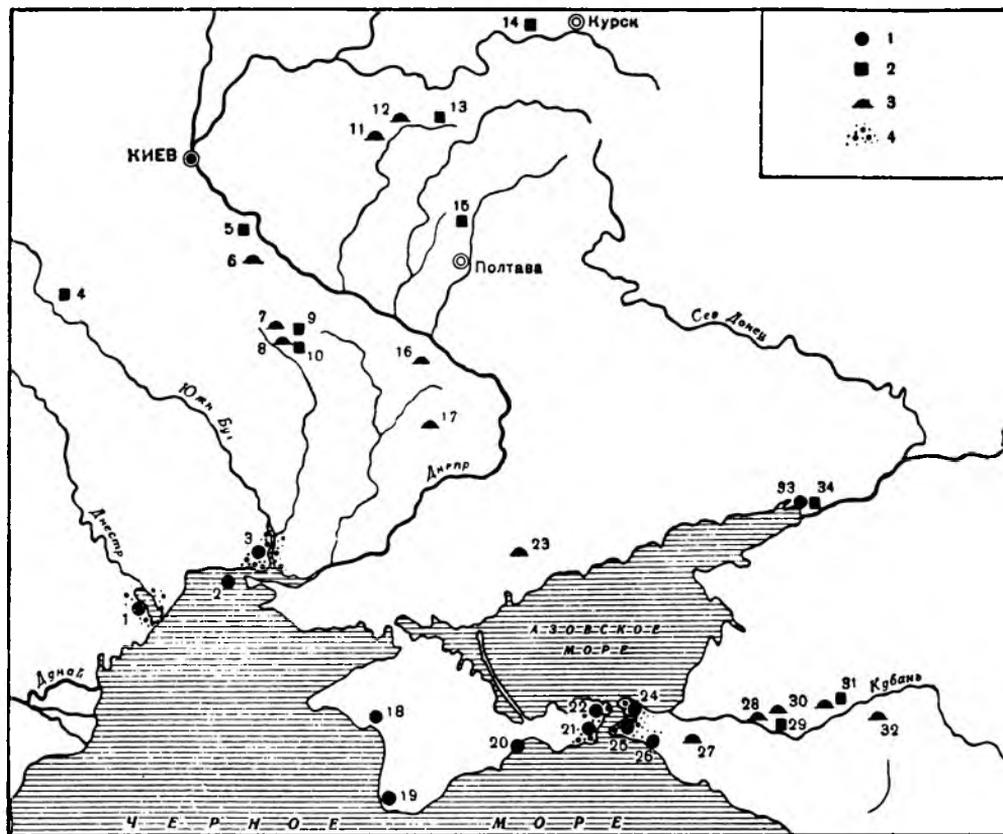
Аналогичная картина наблюдается и в так называемых малых городах Боспора — Тиритаке, Мирмекии, Нимфее. Ряд образцов аттической керамики первой половины V в. до н. э. найден при раскопках Тиритаки.

же среди них имеются изделия малоазийской фабрикации (ср. Р. В. Ш м и д т. Греческая архаическая керамика..., стр. 246). В настоящее время можно утверждать, хотя детальная разработка этого вопроса еще и не произведена, что в подавляющем большинстве чернофигурная керамика из некрополя Пантикапея является, несомненно, аттической (см. Л. Ф. С и л а т ь в а. Некрополь Нимфея, стр. 31, сл.).

³⁷ См. Э. Р. Ш т е р н. Значение керамических находок..., стр. 73, сл. Автор ошибочно приписывал сосуд работе мастера Амасиса II.

³⁸ См. ИАК, 35, 1910, стр. 29, рис. 16; ОАК за 1907 г., стр. 80, рис. 75.

³⁹ В. Д. Б л а в а т с к и й. Раскопки Пантикапея (1949 г.) — КСИИМК, 37, стр. 220, сл.; е г о ж е. Раскопки Пантикапея в 1952 г. — КСИИМК, 58, стр. 77, 80, 82; е г о ж е. Раскопки Пантикапея в 1953 г. — КСИИМК, 63, стр. 112; Г. А. Ц в е т а е в а. К вопросу о торговых связях Пантикапея. — МИА, № 56, 1957, стр. 187, сл.; Н. М. Л о с е в а. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея..., стр. 166, сл. Автор подчеркивает (стр. 179), что в Пантикапее представлены все периоды краснофигурной вазописи.

Распространение аттической керамики в Северном Причерноморье

а — греческие города; б — городища; в — курганы и группы курганов; г — район наибольшего распространения аттической керамики

1 — Тира, 2 — Березань, 3 — Ольвия, 4 — Немировское, 5 — Каневское («Большое»), 6 — Яблоновские, 7 — Журовка-Турья, 8 — Галушино, 9 — Шарповское, 10 — Пастырское, 11 — Аксиутинцы, 12 — Волковцы, 13 — Басовское, 14 — Кузина Гора, 15 — Бельское, 16 — Александропольский, 17 — Солоха, 18 — Керкинида, 19 — Херсонес, 20 — Феодосия, 21 — Нимфей, 22 — Пантикапей, 23 — Мелитопольский, 24 — Фанагория, 25 — Гермонасса, 26 — Горгиппия, 27 — Семимратние, 28 — Марьевские, 29 — Елизаветинское, 30 — Воронежские, 31 — Усть-Лабинское, 32 — Ульский, 33 — Елизаветовское, 34 — Танаис

Главным образом это фрагменты чернофигурных сосудов поздних групп⁴⁰. Обильны находки фрагментов аттических керамических изделий этого времени в Мирмекии из раскопок как городища, так и некрополя⁴¹. Среди многочисленных обломков чернолаковой керамики V в. до н. э. (участки

⁴⁰ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки. — МИА, № 25, 1952, стр. 85.

⁴¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекии. — МИА, № 25, стр. 142 (рис. 12), 143, 144, 214.

«Е» и «И») преобладают образцы изделий первой половины столетия: киликов на высоких ножках, скифосов и чаш на низких кольцевых подставках ⁴². Обломки чернофигурных киликов и лекифов датируются тем же временем ⁴³. Вместе с тем даже и в таком небольшом городе, каким был Мирмекий в VI — первой половине V в. до н. э., встречается и краснофигурная керамика первой половины V в. до н. э. ⁴⁴

Еще более заметны следы торгового влияния Афин в течение первой половины V в. до н. э. в Нимфее. Выше уже отмечались находки аттической расписной керамики этого времени в некрополе этого города. Многочисленны находки и на городище. При раскопках святилища в Нимфее найдено много фрагментов чернофигурных киликов беглого стиля, относящихся к первой половине V в. до н. э., а также чернолаковых киликов и чашечек на низкой кольцевой подставке того же времени. Как и в других местах, краснофигурная керамика первой половины V в. до н. э. встречается, но в меньшем количестве ⁴⁵.

Наконец, необходимо остановиться на Феодосии. Э. Р. Штерн в свое время, отмечая редкость находок аттической краснофигурной керамики строгого стиля в Ольвии и на Боспоре, утверждал, что в Феодосии, по данным раскопок А. Л. Бертье-Делагарда, они отсутствуют полностью ⁴⁶. Между тем, в другом месте ⁴⁷ тот же исследователь указал на редкость образцов строгого стиля в раскопках этого города и опубликовал некоторые из них ⁴⁸. Действительно, из Феодосии, по сравнению с Ольвией и городами

⁴² В. Ф. Га й д у к е в и ч. Раскопки Мирмекия, стр. 194; е г о ж е. Раскопки Тиритак и Мирмекия в 1946—1952 гг.— МИА, № 85, 1958, стр. 188; е г о ж е. Мирмекий, II. Варшава, 1959, стр. 31 и 36.

⁴³ См. В. Ф. Га й д у к е в и ч. Раскопки Мирмекия, стр. 214, рис. 139 (чернофигурный лекиф белого стиля первой четверти V в. до н. э. из погребения); е г о ж е. Мирмекий, II, стр. 31, рис. 24 (обломок чернофигурного килика начала V в. до н. э.); Katalog wystawy zabytków z wykopalisk w Mirmeki w r. 1956. Muzeum Narodowe w Warszawie. Warszawa, 1957, стр. 2, сл., № 3 (рис. 4 — обломок килика, датируемый 480—460 гг. до н. э.), № 7 (обломок килика около 460 г. до н. э.). Ср. К. М і с h a ł o w s k i. Mirmeki, I. Wykopalska odcinka polskiego w r. 1956. Warszawa, 1958, стр. 65, рис. 77; М. L. В е r n h a r d. Pamiętnik wystawy zabytków z wykopalisk w Mirmeki w 1957 roku. Muzeum Narodowe w Warszawie. Warszawa, 1959, стр. 16, сл., № 22—25, 27, табл. II, 4; № 28, табл. III; № 29—38.

⁴⁴ Е. О. П р у ш е в с к а я. Обломок краснофигурного килика из Мирмекия, стр. 121, сл.; Katalog zabytków..., I, стр. 3, № 4. Ср. К. М і с h a ł o w s k i. Mirmeki, I, стр. 66, рис. 78 (фрагмент краснофигурного кратера первой половины V в. до н. э.); В. Ф. Га й д у к е в и ч. Мирмекий, II, стр. 45, рис. 41 (обломок кратера начала V в. до н. э.), рис. 42 (обломок дна килика первой половины V в. до н. э.); Pamiętnik wystawy zabytków..., стр. 20, сл., № 39—44 (обломки краснофигурной керамики от 80-х годов до середины V в. до н. э.).

⁴⁵ М. М. Х у д я к. Раскопки святилища Нимфея.— СА, XVI, 1952, стр. 260; е г о ж е. Два святилища на акрополе Нимфея.— Тр. ГЭ, т. II. «Культура и искусство античного мира и Востока», I. М.—Л., 1958, стр. 89, рис. 7 (обломок аттического фигурного сосуда в виде женской головы, первая половина V в. до н. э.).

⁴⁶ Э. Р. Ш т е р н. Значение керамических находок..., стр. 8.

⁴⁷ Э. Р. Ш т е р н. Феодосия и ее керамика, стр. 4 и 33.

⁴⁸ Там же, табл. II, 10, 11.

Боспора, происходит значительно меньше образцов указанной группы аттической керамики. Объясняется это, по-видимому, отнюдь не особым положением Феодосии, а тем обстоятельством, что город почти неисследован археологически. Раскопки некрополя в какой-то мере производились в дореволюционные годы, но городище остается до настоящего времени совершенно неисследованным, если не считать небольших разведочных раскопок И. Б. Зеест⁴⁹. Однако ранние слои при этом затронуты не были. Поэтому в настоящее время относительно Феодосии было бы рискованно делать какие-либо категорические выводы⁵⁰.

Говоря о торговых связях Афин с городами Северного Причерноморья в первой половине V в. до н. э., мы коснулись лишь одной из статей афинского экспорта — керамики, поскольку она является наиболее характерной и многочисленной группой материала. Из этого ни в коей мере не следует, что экспорт Афин в рассматриваемое время ограничивался лишь подобного рода изделиями. В Северное Причерноморье из Афин вывозили также терракотовые статуэтки⁵¹, изделия из металла и предметы ювелирного искусства⁵². В число последних входят, например, замечательные произведения аттической торевтики — серебряные килики, найденные в Семибратних курганах. Наиболее ранний из них относится еще к 80-м годам V в. до н. э., наиболее поздний — к началу 30-х годов этого же столетия⁵³. Надо полагать, что из Афин в северопонтийские города поступали также оливковое масло, вино и некоторые другие товары. Что

⁴⁹ См. И. Б. Зеест. Разведочные раскопки в Феодосии. — КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 185, сл.

⁵⁰ М. И. Ростовцев (С. и. В., стр. 228, сл.) приходит к выводу, что в Феодосии и Шимфее находки аттической керамики V в. до н. э. сравнительно более обильны, чем в Паитикаее. Эти выводы, однако, относятся целиком ко всему столетию без выделения различных периодов и должны прилагаться прежде всего ко второй его половине и концу. Автор полагает, что приведенные им наблюдения, быть может, указывают на большее влияние Афин в Феодосии и Шимфее.

⁵¹ М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Паитикаея и Фанагории. М., 1961, стр. 46, сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 45; В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории. — МИА, № 19, 1951, стр. 212; М. М. Кобылина. Фанагория. — МИА, № 57, 1956, стр. 23. См. также М. А. Наливкина. Терракотовая головка из Мирмекия. — СА, VII, 1941, стр. 284, сл. (указана литература вопроса). К первой половине V в. до н. э. относится, по-видимому, и неопубликованная аттическая терракотовая головка превосходной работы, с остатками покрытия волос черным лаком, из раскопок Мирмекия 1957 г. (М. 57—28).

⁵² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 45; Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. — АРСП, стр. 335, 337. Автор (стр. 338) обращает внимание на то обстоятельство, что приток серебряных изделий из Афин падает в основном на V в. до н. э., приостанавливаясь в конце правления Спартока I, может быть, в связи с развитием торевтики Паитикаея, с одной стороны, и экономическим состоянием Афин во время Пелопоннесской войны — с другой.

⁵³ К. С. Горбунова. Серебряные килики из Семибратних курганов и их место в истории развития греческого реалистического искусства V в. до н. э. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1953, стр. 4, сл.

a

b

Аттический серебряный килик с изображением Ники
80-е годы V в. до н. э. 4-й Семибратний курган: *a* — вид сбоку; *b* — внутренняя поверхность

касается этих последних статей афинского экспорта, то их объем не поддается пока хотя бы даже приблизительному учету.

Приведенный материал не оставляет сомнения в том, что, вопреки утверждению Э. Р. Штерна, продукция аттического художественного ремесла, и прежде всего изделия гончарных мастерских, поступала в города Северного Причерноморья беспрерывно в течение всей первой половины V в. до н. э. При этом преимущественно ввозились дешевые шаблонные чернофигурные и чернолаковые изделия массового изготовления, весьма дюжинной работы, хотя встречаются и первоклассные образцы краснофигурной керамики не только раннего, но и развитого строгого стиля⁵⁴. В. Д. Блаватский отмечает усиление ввоза аттической краснофигурной керамики в третьем десятилетии V в. до н. э., что связано, по его мнению, с ликвидацией конкуренции ионийских городов⁵⁵. Вероятно, правильное было бы усматривать основную причину усиления ввоза в окончательном падении персидского контроля над Черноморскими проливами, явившемся результатом овладения афинянами Византием, о чем подробнее будет сказано ниже.

Сложнее решить вопрос об экспорте из Северного Причерноморья в Афины в первой половине V в. до н. э. Для этого времени, к сожалению, отсутствуют источники, которые могли бы, подобно речам Демосфена, представить яркие и неоспоримые свидетельства грандиозного экспорта в Афины хлеба из Боспорского государства. Однако некоторые косвенные данные позволяют высказать предположение, что и в середине V в. до н. э. и, вероятно, в еще более раннее время, главным объектом северочерноморского экспорта, в том числе и в Афины, была пшеница.

В высшей степени ценные сведения сообщает Геродот. Описывая скифские племена, живущие к северу от Ольвии, Геродот севернее алазонов помещает скифов-пахарей, «которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу» (Н е р., IV, 17). Хлеб этот, очевидно, покупали ольвиополиты. С. А. Жебелев справедливо отмечал, что приведенное свидетельство Геродота — «ценное указание на тот источник, откуда Ольвия получала хлеб для своего экспорта, равно как и на то, с каких сравнительно ранних пор последний получил свое начало»⁵⁶. Наиболее ранним свидетельством о вывозе хлеба из Понта (можно предполагать, из

⁵⁴ Например, кратер (келеба) из Пантикапея с изображением Афины, наливающей из ойнохой вино в фиалу стоящему перед нею Зевсу (В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1954, стр. 263; Т. Н. Кипович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья, стр. 363, рис. 8, а) или гидрия с изображением летящего Гермеса (В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 263).

⁵⁵ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 260. Что касается образцов краснофигурной керамики свободного стиля, которые хронологически относятся к последующим десятилетиям, то они, по данным, приводимым В. Д. Блаватским, представлены в Северном Причерноморье несколько беднее.

⁵⁶ С. А. Жебелев. Скифский рассказ Геродота. — СП, стр. 339.

Ольвии или Боспора) является приводившийся уже выше рассказ Геродота о встрече Ксерксом кораблей, везших хлеб из Понта в Эгину и Пелопоннес (H e r., VII, 147).

О прочих статьях экспорта из Северного Причерноморья в рассматриваемое время можно лишь гадать. Это могли быть, например, рыба, продукты животноводства, экспорт которых широко распространился в следующем столетии. Возможно, что в V в. до н. э., особенно в первой его половине, торговые интересы Афин были связаны с Ольвией в большей степени, чем с городами Боспора⁵⁷.

Все сказанное выше приводит к несомненному выводу, что состояние археологического материала в настоящее время требует отказа от старой гипотезы Э. Р. Штерна. С полным основанием можно утверждать, что потеря афинянами Сигея, а также и греко-персидские войны не привели ни к прекращению, ни к резкому нарушению торговых связей Афин с Северным Причерноморьем, как и с Понтом вообще. Однако следует допускать временные колебания в торговле, которые вызывались политической ситуацией в рассматриваемый период. Трудно предполагать, чтобы персы, контролируя Черноморские проливы, не чинили никаких препятствий торговле своего главного врага, что военные действия не создавали никаких помех ремеслу и торговле Афин. Но, как уже было подчеркнуто выше, организованной системы контроля торговли на проливах со стороны персов, как это имело место в период Пелопоннесской войны со стороны афинян, по-видимому, не существовало.

В связи со сказанным в высшей степени интересны результаты археологических исследований Аль Мины в Сирии⁵⁸. Аль Мина находилась на территории, принадлежавшей в интересующее нас время Персии. Но в период греко-персидских войн торговые связи этого города с Афинами не прекращались, о чем свидетельствуют многочисленные находки аттической керамики того времени⁵⁹. Автор отчета о раскопках в Аль Мине Вулли поэтому с полным основанием отмечает тот примечательный факт, что афинская торговля с Востоком через порт Аль Мина, начавшись в конце VI в. до н. э., т. е. как раз в то время, когда Персия становится врагом Греции, продолжается на всем протяжении V в. до н. э. Афины вели большие торговые операции с Персией через этот сирийский порт в течение всей их долгой борьбы в период греко-персидских войн, когда стоял вопрос о самом существовании Афин⁶⁰. Вулли подчеркивает курьезный, с его точки зрения, факт, что в древности международная торговля не прерывалась

⁵⁷ К такому предположению приводят следующие соображения: 1) безусловное влияние афинских монетных типов на типологию ольвийской литой меди («ассов») и 2) сохранение сведений в литературной традиции того времени (Геродот) об источниках хлебного снабжения Ольвии и отсутствие таковых о Боспоре.

⁵⁸ См. C. L. W o o l l e y. The Excavations at Al Mina. Sueidia. — JHS, 58, 1938, стр. 1, сл.

⁵⁹ Там же, стр. 22.

⁶⁰ Там же.

войнами, и торговые суда везли свои товары во вражеские гавани без препятствий⁶¹. Конечный вывод автора можно, однако, принять лишь с существенными оговорками. Он, очевидно, действителен для периода греко-персидских войн, как это убедительно доказывают данные археологических раскопок не только в Аль Мине. В последующее же время, например, в период Пелопоннесской войны, положение было иным. Афины, господствуя на Черноморских проливах, контролировали торговлю своих врагов и активно препятствовали им, не пуская на подконтрольные рынки⁶².

Было бы чрезвычайно интересно и важно попытаться определить колебания афинского экспорта в Северное Причерноморье на протяжении V в. до н. э. более дифференцированно — по десятилетиям. К сожалению, при настоящем состоянии материала это не представляется еще возможным и является делом будущего. Пока что можно лишь грубо, в пределах четверти столетия (для богатого бурными событиями рассматриваемого периода это — большой срок), говорить о колебаниях аттического импорта в северочерноморские города. Тем не менее, на основании археологического материала можно прийти к выводу, что наибольший спад в афино-понтийской торговле приходится на пятнадцатилетие с конца 90-х до начала 70-х годов V в. до н. э., т. е. на период наиболее ожесточенной борьбы греков с персами. Освобождение в 378/7 г. до н. э. Византия завершило дело отвоевания греками понтийского торгового пути. Однако афиняне не могли еще полностью контролировать его, поскольку Византий оказался под властью спартанского полководца Павсания. В 476/5 г. до н. э. Павсаний был изгнан афинянами из Византия⁶³. С этого года начинается период безраздельной власти Афин на Черноморских проливах и неуклонного роста афинской торговли с Северным Причерноморьем, продолжавшегося на протяжении всего V в. до н. э. и последующего времени.

Косвенно об интересе Афин к понтийскому району в первой половине V в. до н. э. свидетельствует передаваемая Плутархом версия о смерти Аристиды, согласно которой последний скончался на Понте, отправившись туда по государственным делам (P l u t a r c h., Arist., 26). Некоторые ученые склонны признать это сообщение историческим фактом, другие отрицают его достоверность, полагая, что речь идет о разных лицах, носивших одно имя⁶⁴. Думается, что не столь важно точное установление или отрицание факта смерти Аристиды на Понте, а также и того, имеется ли в виду известный афинский государственный деятель или его тезка. Сам факт появления

⁶¹ C. L. Woolley. The Excavation at Al Mina, стр. 22.

⁶² Подробнее см. ниже, стр. 89, сл.

⁶³ J. W o l s k i. Pausanias et la probléme de la politique Spartiate (480—470).— «EOS», XLVII, 1, 1954. Wratislaviae, 1956, стр. 78, сл.

⁶⁴ Сводку литературы вопроса см. в кн.: П л у т а р х. Избранные биографии. Л., 1941, стр. 383, прим. 99. Ср. также Д. П. К а л л и с т о в. Очерки..., стр. 204. П. О. Карышковский (Ольвия и Афинский Союз.— МАСП, III. Одесса, 1960, стр. 80, прим. 130) высказывает предположение, не является ли Аристид, «умерший на Понте», страгем-аргирологом, коллегой Ламаха, упоминаемым Фукидидом (IV, 75).

подобной версии указывает на то, что проблема установления прочных связей с Понтом стояла перед Афинским государством во времена Аристида, который, независимо от того, признавать ли его смерть на Черном море историческим фактом или нет, по-видимому, имел какие-то дела на Черном море. И это представляется нам вполне естественным. Остальные хлебные рынки (Египет, Сицилия, Южная Италия и т.д.) никогда не могли считаться достаточно гарантированными для Афин, ибо там сталкивались экономические интересы различных полисов. Понтийский же рынок после Ионийского восстания и последующих событий полностью контролировался афинянами и здесь они не имели конкурентов. Города — члены Афинского морского (Делосского) союза в силу ряда обстоятельств были расположены преимущественно на путях к Черному морю. И хотя в рассматриваемое время афинская внешняя политика еще ориентировалась в большей степени на запад, чем на восток, можно полагать, что объясняется это в какой-то мере именно более устойчивым положением афинских позиций на северо-востоке, в частности, на понтийском торговом пути.

Остается еще рассмотреть вопрос, проявляли ли афиняне в V в. до н. э. (в середине столетия) особую заинтересованность в северном побережье Черного моря или же их целью было широкое развитие торговых связей со всем Причерноморьем? Нам представляется не подлежащим сомнению последнее. Однако, поскольку в литературе высказано противоположное мнение, вопрос этот требует разъяснения. Д. П. Каллистов считает, что в середине V в. до н. э. устремления афинян были направлены именно на северные берега Понта, и пытается объяснить, почему это произошло⁶⁵. Отмечая на основании заметки Плутарха о «Понтийской экспедиции» Перикла (P l u t., Рег., 20), что прежде всего афиняне обратили свои взоры на южный берег Черного моря, Д. П. Каллистов полагает, что в западном Причерноморье афиняне встретили неблагоприятную обстановку, выразившуюся в столкновении с серьезными конкурентами в лице ряда ионийских городов и Кизика. «Связи этих городов, — пишет автор, — с западным побережьем были древнее афинских. Может быть, именно поэтому афинянам не оставалось ничего другого, как перенести свою деятельность на северное побережье Понта»⁶⁶. Для обоснования своей точки зрения Д. П. Каллистов обращается к археологическому материалу, давая ему весьма произвольное толкование. Автор совершенно справедливо указывает, ссылаясь на соответствующие публикации (в настоящее время их число можно было бы намного увеличить), что археологические исследования западнопонтийских городов рисуют картину сосуществования в культурных слоях второй половины VI в. до н. э. аттической керамики с коринфской и ионийской. При этом он, однако, умалчивает, что в точности такую же картину мы наблюдаем в это время и в Северном Причерноморье.

⁶⁵ Д. П. Каллистов. Очерки..., стр. 205, сл.

⁶⁶ Там же.

И там аттическая керамика сосуществует с керамикой тех же центров, что и на западном побережье. И на севере и на западе Черного моря удельный вес аттической керамики в течение VI в. до н. э. постепенно увеличивается. Однако она не становится доминирующей вплоть до V в. до н. э., когда она вытесняет своих конкурентов и здесь и там. И в Северном Причерноморье связи ионийских городов были древнее афинских. Для обоснования явлений, происходящих в V в. до н. э., Д. П. Каллистов привлекает не синхронный материал, а значительно более ранний — материал VI в. до н. э., который, кстати, также свидетельствует против точки зрения автора. Что касается нумизматического материала, приводимого Д. П. Каллистовым, то и он указывает не на различие в экономических связях северного и западного побережий Понта, а, напротив, на их общность. Находки кизикских статеров, как известно, характерны не только для западного Причерноморья, но и для Северного, где кизикины имели хождение в качестве международной монеты⁶⁷. Не только некоторые западнопонтийские города чеканили с середины V в. до н. э. монету не по аттической системе (Аполлония все-таки по аттической), но и все города Северного Причерноморья чеканили монету по эгидской, а не по аттическо-евбейской системе⁶⁸. Следовательно, и в данном случае доводы, приводимые Д. П. Каллистовым, неосновательны. Автор обошел молчанием важный эпиграфический текст, прямо свидетельствующий против его построений. Речь идет о списке фора афинских союзников за 425/4 г. до н. э., в котором содержится название западнопонтийского города Аполлонии⁶⁹. Этот город, а возможно, и некоторые другие города западного Причерноморья, несомненно, входил в орбиту афинского политического влияния, в то время как относительно городов северного побережья Понта подобных прямых свидетельств не имеется⁷⁰.

Таким образом, вопреки мнению Д. П. Каллистова, Афины не миновали западного побережья Черного моря в процессе завоевания понтийских рынков. Они постепенно продвигали свою торговлю с юга на север. И если, быть может, нет оснований утверждать, что экономические позиции Афин в Северном Причерноморье прочно укрепились лишь после освоения западного побережья Черного моря, то во всяком случае процессы эти протекали параллельно.

С другой стороны, действительно, экономическая заинтересованность Афин в рынках Северного Причерноморья была неизмеримо выше их за-

⁶⁷ Д. Б. Ш е л о в. Кизикские статеры на Боспоре. — ВДИ, 1949, № 2, стр. 93, сл.; А. Н. З о г р а ф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, стр. 121.

⁶⁸ Д. Б. Ш е л о в. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 73; А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, стр. 43.

⁶⁹ АТЛ, I, стр. 116; Т. В. Б л а в а т с к а я. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 69, сл.; И. Б. Б р а ш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э. — ВДИ, 1955, № 2, стр. 151.

⁷⁰ И. Б. Б р а ш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 148, сл.

интересованности в любом другом черноморском районе. Это и понятно, поскольку именно плодородные степи Северного Причерноморья были богаты хлебом, составлявшим всегда основной продукт афинского импорта, в котором Афины постоянно ощущали острую необходимость.

Итак, в течение первой половины V в. до н. э. продолжалось укрепление экономических позиций Афин в Северном Причерноморье. Можно предполагать, что в период греко-персидских войн греческие города Северного Причерноморья косвенно помогали успеху общего дела греков путем продажи жизненно необходимого хлеба Афинам и другим греческим полисам.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АФИН С ГОРОДАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V В. ДО Н. Э.

«Понтийская экспедиция» Перикла

В науке общепризнано, что одной из основных вех на пути установления тесных экономических взаимоотношений между Афинами и черноморскими областями, равно как преобладания Афин в указанном районе, была так называемая Понтийская экспедиция Перикла. Не подлежит сомнению, что результаты этого предприятия имели первостепенное значение как для Афин, так и для всего Причерноморья, в том числе и для северных его районов. Между тем, решение вопросов о времени, целях и ходе экспедиции встречает ряд трудностей и вызывает серьезные расхождения среди исследователей, поскольку единственным свидетельством о морском походе Перикла в Понт является краткое сообщение Плутарха в биографии Перикла (P l u t., Per., 20) ¹. Ввиду того, что этот отрывок до сих пор получает различное толкование, считаем необходимым процитировать его еще раз полностью. В нем говорится: «Войдя в Понт с большим, прекрасно снаряженным флотом, [Перикл] выполнил все, о чем просили [расположенные там] эллинские города, и отнесся к ним благосклонно (εὐλα-
νδρόπως); окружающим же варварским племенам и их царям и властителям (δυνάσταις) он показал, как велико могущество, бесстрашие и смелость [афинян], плывущих, куда им вздумается, и подчинивших себе все моря; синопейцам он оставил тринадцать кораблей под начальством Ламаха и воинов против тирана Тимесилея. Когда же тот был изгнан вместе со своими приверженцами, [Перикл] провел через народное собрание постановление,

¹ Вопросы, связанные с экспедицией Перикла в Понт, подробно рассмотрены нами в специальной статье «Понтийская экспедиция Перикла». — ВДИ, 1958, № 3, стр. 110, сл.

чтобы шестьсот добровольцев из афинян поплыли в Синопу и поселились там вместе с синопейцами, поделив дома и землю, которые раньше принадлежали тиранам».

Вопрос об источнике Плутарха настолько спорен, что его не представляется возможным разрешить сколько-нибудь убедительно². Однако бросается в глаза отсутствие даже намека на мероприятия Перикла в Черном море у Фукидида, современника Перикла, оставившего подробное описание его деятельности. Этот факт, как нам представляется, нельзя считать случайным; он, очевидно, свидетельствует о том, что «Понтийская экспедиция» сама по себе не занимала особо важного места в афинской внешней политике³. Умолчание Фукидида о «Понтийской экспедиции» Перикла, с нашей точки зрения, имеет важное значение и для уточнения ее датировки.

Рассказ Плутарха не дает достаточного материала для точного хронологического определения морского похода Перикла в Понт. Различными учеными был предложен ряд датировок, или их модификаций, охватывающих широкий диапазон времени от 455 до 435/4 г. до н. э.⁴ Наиболее доказательной является, с нашей точки зрения, аргументация Белоха, относящего экспедицию Перикла в Черное море ко времени после Самосской войны 440/39 г. до н. э.⁵

Нами была высказана гипотеза, основанная на привлечении косвенных данных, что морской поход Перикла в Понт должен быть связан с мероприятиями афинян по подавлению Самосского восстания и что он датирует-

² См. И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 111, прим. 2; ср. П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз.— МАСП, III. Одесса, 1960, стр. 73, сл., прим. 82, 83.

³ Подробнее см. И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 111; там же и литература вопроса. П. О. Карышковский (Ольвия и Афинский союз, стр. 72) полагает, что Фукидид и не мог ничего сообщить о «Понтийской экспедиции», поскольку он в своем труде касался лишь тех фактов, которые имели прямое или косвенное отношение к Пелопоннесской войне. Автор, однако, не учитывает того, что в книге I труда Фукидида (гл. 89—118) сообщаются все важнейшие события жизни Афин в период так называемого пятидесятилетия. Фукидид (I, 89) предваряет описание этих событий замечанием: «Обстоятельства, способствовавшие усилению могущества афинян, были следующие». И далее коротко описывает все сколько-нибудь важные внешнеполитические мероприятия афинян, которые нет нужды здесь перечислять. Все они способствовали укреплению могущества Афин, что, в свою очередь, имело отношение, прямое или косвенное, к возникновению конфликта между Афинами и Спартой. Но в таком случае, если бы и «Понтийская экспедиция» Перикла была столь важна для укрепления могущества Афин, а П. О. Карышковский признает ее таковой, то и она имела бы косвенное отношение к возникновению Пелопоннесской войны. Фукидид же, по-видимому, не придает ей значения и поэтому не причисляет к мероприятиям, способствовавшим усилению могущества афинян. Исходя из сказанного, нам представляется, что доводы П. О. Карышковского не могут быть признаны основательными.

⁴ См. И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 111, сл.

⁵ J. V e l o s h. Die attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884, стр. 325; е г о ж е. Griechische Geschichte, I. Strassburg, 1893, стр. 503, сл.; ср. е г о ж е. Griechische Geschichte, II, 2, 1923, стр. 216.

ся скорее всего летом 439 г. до н. э. ⁶ С критикой выдвинутой гипотезы выступил недавно П. О. Карышковский ⁷. С некоторыми его доводами нельзя не согласиться, однако, необходимо подчеркнуть, что молчание Фукидида о походе Перикла, молчание, которое требует объяснения, может быть понято только, если постулировать связь этого события с Самосской войной.

Поэтому, не настаивая категорически на непосредственной связи названных событий, мы считаем возможным предполагать их хронологическую связь ⁸.

По-видимому, в настоящее время нет возможности абсолютно точно датировать экспедицию Перикла и можно лишь говорить, что ее следует относить ко времени не ранее 440 г. до н. э.

В источниках, точнее, в единственном источнике — сообщении Плутарха — нет объяснения причин, вызвавших поход Перикла в Черное море, что представляет широкий простор для построений различного рода, иногда диаметрально противоположных и зачастую необоснованных гипотез ⁹. Наиболее вероятна и убедительна, как нам представляется, точка зрения Делькур, согласно которой отпадение Византия в 440 г. до н. э. во время Самосского восстания показало афинянам, насколько острой является проблема хлебного обеспечения Афин. Поэтому после усмирения Самоса Перикл решил укрепить позиции Афин в понтийском районе и отправился во главе афинского флота в Черное море ¹⁰.

Говорить о целях предприятия Перикла можно лишь предположительно. В широком смысле они, надо полагать, заключались в укреплении афинских позиций, авторитета Афин в жизненно важном для них понтийском районе. Это прежде всего была демонстрация силы и могущества Афин, что казалось особенно необходимым после недавних потрясений, испытанных Афинской державой в результате Самосской войны. Пример Самоса мог быть и был в действительности заразительным. Очевидно, дело не ограничилось присоединением одного лишь Византия к восставшему Самосу; к восстанию примкнули в более или менее активной форме и другие города, например, карийские ¹¹. Самосское восстание, несомненно,

⁶ И. Б. Браш и с к и й. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 113, сл. Ср. A. Z i m m e r. The Greek Commonwealth. 5 ed., revised, Oxford, 1961, стр. 362, прим. 1: «...никакой даты (Понтийской экспедиции Перикла.— И. Б.) нет, но мы можем определенно связывать ее с событиями 439 г.».

⁷ П. О. Карышковский. Оливия и Афинский союз, стр. 78, сл.

⁸ В. В. Струве, соглашаясь с тем, что Понтийская экспедиция и Самосское восстание хронологически связаны, в отзыве о нашей диссертации высказал гипотезу, что морской поход Перикла непосредственно предшествовал восстанию Самоса и датируется, следовательно, 440 г. до н. э.

⁹ Они сопоставлены в нашей статье «Понтийская экспедиция Перикла», стр. 114, сл.

¹⁰ M. D e l c o u r t. Périclès. Paris, 1940, стр. 154. Ср. В. И. Н е в с к а я. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1954, стр. 85.

¹¹ G. V u s o l t. Der Phoros der athenischen Bündner.— «Philologus», XLI, 1882, стр. 673. Возможно, что в это время от Афин отпал также город Энос, расположенный

имело широкий отклик и пользовалось большим сочувствием; под его влиянием и в дальнейшем некоторые союзные города отлагались от Афин¹². Попытка, правда, неудачная, Византия сбросить с себя контроль афинян, была для последних серьезным предостережением. Отпадение Византия, безусловно, должно было весьма отрицательно сказаться на экономике Афин¹³. Опыт показывал, что неповиновение Византия не исключено и в будущем, а это должно было привести к выводу, что укрепления афинянами подступов к Черноморским проливам только со стороны Эгейского моря было недостаточно; нужно было утвердить свой контроль над проливами также и обеспечением подступов со стороны Черного моря.

Может быть, прав Б. Н. Граков, полагая, что экспедиция Перикла была совершена по просьбе греческих поселенцев, осевших на берегах Черного моря¹⁴, но это предположение нуждается в дополнительных доказательствах. Слова Плутарха о том, что Перикл «выполнил все, о чем просили расположенные там эллинские города», можно понимать и в том смысле, что Перикл выполнил просьбы, с которыми к нему обратились во время пребывания в этих городах, например, в Синопе. С чем были связаны эти просьбы, сказать трудно. Возможно, они были как-то связаны с борьбой различных группировок внутри самих городов, в частности, борьбой демократических элементов за власть. Такое понимание как будто подкрепляется рассказом Плутарха о мероприятиях Перикла в Синопе, где был устранен тиран Тимесилей и установлен демократический строй¹⁵. С другой стороны, нельзя исключать и возможности того, что просьбы понтийских городов были связаны с соперничеством и спорами их друг с другом. И, наконец, главным образом, вероятно, имелась в виду помощь против варварских племен, прежде всего — пиратов, которых Перикл «показал, как велико могущество, бесстрашие и смелость афинян, плывущих, куда им вздумается, и подчинивших себе все моря»¹⁶, а также местных царьков,

на фракийском побережье. Ср. J. M. M a y. Ainos; its History and Coinage 474—341 B. C. London, 1950, стр. 71.

¹² G. B u s o l t. Der Phoros..., стр. 717.

¹³ Некоторые исследователи полагают, что в V в. до н. э. в Афины из Понта поступало такое же количество зерна, как и при Демосфене в IV столетии (см. A. K i r c h h o f f. Die Getreidesperre bei Byzantion in den ersten Jahren des Peloponnesischen Krieges.— SBA, 1888, II, стр. 1185; A. G r u n d y. Thucydides and the History of his Age, I. London, 1948, стр. 161).

¹⁴ МИС, стр. 238.

¹⁵ Ср. М. И. М а к с и м о в а. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 98, сл.

¹⁶ По мнению Т. В. Блаватской (Т. В. Б л а в а т с к а я. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, стр. 66, прим. 52), в рассматриваемом отрывке содержится некоторое противоречие. Почему Перикл показал морскую мощь Афин варварским племенам, их царям и династам? Для припонтийских варваров, занимавшихся земледелием и скотоводством и не имевших своего флота, — указывает автор, — этот вопрос не мог иметь большого значения. Т. В. Блаватская высказывает предположение, что целью Афин в данном случае было умаление в глазах варваров

посылавших на независимое существование греческих городов¹⁷. В этой связи уместно вспомнить, что вопрос о свободе и безопасности мореплавания был одним из основных вопросов внешней политики Перикла. Этот пункт («чтобы все могли плыть, не опасаясь нападения». Ρ I u t., Рег., 17) должен был обсуждаться на несостоявшемся панэллинском конгрессе, который Перикл пытался созвать после победы над персами.

В науке неоднократно высказывались весьма противоречивые суждения о причинной связи смены династий на Боспоре с экспедицией Перикла в Понт¹⁸. Действительно, хронологическая связь этих событий бросается в глаза, поэтому вполне допустима и их причинная связь. Однако делаемые из этого сопоставления выводы о вмешательстве Перикла в дела Боспора, о его пребывании на Боспоре лишены каких-либо оснований. Полное отсутствие конкретных данных не позволяет здесь идти дальше более или менее вероятных гипотез¹⁹.

Наибольший интерес в связи с рассматриваемыми проблемами представляет вопрос о том, можно ли на основании краткой заметки Плутарха решить, к какому району Причерноморья относились действия эскадры Перикла. Плутарх определенно указывает лишь на мероприятия Перикла на южном берегу Черного моря, а именно, в Синопе. Тем не менее, современные исследователи склонны толковать сообщение Плутарха расширительно, распространяя его на все Причерноморье, в том числе и прежде всего на северное побережье Понта, в частности, на Боспор. С экспедицией Перикла в Понт связывают и определенные события в Северном Причерноморье — смену династий на Боспоре, о чем было сказано выше, основание колоний, политическое подчинение северопричерноморских городов и включение их в состав Афинского морского союза и т. д.²⁰ Однако для подобных выводов, несмотря на всю их заманчивость, имеющийся материал не дает достаточных оснований. Напротив, ряд соображений заставляет

Понта авторитета какого-либо другого государства, например, Персии. Думается, что в подобных умозаключениях нет нужды. Во-первых, нет сомнения в том, что демонстрация силы афинян — морской и любой другой — была рассчитана прежде всего на варваров, стремившихся завладеть греческими городами черноморского побережья. Во-вторых, можно предполагать, что морская демонстрация Перикла имела в виду варваров, занимавшихся пиратством (как, например, тавры, ахей, гетиохи), поскольку, как известно, вопрос о свободе мореплавания был одним из коренных вопросов политики Перикла.

¹⁷ Например, Амис был захвачен каким-то каппадокийским вождем (см. М. И. М а к с и м о в а. Античные города..., стр. 101). Еще и во времена Ксенофонта, на рубеже V и IV вв. до н. э. вождь нафлагойцев Корила угрожал независимости Синопы и ее приморских владений (Х е н., Анаб., V, 5, 23; М. И. М а к с и м о в а. Античные города..., стр. 104).

¹⁸ Различные мнения приведены в нашей статье «Понтийская экспедиция Перикла», стр. 115, сл.

¹⁹ Подробнее см. ниже, стр. 67, сл.

²⁰ См. С. А. Ж е б е л е в. Афины, Нимфей и измена Гилона. — СП, стр. 181; П. Б. Б р а ш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э. — ВДИ, 1955, № 2, стр. 151, сл.; П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Ольвия и Афинский союз, стр. 81.

прійти к выводу, что посещение северных берегов Понта афинским флотом во время «Понтийской экспедиции» весьма сомнительно и маловероятно и что скорее всего действия афинской эскадры ограничивались теми районами южного и, возможно, отчасти западного Причерноморья, которые были расположены на ближних и дальних подступах к Черноморским проливам, этой важнейшей артерии Афинского государства ²¹.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в самом источнике, у Плутарха, отсутствует даже намек на деятельность Перикла у северных берегов Понта. В то же время о его действиях на юге, в Синопе, говорится, если и не подробно, то во всяком случае достаточно определено. Можно ли это считать случайностью? Думается, что нет.

П. О. Карышковский полагает, что источник Плутарха содержал гораздо больше конкретных сведений о деятельности Перикла на Черном море, чем это счел нужным включить в свой рассказ Плутарх, который выбрал лишь один эпизод из целого ряда других ²². Хотя это предположение и недоказуемо, оно возможно. Если встать на такую точку зрения, то следует показать, что Плутарх выбрал наиболее яркий эпизод из «Понтийской экспедиции», эпизод, который больше всего должен был служить возвеличению Перикла. Если бы успехи Перикла касались и далекого Северного Причерноморья, которое, без сомнения, было хорошо известно, как читателям автора источника, из которого Плутарх почерпнул свои сведения, так и его собственным, то эти успехи, если они действительно имели место и были таковыми, как полагают многие исследователи ²³, должны были совершенно затмить эпизод в Синопе и Плутарх не смог бы отнести их к числу «бесполезных» сведений, как это полагает П. О. Карышковский. Действия и успехи Перикла на северных берегах Понта, с нашей точки зрения, должны были найти отражение в повествовании Плутарха, если бы они имели место ²⁴. К сказанному следует добавить еще одно соображение общего характера. Как нам представляется, в любом историческом источнике можно черпать лишь те данные, которые в нем действительно содержатся. Любая реконструкция и дополнение источника, если она не опирается на факты, содержащиеся в других источниках, а основывается лишь на логических соображениях, является произвольной, сколь бы соблаз-

²¹ И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 116, прим. 23; ср. АТЛ, 1, стр. 539, где отмечается, что в так называемом фрагменте № 38 списка фороса за 425/4 г. до н. э., о котором подробнее речь будет ниже, с уверенностью восстанавливаются лишь названия гераклеотов и Аполлонии, расположенных по соседству с Фракийским Боспором, и поэтому неясным остается вопрос, были ли какие-либо другие черноморские города — члены Афинского союза — расположены далеко на запад или север от проливов. Правда, издатели фрагмента включают в число союзников ряд северопонтийских городов.

²² П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 73.

²³ Там же, стр. 72, сл. Ср. И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 116.

²⁴ См. И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 116, сл.

нительной и правдоподобной она ни казалась исследователю. Поэтому мы считаем совершенно неоправданными попытки прочесть у Плутарха то, чего он не написал. В данном случае это относится к деятельности афинского флота Перикла, имевшей якобы место на севере Понта.

В пользу отстаиваемой нами точки зрения на сферу деятельности Перикла на Понте, при отсутствии прямых указаний в источниках, свидетельствуют, как нам представляется, некоторые косвенные данные.

Источники рисуют Перикла как чрезвычайно осторожного полководца и политика, не склонного к рискованным предприятиям и авантюристической политике. Фукидид дважды (I, 144, 1 и II, 65, 7) вкладывает в уста Перикла слова о том, что условием победы афинян в Пелопоннесской войне в числе других является отказ от стремления к расширению своего владычества (*καὶ ἀρχὴν μὴ ἐπιχθονίαν*). Эту же черту внешней политики Перикла — отказ от новых завоеваний — подчеркивает и Плутарх (Per., 24), возможно, имевший источником в данном случае Фукидида. Он пишет, что «все силы афинского государства он [Перикл] обратил главным образом на защиту и упрочение уже имеющегося». Перикл сдерживал стремления афинян к дальнейшей экспансии: он препятствовал попыткам новых захватов в Египте и организации восстаний в приморских владениях персидского царя, оказывал противодействие стремлению своих сограждан овладеть Сицилией, Этрурией и Карфагеном ²⁵, понимая, что такая «чрезмерная» экспансия может оказаться губительной для Афин. Предполагаемая экспансия Афин на север Черного моря, на самую окраину эллинского мира, никак не согласуется с приведенными свидетельствами об основах внешнеполитического курса Перикла. Рассказав о решительных мероприятиях Перикла, направленных на подчинение Синопы, Плутарх заканчивает свое повествование об этом слове: «В других же случаях он противодействовал увлечениям сограждан...» (далее перечисляются приведенные выше примеры). Из этого можно заключить, что мероприятия Перикла в Синопе рассматриваются Плутархом, как исключительный, а не обычный случай ²⁶.

Политика Перикла по отношению к Северному Причерноморью, одному из главных источников продовольственного снабжения Афин, по всей вероятности, не должна была существенно отличаться от политики

²⁵ P l u t., Per., 20; ср. P l u t., Alcib., 17: «Афиняне рвались в Сицилию еще при жизни Перикла и взялись за дело после его смерти».

²⁶ Ср. В. П. Бузескул. Перикл. Харьков, 1899, стр. 264, где автор подчеркивает, что экспедиция Перикла в Понт не преследовала завоевательных целей. П. О. Карышковский (Ольвия и Афинский союз, стр. 74) толкует цитированные слова Плутарха иначе. Он полагает, что в них содержится противопоставление решительной, агрессивной политики Перикла на Понте его сдержанности по отношению к Египту, Сицилии и т. д. Едва ли с этим можно согласиться. По всему контексту видно, что приведенные слова Плутарха относятся не к Понту вообще, а только к одной лишь Синопе; сдержанность Перикла противопоставляется его действиям именно в Синопе, а не на Понте в целом.

по отношению к другим основным источникам хлебного снабжения — Сицилии и Египту.

Говоря о власти и гегемонии Перикла, как над греками, так и над варварами, Плутарх подчеркивает не столько момент принуждения, сколько дипломатические мероприятия Перикла: установление дружественных отношений с царями и заключение союзов с династиями (*διὰ...καὶ φιλικὰς ἑταιριῶν καὶ συμμαχίας πεπραγμένων δυναστῶν*)²⁷. Думается, что именно на таких основаниях строились отношения Перикла в частности и с боспорскими правителями.

Из сказанного не следует делать вывода, будто мы хотим изобразить Перикла миротворцем, а внешнюю политику Афин его времени исключительно миролюбивой. Нет, она была агрессивной, но не авантюристической; она вытекала из трезвой оценки своих сил и возможностей. Попытки же подчинения городов Северного Причерноморья — это относится особенно к городам Боспора — были бы явной авантюрой, противоречащей трезвой и осмотрительной политике Перикла. Здесь мы имеем в виду прежде всего то несомненное обстоятельство, что афиняне не могли бы обеспечить свою власть над городами Боспора, поскольку те находились очень далеко от Афин: они действительно были расположены на самом краю эллинского света. Заметим, что трудности, обусловленные расстоянием в древности вырастали не в арифметической, а в геометрической прогрессии²⁸.

Необходимо, наконец, учесть и другой момент. Поход в Северное Причерноморье в середине V в. до н. э. был предприятием далеко не столь простым, как это может показаться на первый взгляд. В рассматриваемое время плавание было в основном каботажным²⁹. Как убедительно показала М. И. Максимова, краткий путь через Черное море был освоен греками не ранее первой половины IV в. до н. э. или, может быть, в самом конце V столетия³⁰. Следовательно, во время «Понтийской экспедиции» Перикла плавание по Черному морю было, по всей вероятности, каботажным³¹. Это относится во всяком случае к военному флоту, поскольку по мореходным качествам военные корабли значительно уступали торговым судам³². В таком случае поход афинского флота, возглавленного Периклом, к север-

²⁷ P l u t., Per., 15. Источник — Платон (Alcib., 104 B): «Перикл... может делать все, что ему угодно не только в этом городе, но и во всей Элладе, и даже за ее пределами имеет большое влияние у многих великих народов».

²⁸ Так, например, остров Лесбос казался македонянам, в противоположность афинянам, далеким, как это явствует из обращения послов Митилены к лакедемонянам в Олимпии (T h u c., III, 13, 5).

²⁹ М. И. Максимова. Античные города..., стр. 151, сл.

³⁰ Там же.

³¹ М. И. Максимова (там же, стр. 151) на этом основании приходит к выводу, что гипотеза о посещении Периклом северных берегов Понта является маловероятной.

³² A. W. G o m m e. A forgotten factor of Greek Naval Strategy. — JHS, 53, 1933, стр. 17; Сб. «Эллинистическая техника». М.—Л., 1948, стр. 322.

ным берегам Понта, помимо всего прочего, требовал весьма значительного времени, тем более, что на основании сопоставления с событиями в Синопе можно предполагать, что задержки происходили и в других местах (к тому же, опять-таки на основании сопоставления с синопскими событиями, можно предполагать, что флот Перикла, по мере его плавания, ослаблялся). Думается, что Перикл не мог отлучиться на столь длительное время из Афин, где он в это время фактически правил единолично³³. Конечно, вовсе необязательно считать, что все мероприятия в Черном море были проведены Периклом лично. Он, как известно, оставил (ἀπέλιπε) Ламаха во главе отряда в Синопе, а сам покинул этот город. Изложение дальнейших событий у Плутарха дает основания предположить, что Перикл после посещения Синопы отправился в Афины, поскольку, по словам Плутарха, он уже находился там, когда Ламах одержал победу над Тимссилеем. Вероятно, вместе с Периклом в Афины отбыли также и основные силы афинского флота. Но независимо от решения этого вопроса в силе остаются соображения о трудностях, связанных с плаванием по Черному морю, особенно после наступления периода осенних бурь, когда связь Средиземноморья с Северным Причерноморьем, да, вероятно, и с Понтом вообще, фактически прерывалась до следующей весны³⁴. Напомним также, что поход Ламаха в Понт в 424 г. до н. э. окончился полной неудачей отчасти и из-за неблагоприятных условий для плавания³⁵.

В период, когда назревала Пелопоннесская война, Северное Причерноморье как наиболее важный потенциальный источник хлеба, безусловно, представляло для Афин первостепенный интерес. Не приходится сомневаться в том, что афиняне, и, надо думать, Перикл, должны были предпринимать определенные шаги для укрепления своих позиций на североопонтийских рынках. Едва ли при этом для Афин могло иметь особо важное значение вовлечение североопонтийских городов в орбиту своего политического влияния. Вряд ли можно всерьез считать, что Афины придавали решающее значение тем нескольким талантам, которые могли быть собраны с этих городов в виде взносов в союзную казну, тем более, что реальная возможность их сбора была весьма сомнительной. Еще менее афиняне могли бы рассчитывать на прямую военную помощь со стороны этих городов — это приходится исключить полностью. Для Афин, готовившихся к решительной борьбе со Спартой, города Северного Причерноморья представляли интерес главным образом и, вероятно, исключительно в качестве поставщиков зерна и другого сельскохозяйственного сырья. Для афинян на первом месте стояли задачи установления или сохранения

³³ См. Thuc., II, 65, 9; ср. Plut., Per., 9, 16; Plut., Alcib., 104 B.

³⁴ См. [Dem.], XXXIV и XXXV, а также R. Carpenter. The Greek Penetration of the Black Sea. — AJA, 52, 1948, стр. 1, сл.; B. W. Labeare. How the Greeks sailed into the Black Sea. — AJA, 61, 1957, стр. 29.

³⁵ Thuc., IV, 75, 1—2; ср. Just., XVI, 3, 9—10.

своего экономического влияния в этих городах. Иное дело города южного, а возможно, и западного, побережья Черного моря. Они, вероятно, не играли для Афин той экономической роли, какую играли северные города, поскольку самый важный вопрос для афинян на Понте заключался в хлебом снабжении, а города южного и западного Причерноморья не были экспортными зерна.

Таким образом, не подлежит сомнению, — с этим согласны все исследователи, — что Афины проявляли особую заинтересованность в прочных экономических связях именно с северопонтийскими городами. Весь вопрос заключается в том, какими методами афиняне добивались влияния в этих городах. Обязательно ли нужно считать, как это делает большинство ученых, что взаимоотношения Афин с городами Северного Причерноморья основывались на политическом подчинении последних, на вовлечении их в состав Афинского союза, или можно полагать, что афиняне добивались своих целей иными мерами? Нам представляется, что первое решение не только не является единственно возможным, но, наоборот, менее вероятно ³⁶.

Хотя в пользу отстаиваемой нами точки зрения С. А. Жебелева, заключающейся в предположении, что города Северного Причерноморья не находились в политической зависимости от Афин, прямых свидетельств нет, но, как нам представляется, здесь можно привести некоторые косвенные данные. Мы имеем в виду прежде всего политику афинян на Черноморских проливах в период Пелопоннесской войны, о чем подробнее речь пойдет в следующей главе ³⁷. Известно, что в это время афиняне заперли Черноморские проливы путем установления на них строжайшего контроля, создав для этой цели специальную коллегию «стражей Геллеспонта» — геллеспонтотфилаков. Эта мера, по-видимому, служила достаточной гарантией того, что хлеб, вывозившийся из Северного Причерноморья, направлялся по назначению — в Афины и тем из союзных городов, которые получали на то разрешение. Если бы города Северного Причерноморья, из которых производился экспорт хлеба, были «владениями» Афин, если бы в них действительно находились афинские гарнизоны, как это, в частности, предполагается относительно Нимфея, то, очевидно, контроль за тем, кому и куда продается зерно, мог бы осуществляться в самих этих городах. А что главной задачей геллеспонтотфилаков был контроль именно над вывозом зерна, с полной очевидностью вытекает из того единственного источника, который дает о них сведения — декрета в честь жителей Мефоны. Этот же документ является неоспоримым свидетельством роли, которую понтийский хлеб играл в жизни Афин в период Пелопоннесской войны ³⁸.

³⁶ И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 118, сл.

³⁷ См. ниже, стр. 89, сл.

³⁸ В свете сказанного выводы Т. В. Блаватской о боспорской хлебной торговле в период Пелопоннесской войны, об отсутствии связей между Боспором и Афинами (Т. В. Блаватская. Очерки..., стр. 71, сл.) представляются убедительными.

Все сведения, сообщаемые источниками об афинской власти над Черноморскими проливами во второй половине V в. до н. э., показывают, что они находились под надежным контролем. Таким образом, торговые связи причерноморских городов, в том числе и североопонтийских, были под постоянным и неослабным наблюдением афинян, которые могли направлять и регулировать их по своему усмотрению.

При таких условиях у афинян не было необходимости в территориальных захватах в Северном Причерноморье — их интересы в достаточной мере обеспечивались властью над проливами, которая делала их фактическими хозяевами всей понтийской торговли³⁹. Их главная задача заключалась во всемерном укреплении своего владычества на Черноморских проливах, для чего было необходимо укрепить подступы к ним путем создания опорных пунктов, со стороны как Эгейского, так и Черного морей. Надо полагать, что именно в этом, с одной стороны, и в установлении дружественных связей и, возможно, союзов с греческими городами Понта, царями и властителями — с другой, и заключалась понтийская политика Афин при Перикле, равно как и в последующее время.

Территориальные захваты в Северном Причерноморье, в частности, на Боспоре Киммерийском, могли привести к серьезным столкновениям с господствовавшей там властью, в которых афиняне не могли быть заинтересованы, поскольку результаты едва ли оказались бы для них благоприятными или во всяком случае были бы очень сомнительными главным образом из-за дальности расстояния. Подчинение и более близких к Афинам территориально понтийских городов было делом, связанным с большими трудностями. Это явствует хотя бы из того же рассказа Плутарха о походе Перикла в Понт. Согласно сообщению Плутарха, Перикл оставил в Синопе 13 триер и военный отряд под руководством Ламаха против правившего там тирана Тимесилея. Когда же тот был изгнан вместе со своими единомышленниками (а это произошло, судя по всему, уже после отплытия Перикла), Перикл, бывший уже в Афинах, провел через народное собрание постановление об отправке в Синопу 600 афинских клерухов из добровольцев для укрепления там власти Афин. Этот эпизод показывает, что подчинение таких отдаленных городов, как понтийские, было делом, требовавшим большого напряжения сил и связанным с вооруженными столкновениями⁴⁰.

Можно возразить, что города Северного Причерноморья не обязательно должны были быть подчинены афинянам силой. Они сами могли просить у Афин покровительства и разрешения войти в состав членов Афинского союза. Именно так изображает П. О. Карышковский предполагаемое им

³⁹ Ср. P. s. Xen., Resp. Ath., II, 3 и 11.

⁴⁰ С борьбой в Синопе связан, вероятно, и фрагмент надписи — списка павших афинских граждан и наемников (IG, I², 944). Подробнее см. И. Б. Браш и н с к и й. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 119, сл.

включение Ольвии в Афинский союз⁴¹. Однако относительно столкновений городов Северного Причерноморья с окружающими племенами в середине V в. до н. э. никаких сведений нет. Можно думать, что в это время их взаимоотношения были нормальными, и греческие города не испытывали еще опасности со стороны скифов. Поэтому нет достаточных оснований предполагать, что просьбы о помощи против варваров, обращенные к Периклу, исходили предпочтительно от северопонтийских городов. С другой стороны, сами города Северного Причерноморья не были заинтересованы во вхождении в Афинский союз, так как выгоды от этого были весьма и весьма сомнительны, а тяготы и неудобства как экономического, так и политического характера, — очевидны. Нет нужды подробно говорить здесь об общеизвестных фактах эксплуатации афинянами своих союзников, о недовольстве, вызывавшемся у последних хозяйничанием Афин, о том возмущении и многочисленных восстаниях союзников, которыми полна вторая половина V столетия до н. э. Если бы афиняне действительно посягали на автономию северопонтийских городов, то подобная политика, надо полагать, должна была встречать со стороны последних противодействие, а не приветствия.

Для обеспечения реальной власти над городами Северного Причерноморья Афинам потребовались бы значительные военные силы и прежде всего постоянный крейсерский флот на Понте. Но располагали ли афиняне подобными силами во времена Перикла, не говоря уже о последующем времени? Думается, что в условиях назревания серьезного конфликта со Спартой, требовавшего мобилизации всех сил и ресурсов, не говоря уже о времени, когда разразилась Пелопоннесская война и на карту было поставлено само существование Афин, афиняне подобными силами не располагали; они не могли распылять свои силы. Конфликты на северном побережье Черного моря и, в частности, с властями Боспора, могли нанести лишь ущерб хлебной торговле афинян, которая имела для них первостепенное значение. В свете сказанного представляется, что попытки Перикла подчинить северочерноморские города были бы авантюрой, не вяжущейся с той характеристикой, которую античные авторы согласно дают его внешней политике. Поэтому враждебные действия эскадры афинян против боспорских правителей маловероятны.

Вернемся к предположениям о связи смены династий на Боспоре с «Понтийской экспедицией» Перикла. Думается, что эти предположения не лишены основания, хотя окончательное решение вопроса и невозможно при имеющихся у нас данных. Но из предположения о связи этих двух со-

⁴¹ П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 75. Автор при этом полагает, что причиной обращения Ольвии за помощью к Афинам была опасность со стороны скифов, отношения с которыми после замены Скила Октамасадом, с его точки зрения, несомненно, резко ухудшились. Следует, однако, заметить, что это предположение П. О. Карышковского является совершенно произвольным; оно никак не вытекает из текста Геродота (IV, 78—80), на который ссылается автор.

бытий вовсе еще не следует, что эскадра Перикла посетила боспорские берега. О том, что огромный афинский флот вошел в Черное море и вмешался во внутреннюю жизнь Синопы и, по всей вероятности, Амиса, на Боспоре, безусловно, очень скоро стало известно. Уже самый факт пребывания афинского флота в Евксинском Понте мог привести к серьезному политическому кризису на Боспоре.

Вполне возможно, что определенные круги на Боспоре, связанные, с одной стороны, с крупной морской хлебной торговлей, а с другой, — с верхушкой «варварских» племен, и возглавлявшиеся выходцем из варварской среды Спартоком, воспользовались случаем для свершения государственного переворота. Быть может, власть Спартока на первых порах больше устраивала и широкие демократические круги Боспора, чем власть свергнутых Археанактидов, и поэтому получила признание демократических Афин. Быть может, дело обстояло и не так, а захват власти Спартоком был реакцией против возможных афинских притязаний. Во всяком случае, очевидно, что на смену эллинам — Археанактидам — на Боспоре пришли «варвары» — Спартокиды. И этот факт является еще одним аргументом против гипотезы сторонников признания действий Перикла на севере Понта. В самом деле, если в южном Причерноморье деятельность Перикла привела к демократизации городов, к изгнанию тирана и весьма вероятным действиям против варваров, в частности, в Амисе, то на Боспоре в это время наблюдается как раз обратное.

Во всяком случае надо полагать, что смена династий и связанные с нею не известные нам ближе события в политической жизни Боспора, произошли без прямого вмешательства Афин, а были внутренним делом самого Боспора ⁴².

Что касается взаимоотношений Афин с новой властью на Боспоре, то в последнее время высказываются предположения об их враждебности. Наиболее законченное выражение эта концепция получила в работе Т. В. Блаватской ⁴³. Не имея возможности здесь входить в подробное обсуждение аргументации автора, отметим, что с нашей точки зрения, она не может быть признана убедительной прежде всего потому, что основана на субъективном толковании источников. Остановимся лишь на одном примере. Основным аргументом, приводимым Т. В. Блаватской в защиту отстаиваемой ею точки зрения, выдвигается «тенденциозное умолчание» Геродота о греческих городах Боспора Киммерийского. Это умолчание трактуется автором как яркий показатель враждебности Афин в это время к господствовавшей на Боспоре власти. Такая трактовка, с нашей точки зрения, совершенно неправильна.

Привлекаемые Т. В. Блаватской (стр. 59) данные для обоснования тезиса о тенденциозности Геродота по отношению к Боспору также не мо-

⁴² Ср. И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла, стр. 120; R. Wegner. Die Dynastie der Spartokiden. — «Historia», IV, 4, 1956, стр. 432, сл.

⁴³ Т. В. Блаватская. Очерки..., стр. 56—67.

гут быть признаны убедительными. Так, например, Геродот в рассказе о битве при Фермопилах (VII, 205, 222, 233) описывает участие в ней финициев. Оставляя в стороне вопрос, следует ли здесь вообще усматривать искажение исторических фактов, заметим, что в этом случае мы имеем дело не с умолчанием, а с искажением. Другой пример: в рассказе о Саламинском сражении (VIII, 84—96) Геродот, исходя из своей проафинской тенденции, подробно излагает клеветническую версию афинян о трусливом поведении коринфиан. Тем не менее, он тут же оговаривается (VIII, 94), что вся Эллада, напротив, считает коринфиан одними из первых в Саламинском бою. Здесь, как и в первом случае, речь может идти о намеренном искажении фактов (и то читателю предоставляется самому решить, где правда), но не об умолчании. Примеров же того, чтобы Геродот проявлял свою тенденциозность путем умолчания, Т. В. Блаватская привести не может.

Не считая пужным подробно касаться всех вопросов, связанных с целью и задачами труда Геродота, отметим, что в своем «Скифском рассказе» «отец истории» не ставил цели знакомить своих читателей с греческими городами северного побережья Понта. В его задачу входило описание истории, географии, обычаев и т. п. северопонтийских скифов, а не греков. Поэтому не следует искать каких-либо особых причин для объяснения геродотовых «умолчаний», он умалчивал о том, что не представляло интереса в связи с описываемыми сюжетами. Можно назвать еще множество греческих городов, помимо боспорских, не упоминаемых Геродотом, но едва ли это стоит всерьез принимать за доказательство враждебности афинян к этим городам. Следует обратить внимание на то, что во всех случаях, когда Геродот упоминает о северопонтийских греческих городах, это всегда оказывается нужным по ходу его повествования о скифах⁴⁴. Упоминание боспорских городов в этой связи для Геродота было излишним. Таким образом, умолчание Геродота о боспорских греках не может служить аргументом в пользу враждебности Афин к Боспору. О других аргументах Т. В. Блаватской речь будет идти при дальнейшем изложении.

Богатый археологический материал, происходящий из боспорских городов, показывает, что во второй половине V в. до н. э. Афины и Боспор осуществляли регулярный и оживленный торговый обмен, который свидетельствует о нормальных взаимоотношениях между ними.

И. О. Карышковский, развивая тезис Т. В. Блаватской о тенденциозности Геродота в отношении Боспорского государства, идет еще дальше.

⁴⁴ Кстати, Геродот нигде не называет и Ольвию и Тиру, а говорит лишь о городе или торжище борисфенитов (IV, 17, 24, 78) или об эллинах, которые «самих себя называют ольвинополитами» (IV, 18), и эллинах, «которые называются тиритами» (IV, 51). И это несмотря на то, что он в течение продолжительного времени жил в Ольвии и мог бы рассказать об этом городе много интересного. Однако это, как видно, не входило в его задачу. О «Скифском рассказе» Геродота см. С. А. Жебелев. Скифский рассказ Геродота.— СПб, стр. 308, сл.; W. W. How and J. Wells. A Commentary on Herodotus, v. I. Oxford, 1957, стр. 5, 19.

Он распространяет этот тезис также и на прочие районы Северного Причерноморья (Ольвия, Тира). Автор отмечает, что хотя об Ольвии Геродот говорит «много и охотно» (?), он нигде не называет ни этого города, ни Тирь. По мнению П. О. Карышковского, и здесь налицо определенная тенденция: ввести в заблуждение афинского читателя, не сообщая ему ничего о независимых греческих городах севера Понта, изображая их лишь как объект экспансии скифских племен, и тем самым оправдать захват этих городов афинянами. Автор пишет, что Геродот выгодно было изображать дело так, что и ольвиополиты и тириты, «окруженные дикими и кровожадными врагами... только и мечтают присоединиться к Афинскому союзу, который и доставит им необходимую защиту»⁴⁶. Искусственность этого построения очевидна. Отметим, что Геродот нигде ни единым словом не намекает на враждебные действия скифов по отношению к Ольвии или Тире, нигде не содержится хотя бы намек на то, что северопонтийские греки нуждаются или тем более ищут помощи и покровительства против «диких и кровожадных» варваров.

В обоих приведенных случаях мы сталкиваемся с произвольным толкованием источника, с определенным насилием над ним, со стремлением увидеть в нем то, чего на самом деле нет, но отвечает точке зрения исследователя. Едва ли можно согласиться с плодотворностью подобного приема исследования.

В результате всего сказанного, мы приходим к выводу, что те источники, которые в настоящее время имеются в распоряжении науки, не дают достаточных оснований признать сферой действий «Понтийской экспедиции» Перикла все Черноморье, в частности, северное его побережье. Напротив, данные источников заставляют прийти к выводу, что скорее всего флот Перикла не достиг Северного Причерноморья.

Города Северного Причерноморья и первый Афинский морской союз

С вопросом о Понтийской экспедиции Перикла тесно связаны проблемы, касающиеся политических взаимоотношений греческих городов Понта с Афинами и, в частности, вопрос о вхождении причерноморских городов в число членов первого Афинского морского союза. В связи с крайней скудостью источников вопрос этот представляется чрезвычайно сложным и пока еще не может получить окончательного и бесспорного решения, что порождает различные точки зрения и гипотезы. Наиболее длительной и острой была дискуссия относительно боспорского города Нимфея⁴⁶.

⁴⁵ П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 82—84.

⁴⁶ С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона.— ИГАИМК, 104, 1935, стр. 24, сл.—СП, стр. 180, сл.; Д. П. Каллитов. Измена Гилона.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 27, сл.; И. Б. Брашинский. К вопросу о положении Нимфея..., стр.

Несколько времени тому назад мы решительно выступили в защиту точки зрения С. А. Жебелева, согласно которой Нимфей не принадлежал к числу афинских союзников-подданных. К такому же выводу мы пришли и относительно других городов Боспора Киммерийского, а позднее и городов Северного Причерноморья вообще ⁴⁷.

Поскольку высказанные соображения были подвергнуты критике и, кроме того, появились новые исследования, авторы которых подходят к решению рассматриваемых вопросов с иных позиций, считаем необходимым, не повторяя высказанных ранее соображений, вернуться к рассмотрению проблемы в целом.

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что на вопрос о принципиальной возможности вхождения причерноморских городов в состав Афинского союза надлежит, безусловно, дать положительный ответ. Известно, что во всяком случае Гераклея Понтийская была членом Афинского союза. В списках афинских данников сохранились названия Аполлонии и гераклеот. И независимо от того, настаивать ли по-прежнему на отвергнутом нами ⁴⁸ чтении *πόλες ἐκ τῷ Εὐχρῆϊνο* ⁴⁹ во фрагменте № 38 списка фороса за 425/4 г. до н. э., или же соглашаться с несостоятельностью такого чтения ⁵⁰, можно предполагать, что далее речь идет о понтийских городах Гераклея и, возможно, Аполлонии ⁵¹. Вопрос заключается в том, дает ли этот факт основание и право толковать его расширительно, распространяя автоматически на все Причерноморье, на все его районы. Нам представляется, что ответ может быть только отрицательным.

Предположения о существовании в рамках Афинского союза специального Понтийского податного округа или даже просто списка понтийских городов Фракийского округа ⁵², неосновательны. В литературных источниках нет упоминаний о таком округе. Между тем, если бы он в действительности существовал, это не могло бы остаться неотмеченным, во всяком случае, в каталоге афинских союзников, который приведен Фукиди-

148, сл.; е г о ж е. Zur politischen Lage Nymphaions in der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts v. u. Z.—BCO, 1956, Hf. 2, стр. 78, сл.; Д. Б. Ш е л о в. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 35, сл.

⁴⁷ И. Б. Б р а ш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 152; е г о ж е. Афины и Северное Причерноморье. Автореферат диссертации. Л., 1958, стр. 11.

⁴⁸ И. Б. Б р а ш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 148, сл.; е г о ж е. Zur politischen Lage Nymphaions..., стр. 79, сл.

⁴⁹ П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Ольвия и Афинский союз, стр. 60; Т. В. Б л а в а т с к а я. Очерки..., стр. 66, прим. 51. Впрочем, следует отметить, что названные авторы уклоняются от обсуждения вопроса, не опровергая ни одного пункта нашей аргументации.

⁵⁰ М. И. М а к с и м о в а. Античные города..., стр. 97, прим 3; Д. Б. Ш е л о в. Монетное дело Боспора..., стр. 36.

⁵¹ Вопрос об Аполлонии менее ясен. См. ниже, стр. 72.

⁵² ATL, I, стр. 527, 539; в конце списка «понтийских» городов авторы восстанавливают [*ποντικὸ φορο κεράλαιον*]. Ср. наши замечания в статье «К вопросу о положении Нимфея...», стр. 150.

дом (II, 9). Что касается эпиграфических источников, то, как мы попытались показать, восстановление во фрагменте № 38 списка фороса за 425/4 г. до н. э. названия Понтийского округа нельзя признать убедительным. Более того, в самой надписи (строки 5—7), где перечисляются податные округа союза — Ионийский (включая Карию), Фракийский, Геллеспонтийский и Островной, — Понт не упоминается. Снова встает вопрос, поднятый в свое время еще С. А. Жебелевым: к какому округу Афинского союза могли бы относиться города Северного Причерноморья, если бы они входили в состав союза? Предположение Дункера⁵³, что эти города могли быть отнесены к Геллеспонтийскому округу, было убедительно отвергнуто С. А. Жебелевым⁵⁴. Так же неприемлема и попытка причислить понтийские города к Фракийскому округу⁵⁵. В самом деле, если еще допустимо, что к этому округу могла быть отнесена, например, Аполлония Понтийская, то каким образом к числу фракийских городов могла бы быть причислена Гераклея Понтийская, расположенная в Вифинии? В этой связи возникает вопрос о правомерности объединения во фрагменте № 38 понтийских городов Аполлонии и Гераклеи. Что касается последней, то ее принадлежность к Афинскому союзу засвидетельствована и Фукидидом (IV, 75; ср. J u s t., XVI, 3, 10) и поэтому не вызывает сомнений.

Предположение Т. В. Блаватской⁵⁶, что города южного Причерноморья относились к Геллеспонтийскому округу, представляется вполне вероятным. Столь же вероятно и ее предположение о принадлежности западнопонтийских городов (если они входили в число афинских союзников) к Фракийскому округу. Но в таком случае, если считать, что Аполлония, названная в рассматриваемом фрагменте, является западнопонтийским городом, то Гераклея не может быть Понтийской, и наоборот. В нашу задачу не входит выяснение этого вопроса; отметим лишь, что и локализация городов, названных во фрагменте № 38, является далеко не столь ясной, как это казалось до сих пор⁵⁷. Мнение Т. В. Блаватской, что «немногочисленные союзники Афин на Понте (за исключением городов на берегах Фракии)», т. е. и северопонтийские города, были включены в Геллеспонтийский округ⁵⁸, лишено каких бы то ни было оснований и еще больше запутывает вопрос.

Что касается фрагментов № 39 и 40 (IG, I², 63, z^{'''} и z^{''''}) списка фо-

⁵³ M. D u n k e r. Die Fahrt des Perikles in den Pontus. — SPAW, 1885, II, стр. 546, прим. 4.

⁵⁴ С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона. — СП, стр. 182.

⁵⁵ Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I веках до нашей эры. М., 1952, стр. 69; П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 59.

⁵⁶ Т. В. Блаватская. Очерки..., стр. 63, прим. 41.

⁵⁷ Если считать, что гераклеоты, упомянутые во фрагменте № 38, — это жители Понтийской Гераклеи, относившейся к Геллеспонтийскому округу, то Аполлония, возможно, могла бы быть городом, носившим это название, расположенным в Геллеспонтийской Фригии.

⁵⁸ Т. В. Блаватская. Очерки..., стр. 66, прим. 51.

роса за 425/4 г. до н. э., где некоторые ученые восстанавливают названия причерноморских городов, то вопрос о них не более ясен. Во фрагменте № 39 долгое время восстанавливали название Нимфея, но теперь, после повторного исследования камня, оно окончательно отвергнуто, так как после N стоит не Y, а I⁵⁹. В следующем фрагменте, на котором сохранились начальные буквы названий ряда городов, ни одно из восстановлений черноморских городов не является достоверным⁶⁰. Попытки вычисления на основании этих фрагментов, принадлежность которых к Понту вообще представляется далеко не доказанной⁶¹, общего количества черноморских городов, якобы входивших в Афинский союз, лишены оснований⁶².

При подходе к рассмотрению поставленных вопросов необходимо постоянно иметь в виду, что Причерноморье, даже отдельные крупные его районы, нельзя рассматривать как единое целое. Условия развития, интересы и исторические судьбы понтийских городов и районов были различными. Это в полной мере относится и к Северному Причерноморью. Между Ольвией и Боспором, например, существовали глубокие различия — первая гораздо больше тяготела к западному Причерноморью, чем к северо-восточному⁶³. С другой стороны, следует отказаться от рассмотрения истории Северного Причерноморья только с точки зрения средиземноморских государств, в данном случае — Афин⁶⁴. Таким образом, при исследовании политических взаимоотношений Афин с Северным Причерноморьем последнее приходится рассматривать детализированно: северо-западное Причерноморье (Ольвия, Тира), тяготевшее больше к западнопонтийским городам, и северо-восточное Причерноморье (города Боспора, Феодосия), где в свою очередь возможны различия между отдельными городами.

Что касается Тиры, то для суждения о ее взаимоотношениях с Афинами в V в. до н. э. каких-либо данных в настоящее время нет. Повторное недавно П. О. Карышковским предположение о вхождении Тиры в состав Афинского морского союза⁶⁵ основано исключительно на выдвинутом некогда Кёлером восстановлении названия этого города во фрагменте списка

⁵⁹ См. И. Б. Браш и с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 153, где указана литература. Лишь Д. П. Калмытов (Измена Гилона, стр. 28) продолжает настаивать на прежнем чтении (Νιμφαίων), полагая, что после восстановлений, предложенных во фрагменте № 38, оно «более чем вероятно». Прежнее восстановление поддерживается и В. Д. Блаватским (Архаический Боспор. — МИА, № 33, 1954, стр. 25).

⁶⁰ И. Б. Браш и с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 152.

⁶¹ Еще М. И. Ростовцев (САН, VIII, стр. 565, прим. 2) указывал на крайнюю сомнительность предположения о том, что города, упомянутые в IG, I², 63, z'''' и z''''', принадлежали скорее к Понту, чем к Фракии.

⁶² Т. В. Блаватская. Очерки..., стр. 66, прим. 51.

⁶³ П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 62.

⁶⁴ Т. В. Блаватская справедливо критикует аттикоцентрические взгляды многих исследователей Северного Причерноморья (Очерки..., стр. 55).

⁶⁵ П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. — ВДИ, 1959, № 4, стр. 124, сл., там же приведена литература вопроса.

флороса за 425/4 г. до н. э. К детальному рассмотрению этого обломка нам еще придется обратиться ниже, здесь же повторим лишь вслед за многими исследователями, что буквы ΤΥ, сохранившиеся от названия города в списке, не дают достаточно веских оснований для дополнения Τύ[ρα] ⁶⁶. С таким же успехом (если признавать, что на обломке были перечислены черноморские города) могут быть восстановлены названия других городов, начинающихся на ΤΥ — Τυριστάκη, Τυραμβίς и т. д. ⁶⁷ Политическая зависимость Тире от Афин кажется весьма сомнительной в связи с тем обстоятельством, что ни в самой Тире, ни в ее окружении афинское влияние в V в. до н. э. не прослеживается. Аттическая керамика в самой Тире относится ко времени не древнее конца V в. до н. э. Это, правда, может быть и случайностью, вызванной слабой археологической изученностью города. Однако показательно, что и в округе Тире — на Нижнем и Среднем Днестре — также нет следов аттического влияния в рассматриваемое время. Греческий импорт вообще начинает проникать на эту территорию не ранее IV в. до н. э. ⁶⁸ Как нам представляется, говорить о политических связях без наличия прочных экономических связей невозможно.

Более разнообразные аргументы были недавно приведены П. О. Карышковским в пользу гипотезы о вхождении в Афинский союз Ольвии ⁶⁹. Для обоснования своей точки зрения автор привлекает разнообразные материалы: эпиграфические, нумизматические и литературные. Последние (сообщение Плутарха о Понтийской экспедиции Перикла) были рассмотрены выше, поэтому здесь остановимся на эпиграфическом и нумизматическом материале.

В качестве решающего аргумента в пользу признания Ольвии членом Афинского морского союза П. О. Карышковский привлекает ныне утерянный обломок надписи, хранившийся в археологическом кабинете Одесского университета ⁷⁰, толкуемый им как часть известного афинского монетного декрета ⁷¹. Следует признать, что восстановление и толкование надписи П. О. Карышковским убедительны и не вызывают сомнений. Весьма спорно, однако, принадлежал ли обломок с надписью Ольвии ⁷². Со всей реши-

⁶⁶ См. А. Н. Зограф. Монеты Тире. М., 1957, стр. 12.

⁶⁷ ATL, 1, стр. 359.

⁶⁸ Т. Д. Златковская. О начальном периоде истории Тире. — СА, 1959, № 2, стр. 66, сл.

⁶⁹ П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 57, сл.

⁷⁰ И. Д. Головкин. Эпиграфічні пам'ятки з колекції Одеського державного університету. — Пр. ОДУ, рік ХСV, т. 149, сер. іст. наук, вип. 7. Одесса, 1959, стр. 134, сл., № 1, рис. 7, I; П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 64, сл., рис. 1, 2.

⁷¹ П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 66, сл.

⁷² Обстоятельства, связанные с происхождением и хранением фрагмента, крайне неясны и противоречивы. Он был потерян (П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 64) в 1959 или 1960 г., сразу же после его опубликования, причем опубликован был лишь снимок с гипсового слепка. Утверждение о происхождении фрагмента из Ольвии основано на более чем сомнительных данных: «по словам покой-

тельностью необходимо подчеркнуть, что он не может считаться полноценным историческим источником и поэтому его нельзя использовать в качестве главной опоры при решении рассматриваемых вопросов.

Для доказательства политического подчинения Ольвии Афинам во второй половине V в. до н. э. П. О. Карышковский привлекает и нумизматический материал⁷³. Речь идет в первую очередь об ольвийских медных монетах, так называемых ассах. Уже давно было обращено внимание на то, что типология этих монет заимствована с афинских монетных типов — это и профильное изображение головы Афины Паллады и лицо медузы Горгоны (Горгоней) на лицевой стороне монет, и колесо — на оборотной. До последнего времени в науке не было сомнений, что соответствующие изображения на ольвийских «ассах» были скопированы с афинских монет, относящихся ко времени не позднее самого начала V в. до н. э.⁷⁴ К такому выводу приводил как стилистический анализ монет, так и стратиграфические данные об их находках в археологических слоях.

ного М. Ф. Болтенко, этот обломок был приобретен еще бывшим директором музея (Одесского) С. С. Дложевским в Парутине, т. е. он происходит из древней Ольвии (И. Д. Головки. Епіграфічні пам'ятки..., стр. 134). Согласно предположению И. Д. Головки и П. О. Карышковского, изданный ими обломок идентичен обломку надписи, зарегистрированному в инвентарной книге поступлений Одесского музея 18 февраля 1933 г. под № 251 (стр. 20—21 описи). При этом отмечается совпадение размеров обломка с измерениями, указанными в описи, и сохранившиеся на камне остатки цифр 25. Однако, если согласиться с идентификацией рассматриваемого обломка с зарегистрированным в описи, то следует признать, что он был приобретен в 1933 г. П. О. Карышковскому же, убежденному в «исключительной памяти» М. Ф. Болтенко, приходится допустить, что камень был приобретен С. С. Дложевским не позднее 1930 г. (когда последний скончался) и затем в течение трех лет оставался незаинвентаризованным. Между тем, в архиве ИА АН СССР сохранились описи находок и приобретенный археологических предметов из Ольвии конца 20-х — начала 30-х годов, в том числе и описи С. С. Дложевского. В них нигде не удалось обнаружить указаний на рассматриваемую надпись. Следует также иметь в виду, что в Одесском музее имеется много вещей, в том числе и надписей, приобретенных путем покупки, установить место происхождения которых совершенно невозможно. Ясно, что они не из Северного Причерноморья, хотя, «по словам», они происходят именно оттуда. С другой стороны, в музее хранится значительное количество греческих надписей из Болгарии, с островов Эгейского моря и даже из Александрии в Египте. Может быть, и рассматриваемый обломок принадлежит к числу надписей этой категории.

Отсутствие самого камня или хотя бы его фотографии лишает возможности не только судить о его материале, что имело бы весьма важное значение для решения вопроса о происхождении надписи, но и о самой надписи, которая вызывает ряд недоумений. Основное заключается в том, что, судя по опубликованным воспроизведениям надписи, шрифт ее никак не может соответствовать времени принятия и действия афинского монетного закона. Это отмечает и П. О. Карышковский (Ольвия и Афинский союз, стр. 64, прим. 44), указывая, что «письмо документа лишь с натяжкой может быть отнесено к V в. до н. э.». С нашей точки зрения, сравнение этого обломка с надписями V в. до н. э., происходящими как из Ольвии, так и из других мест, не оставляет сомнения в том, что формы букв рассматриваемой надписи не могут относиться ко времени ранее первой половины IV в. до н. э.

⁷³ П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 84, сл.

⁷⁴ А. Н. Зорграф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, стр. 123; Ch. T. Seltman a n. Athens, its History and Coinage. Cambridge, 1924, стр. 132, сл.

Недавно П. О. Карышковский в ряде статей подверг коренному пересмотру вопрос о датировке ольвийских «ассов»⁷⁵, а также и об источниках заимствования их типологии⁷⁶. Выводы автора вкратце сводятся к следующему: изображение Афины является архаическим, но оно скопировано не непосредственно с афинских тетрадрахм, а с кизикских статов; только этим обстоятельством, по его мнению, можно объяснить изображение дельфина на монетах перед лицом Афины; стиль изображения Горгоны не архаический, а относится к развиту типу⁷⁷; типы ольвийской крупной литой меди скопированы не с афинских, а с кизикских монет, причем сознательно отобраны лишь афинские типы. Выпуск первых двух серий ольвийских «ассов», по мнению П. О. Карышковского, относится ко времени вхождения Ольвии в состав Афинского союза и подчинения ее монетному закону (закону Клеарха). В соответствии с этим первая серия «ассов» (Афина Паллада и колесо с буквами ΠΛΥΣ между спицами) датируется автором 30-ми годами V в. до н. э., а следующая за нею (Горгоной и колесо или орел, терзающий дельфина, с буквами ΑΡΙΧ) — 20-ми годами этого столетия.

Вопросы, связанные с датировкой и интерпретацией ранних серий ольвийских «ассов», заслуживают специального рассмотрения. Здесь укажем лишь на то, что выводы П. О. Карышковского во многом искусственны и представляются нам малоубедительными. Это относится прежде всего к двум вопросам — об абсолютной датировке и о заимствовании типов. Одним из решающих аргументов при установлении абсолютной датировки, в данном случае — монет, должны считаться условия их залегания в соответствующих археологических слоях, иными словами, стратиграфические данные. Для нас в связи с рассматриваемыми вопросами не имеет значения установление более или менее точных абсолютных дат монет с Палладой и Горгоной. Важно выяснить, относятся ли они к 30—20-м годам V в. до н. э., как это предполагает П. О. Карышковский, и, следовательно, прямо или косвенно связаны с Понтийской экспедицией Перикла и вовлечением Ольвии в Афинский союз, или же они должны датироваться более ранним временем. Как нам представляется, правильным, безусловно, является последнее предположение. Для решения поставленного вопроса мы, к сожалению, располагаем довольно скудными данными, так как находки «ассов», с одной стороны, весьма малочисленны, с другой, — лишь небольшая

⁷⁵ П. И. Карышковский. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. — Пр. ОДУ, рік ХСV, т. 149, сер. іст. наук, вип. 7. Одесса, 1959, стр. 47, сл.; е г о ж е. Из истории монетного дела и денежного обращения в Ольвии в V—III вв. до н. э. — Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 222, сл.; е г о ж е. Ольвия и Афинский союз, стр. 84, сл.

⁷⁶ П. О. Карышковский. Об обращении кизикшинов в Ольвии. — НЭ, II, 1960, стр. 3, сл.; е г о ж е. З історії монетної справи...; е г о ж е. Ольвийские асы с изображением совы. — СА, 1962, № 2.

⁷⁷ К такому выводу уже давно пришел А. В. Орешников (А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. — НС, III, 1915, стр. 28 и 56).

часть их точно паспортизована. К сказанному необходимо добавить, что, как признано всеми исследователями, медные «ассы» обращались в Ольвии в течение очень длительного времени после их выпуска и поэтому их часто находят в сравнительно поздних слоях. Тем не менее, однако, имеются и находки «ассов» в слоях, близких по времени к дате их выпуска. Именно эти случаи представляют наибольший интерес и имеют решающее значение. Напомним, что Б. В. Фармаковский, крупнейший для своего времени знаток стратиграфии Ольвии, а также Э. Р. Штерн и другие исследователи не сомневались в принадлежности ранних «ассов» к первой половине, даже к началу V в. до н. э. именно на основании археологических данных⁷⁸. П. О. Карышковский оспаривает это мнение. Однако, даже если согласиться с его доводами, мы все равно получаем дату, относящуюся к концу первой половины V в. до н. э., но никак не к 30-м или 20-м годам столетия. Но в таком случае выпуск ольвийской литой меди не может быть связан с экспедицией Перикла в Понт и с предполагаемым включением Ольвии в состав первого Афинского морского союза. Неприемлемым представляется и сам метод установления абсолютных дат первых серий ольвийской литой меди, а также и серебра, применяемый П. О. Карышковским. Автор исходит не из характера самих монет и условий их находок, он приурочивает выпуск тех или иных монет к определенным историческим событиям. К примеру, в начале 30-х годов V в. до н. э. состоялась экспедиция Перикла в Понт и Ольвия, по мнению П. О. Карышковского, была включена в Афинский союз. Следовательно, рассуждает автор, к последующим годам относится начало выпуска литой меди (пользование ею не было запрещено монетным декретом, которому Ольвия, якобы, подчинялась); и т. д.⁷⁹ Думается, что искусственность примененного автором метода очевидна.

Доводы П. О. Карышковского в пользу обоснования точки зрения, согласно которой типы ольвийских «ассов» скопированы не с афинских, а с кизикских монет, также не могут быть признаны убедительными. В самом деле, почему только связью с Кизиком можно объяснить соединение на лицевой стороне монеты головы Паллады с дельфином? П. О. Карышковский справедливо отмечает, что изображение дельфина вместе с Афиной необычно, поскольку это морское животное было посвящено другому богу — Аполлону. Но разве опосредствованный Кизиком, дельфин становится более родственным Афине? Среди монет Кизика, например, имеется серия с изображением на лицевой стороне головы Афины Парфенос, сопровождаемой тунцом⁸⁰. Тунец, являвшийся городским «гербом»

⁷⁸ Б. В. Фармаковский. — ОАК за 1904 г., стр. 45; Э. Р. Штерн. — ЗООИД, XXVIII, протокол 391 заседания, стр. 90 = ОАК за 1908 г.; протоколы 89, сл. заседаний = ОАК за 1909—1910 г., стр. 110.

⁷⁹ П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 97, сл.

⁸⁰ Ch. T. Seltnan. Greek Coins. London. 1955, pl. XVII, 5.

(*παράσημον*) Кизика, сопровождает в качестве дополнительной эмблемы и другие виды кизикского электра⁸¹. Такое же явление, когда городские *παράσημα* составляют добавочную малозаметную марку на краю монетного поля, наблюдается в монетном деле и ряда других городов (Фокея, Абидос, Лампсак)⁸².

В Ольвии городским знаком (*παράσημον*) был дельфин, часто в сочетании с орлом, терзающим его. Поэтому нет ничего невероятного и удивительного в том, что изображение головы Афины Паллады на ольвийской литой меди сопровождается дополнительным изображением дельфина, занимающим край монетного поля. Если сравнить изображение головы Паллады с соответствующими типами на монетах Афин и Кизика, то с полной очевидностью выступает заимствование ее на ольвийских монетах с афинского типа, а не из Кизика⁸³.

Сравнивая далее колеса на ольвийских «ассах» с колесами на афинских монетах и кизикской гекте, опубликованной П. О. Карышковским, приходится опять-таки отвергнуть утверждение последнего о заимствовании этого типа из Кизика. Ольвийские колеса на монетах с Афиной не похожи на колесо кизикской монеты. На последней оно снабжено распорками на концах спиц у обода, в то время как тип колеса на ольвийских монетах лишен этой детали, но тесно связан с афинскими типами. Поэтому и здесь скорее следует видеть непосредственное заимствование афинского монетного типа. Колесо на ольвийских монетах следующей серии (малые «ассы»: Горгоней — колесо и АРІХ), правда, ближе к колесу на кизикской гекте (у них имеются распорки), но в то же время имеет и прямые аналогии в афинском серебре. Поэтому и в данном случае нет оснований давать опосредствованному заимствованию через Кизик предпочтение перед непосредственным заимствованием из Афин.

Следует обратить внимание и на следующую деталь: хотя типы ольвийской литой меди могут найти аналогии как в Афинах, так и в Кизике, в одном случае кизикское денежное хозяйство все же не дает аналогии ольвийскому типу. Не дает ее и монетное дело Афин. Речь идет о типе оборотной стороны больших «ассов» с Горгоном на лицевой стороне. На нем вместо прежнего колеса помещен орел с распростертыми крыльями, терзающий дельфина. Тип этот, как установлено уже давно, заимствован с монет Олимпиа 70-х годов V в. до н. э.⁸⁴ И хотя приведенный пример является исключением, он имеет чрезвычайно важное значение, так как показыва-

⁸¹ Ch. T. Seltman. Greek Coins, стр. 113.

⁸² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 60.

⁸³ Большую стилистическую близость изображения Афины на ольвийских монетах с изображением этой богини на афинских тетрадрахмах признает и П. О. Карышковский, который не может привести подобных аналогий в кизикском электре (П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 91).

⁸⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 123.

ет, что нельзя сводить заимствования ольвийских монетариев исключительно к заимствованиям с кизикских монет ⁸⁵.

Все сказанное приводит к заключению, что и нумизматические данные не могут решить вопроса о вхождении Ольвии в первый Афинский морской союз.

Таким образом, состояние материала в настоящее время заставляет считать вопрос этот в полной мере открытым. Возможно, что в будущем появятся новые данные, которые позволят прийти к более определенным выводам.

Если подчинение греческих городов северо-западного Причерноморья Афинам остается весьма сомнительным, то еще большее сомнение вызывает политическое подчинение Афинам городов северо-восточного Причерноморья (Боспора Киммерийского). Этот вопрос был нами подвергнут специально рассмотрению ⁸⁶, что избавляет от необходимости возвращаться к его исследованию в полном объеме.

Вопреки прочно утвердившемуся в науке взгляду на Нимфей, как афинское владение, С. А. Жебелев еще в 1935 г. предпринял тщательный пересмотр всей совокупности источников по этому вопросу и пришел к выводу, что Нимфей, как и прочие боспорские города, не находился в политическом подчинении у Афин и не являлся членом первого Афинского морского союза ⁸⁷.

Позднее решающим аргументом в пользу вхождения в орбиту афинского владычества боспорского города Нимфея был признан появившийся новый эпиграфический материал ⁸⁸. В 1939 г. Меритт, Уэйд-Гери и Мак Грегор отвергли точку зрения С. А. Жебелева и вновь вернулись к традиционной гипотезе ⁸⁹. Утверждение названных исследователей, будто Нимфей принадлежал к числу членов Афинского морского союза, было основано

⁸⁵ Уже после сдачи в печать настоящей книги П. О. Карышковский опубликовал найденные в 1960 г. при раскопках на городище у с. Роксоланы Одесской обл. две ольвийские медные литые монеты с изображением совы на лицевой стороне и коллеса с буквами ПАΥΣ — на оборотной (П. О. Карышковский. Ольвийские ассы с изображением совы, стр. 211, сл.). Эти монеты неоспоримо свидетельствуют о прямом заимствовании типов ольвийских «ассов» из Афин. Они свидетельствуют также и о весьма близких отношениях Ольвии с Афинами. П. О. Карышковский (там же, стр. 215) употребляет осторожную формулировку, говоря о вхождении Ольвии в сферу политического влияния Афинской державы. С определенными оговорками с такой формулировкой можно согласиться. Весь вопрос заключается в том, какой смысл вкладывать в понятие «политическое влияние». Подробнее на вопросах, связанных с ольвийскими «ассамп», мы надеемся остановиться в специальном исследовании.

⁸⁶ И. Б. Браш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 148, сл.; ср. е г о ж е. Zur politischen Lage Nymphaions..., стр. 78, сл.

⁸⁷ С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона. — ИГАИМК, 104, 1935, стр. 24, сл. = СП, стр. 181, сл. Точка зрения С. А. Жебелева была принята рядом исследователей. См. нашу статью «К вопросу о положении Нимфея...», стр. 148, сл., где приведена литература вопроса.

⁸⁸ И. Б. Браш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 148, сл.

⁸⁹ ATL, I, стр. 528; ср. ATL, II, стр. 46.

исключительно на реконструкции Меритта и Уэста фрагмента списка форо́са за 425/4 г. до н. э. (фрагмент № 38) ⁹⁰. Во второй строке этого фрагмента сохранились буквы ЕКТОЕ, которые были Мериттом и Уэстом дополнены $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma\} \epsilon\kappa \tau\omicron\upsilon \text{ Εὐ}[\chi\rho\sigma\epsilon\iota\nu\omicron]$, причем это восстановление казалось им единственно возможным и неоспоримым. С этим утверждением едва ли можно согласиться. От последней буквы во второй строке сохранился лишь незначительный остаток, на основании которого ни в коем случае нельзя категорически утверждать, что здесь был У ⁹¹. На основании изучения фотографий целого ряда фрагментов указанной надписи мы пришли к выводу, что если исходить из особенностей прифита надписи, за Е не мог следовать У, а за этой буквой — Х. Но в таком случае невозможна и вся предложенная реконструкция. Против восстановления $\text{Εὐ}[\chi\rho\sigma\epsilon\iota\nu\omicron]$ говорит и тот факт, что греки, когда они желали обозначить Черное море, обычно писали просто Πόντος или же Εὐξείνους в обязательном сочетании с Πόντος ⁹². Кроме того, как заметил К. Мейстерханс ⁹³, невозможно связать коллектив посредством $\epsilon\kappa$ с генетивной конструкцией с географическим понятием, если последнее по своему характеру не создает условий для жизни данного коллектива. Следовательно, нельзя сказать $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma \epsilon\kappa \tau\omicron\upsilon \text{ Εὐξείνους}$, т. е. — из моря, поскольку употребление Εὐξείνους (Πόντος) в расширительном смысле, в смысле области, подобно расширительному словоупотреблению Πόντος, нигде не засвидетельствовано ⁹⁴.

Что касается возможного восстановления второй строки фрагмента № 38, то оно вызывает серьезные затруднения, и мы не можем в настоящее время ничего предложить взамен неубедительного, с нашей точки зрения, восстановления Меритта и Уэста. Можно лишь предполагать, что вслед за эпсилон скорее следовала сигма, чем ипсилон ⁹⁵.

Таким образом, новый эпиграфический материал, как мы попытались показать, не может быть признан достаточно убедительным. Вместе с тем, новые исследования показали, что единственная надпись, в которой дол-

⁹⁰ Кирхоф, опубликовавший этот фрагмент в *CIA*, I (1873) под № 225 t, не читал после второго Ε (ЕКТОЕ...) никакой буквы; не читал ее и Гиллер фон Гертринген (*IG*, I², стр. 303, add. к № 310). Отнесение фрагмента к *IG*, I², 310 было убедительно отвергнуто Джонсоном (*J. J o h n s o n. A revision of IG, I², 310. — AJA*, 35, 1931, стр. 43).

⁹¹ *B. D. Meritt and A. B. West. The Athenian Assessment of 425 B. C. Ann Arbor*, 1934, стр. 26, 29, 68 и табл.; *ATL*, II, стр. 46, 126, сл.

⁹² В классический период мне известен лишь один случай употребления одного обозначения Εὐξείνους, а именно, у Аристотеля (*Meteor.*, II, 1). Но и здесь все предложение с Εὐξείνους, по всей вероятности, является интерполяцией. В предшествующей фразе Черное море названо Πόντος.

⁹³ *K. Meisternans. Grammatik der attischen Inschriften. 3 Aufl. Berlin*, 1900, § 85, 4, стр. 212.

⁹⁴ Подробнее см. *И. Б. Брашинский. К вопросу о положении Нимфея...*, стр. 148, сл.

⁹⁵ Восстановление $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma\} \epsilon\kappa \tau\omicron\upsilon \text{ ε[σ]χάτο(της ἀρχής или Θρακικής)}$ (там же, стр. 150, сл.) также нельзя признавать удачным. Можно лишь утверждать, что генетивная конструкция с предлогом $\epsilon\kappa$ должна относиться не к слову $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, а скорее к $\rho\acute{o}\sigma\omicron\varsigma$.

гое время пытались восстанавливать название Нимфея, не содержит названия этого города ⁹⁶. Тем не менее, многие исследователи продолжают настаивать на традиционной точке зрения, согласно которой Нимфей был данником Афин. Основанием для этого служат, во-первых, толкование литературных источников (речь Эсхина против Ктесифонта и заметка Кратера в передаче Гарпократиона) и, во-вторых, толкование нимфейской надписи, которую еще первоиздатель ее, В. В. Латышев, рассматривал в качестве посвящения афинскому тираноубийце Гармодию ⁹⁷. Повторное исследование этой надписи показало, что восстановление имени Гармодия в ней невозможно, и что надпись была не посвящательной, а надгробной ⁹⁸. Таким образом, все те исторические выводы, которые делались на основании указанной надписи, должны считаться потерявшими силу.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией литературных свидетельств. Здесь, по-видимому, при отсутствии дополнительных данных, едва ли удастся когда-либо прийти к удовлетворяющему всех решению. На любой довод в пользу того или иного толкования всегда можно в данном случае привести контраргумент. Всегда сохранится широкий простор для различных толкований и умозаключений. Поэтому, хотя ниже мы и постараемся привести дополнительные аргументы в пользу высказывавшейся С. А. Жебелевым и поддержанной нами точки зрения, мы отдаем себе ясный отчет в том, что спора они решить окончательно не могут.

Из литературных источников неоспоримо вытекает лишь то, что Афины, безусловно, имели какие-то особые интересы в Нимфее; что дед знаменитого Демосфена — Гилон — действительно занимал там какой-то пост. Но какой была политическая подоплека взаимоотношений Афин с Нимфеем, какой именно пост занимал Гилон в Нимфее, — этого с полной уверенностью решить невозможно.

Все ученые единодушны в определении речи Эсхина против Ктесифонта, направленной против Демосфена, как крайне тенденциозной. Очень серьезная ее критика была дана С. А. Жебелевым ⁹⁹, который пришел к выводу, что слова Эсхина (III, 171) о Нимфее как афинском владении, и Гилоне, деде Демосфена, как враге афинского народа (*Πολέμιος τῷ δήμῳ*), предавшем Нимфей в руки врагов, нельзя принимать на веру. Этим сообщением следует предпочесть сведения, приведенные самим Демосфеном во второй речи против Афиоба (XXVIII, 2) произнесенной в 364/3 г. до н. э. задолго до процесса Ктесифонта. Демосфен в ней говорил, что его дед по

⁹⁶ В. D. Meritt and A. V. West. The Athenian Assessment, стр. 28 и 87; ср. И. Б. Браш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 153.

⁹⁷ ИАК, 10, 1904, стр. 25, № 20; Д. Б. Ш е л о в. Монетное дело Боспора..., стр. 38, сл.; Т. В. Б л а в а т с к а я. Очерки..., стр. 77; И. О. К а р ы ш к о в с к и й. Оливия и Афинский союз, стр. 70, сл. и прим. 67.

⁹⁸ И. Б. Браш и н с к и й. По поводу нимфейской надписи с так называемым посвящением Гармодию. — ВДИ, 1961, № 4, стр. 103, сл.

⁹⁹ С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона. — СП, стр. 186, сл.; ср. И. Б. Браш и н с к и й. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 156.

материнской линии — Гилон — был государственным должником (ὄφελος τῷ δημοσίῳ). Из его слов можно заключить, что Гилон последние годы своей жизни провел в Афинах, так как сам погасил свой долг¹⁰⁰. Если бы Гилон был государственным преступником, бежавшим от казни, едва ли это было бы возможно.

Тем не менее, мы все же не вправе допустить, что Эсхин мог полностью выдумать факт, свидетельствующий о каких-то особых интересах афинян в Нимфее, о какой-то особенно тесной связи Афин именно с этим боспорским городом. По-видимому, Нимфеей в определенный период действительно представлял для афинян особый интерес, и афинянин Гилон играл в нем какую-то видную роль¹⁰¹.

По-видимому, Нимфеей — город, обладавший хорошей гаванью, — был одним из основных пунктов вывоза боспорского зерна в Афины. Поскольку в Афинах обеспечением хлеба занимались не только частные купцы, но и само государство, можно предположить, что Гилон одно в ремя возглавлял афинскую администрацию по закупке зерна на Боспоре и имел своей резиденцией Нимфеей; он был официальным или полуофициальным представителем Афин по закупке зерна. Это тем более возможно, что в период Пелопоннесской войны, к которому и относятся рассматриваемые события, северопонтийские хлебные рынки приобрели для Афин исключительно важное значение.

В последнее время с решительными возражениями против поддерживаемой нами точки зрения С. А. Жебелева на характер взаимоотношений Афин с Нимфеем выступил Д. Б. Шелов¹⁰². Соглашаясь, что восстановление фрагмента надписи, в котором усматривали заголовок списка понтийских городов — членов Афинского союза (фрагмент № 38 списка форося за 425/4 г. до н. э.) и на этом основании причисляли Нимфеей к числу афинских союзников¹⁰³, является весьма спорным, Д. Б. Шелов пытается примирить свидетельства Демосфена и Эскина об «измене Гилона», обвиняя С. А. Жебелева в гиперкритицизме при толковании античных авторов. Следует, однако, отметить, что Д. Б. Шелов не опроверг аргументов С. А. Жебелева, и они остаются непоколебленными. Признавая, что «Эсхин тенденциозен

¹⁰⁰ A. Schaefer. Demosthenes und seine Zeit, I². Leipzig, 1886, стр. 267.

¹⁰¹ И. Б. Брашинский. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 156, сл. В. Ф. Гайдукевич приходит к выводу, что Эсхин «в вопросе о Нимфее как афинском владении допустил преувеличение, но известная доля истины все же тут была». Автор полагает, что во второй половине V в. до н. э. между Нимфеем и Афинами существовала какая-то достаточно тесная связь, выражавшаяся, возможно, в том, что «Афины поселили в Нимфее своих представителей, на которых лежала обязанность обеспечить бесперебойный экспорт хлеба» (В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. — АГСП, стр. 107).

¹⁰² Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора..., стр. 36, сл.; ср. также Т. В. Блаватская. Очерки..., стр. 68, сл.; Э. Берзин. Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э. — ВДИ, 1958, № 1, стр. 124, сл.

¹⁰³ Д. П. Каллистов. Измена Гилона, стр. 28, сл. Несостоятельность выводов автора показана нами в статье «К вопросу о положении Нимфея...», стр. 150, сл.

и в чем-то жлет», Д. Б. Шелов считает невероятным, чтобы он мог рискнуть придумать самый факт подчинения Нимфея Афинам, если бы этот факт никогда не имел места. Поскольку время произнесения речи падает на период наиболее оживленных связей Афин с Боспором, такая грубая ложь могла быть разоблачена почти любым из его слушателей. В этом Д. Б. Шелов безусловно прав. Но, по убедительному предположению С. А. Жебелева, слова относительно Нимфея Эскин не произнес на процессе перед афинской публикой, а внес в текст речи позднее, при подготовке ее к опубликованию¹⁰⁴, когда она предназначалась уже для широкого круга читателей, может быть, главным образом неафинян, которые вовсе не были в курсе боспорских дел, тем более дел, отдаленных от них 75—80-летним промежуток времени.

По мнению Д. Б. Шелова, передача Гилоном Нимфея в руки Спартокидов не рассматривалась в Афинах как государственная измена, потому что потеря его в обстановке поражения Афин в Пелопоннесской войне все равно была неизбежной. В таком случае Гилон мог быть приговорен не к смертной казни, а к денежному штрафу, и мог быть принят и награжден Сатиром, не вызывая этим ухудшения отношений Боспора с Афинами¹⁰⁵. Д. Б. Шелов признает, что в его объяснении много гипотетичного и недоказуемого, но оно все же кажется ему более вероятным, чем точка зрения С. А. Жебелева. Едва ли с этим можно согласиться.

Передачу афинского владения в чьи бы то ни было руки при любых обстоятельствах, думается, могли рассматривать в Афинах только как государственную измену, каравшуюся лишением всех гражданских прав и смертной казнью. Если допустить невероятное, а именно, что Афины считали потерю Нимфея неизбежной и передачу его Сатиру «не особенно большим злом», как полагает Д. Б. Шелов, то непонятно, за что же Гилон был наказан, коль скоро его действия были разумны и оправданы¹⁰⁶. аргу-

¹⁰⁴ См. С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона. — СП, стр. 187, прим. 1 и стр. 190, сл. Хорошо известно, что ораторы тщательно обрабатывали свои речи уже после их произнесения, при подготовке к опубликованию, внося в них всякого рода изменения и дополнения. Ярким примером такой обработки служит именно речь Эскина «Против Ктесифонта о венке» (как, впрочем, и ответная речь Демосфена), которая была подвергнута им новой редакции уже после опубликования речи Демосфена «О венке» и при этом расширена всякого рода дополнениями. См. Thalheim. — RE, I, стб. 1058, сл.; F. Vlass. Die attische Veredsamkeit, III, 1, стр. 375; III, 2, стр. 189, а также С. И. Радциг. Демосфен — оратор и политический деятель. — В кн.: Демосфен. Речи. М., 1954, стр. 463. Речь должна идти не о вставке слов τότε τῆς πόλεως ἑυχούσης τὸ χωρίον τοῦτο (ср. Т. В. Блаватская. Очерки..., стр. 74), а о переработке и искажении всей фразы, касающейся деятельности Гилона в Нимфее.

¹⁰⁵ Т. В. Блаватская (Очерки..., стр. 75), ссылаясь на судьбу Алкивиادا, полагает, что смертный приговор Гилону был впоследствии отменен. Следует, однако, иметь в виду, что Алкивиад и Гилон были величинами несравнимыми, и поэтому приведенная параллель едва ли может быть признана удачной.

¹⁰⁶ Э. Берзин (Сипдика, Боспор и Афины..., стр. 125 и 128) рисует еще более непонятную картину. Он полагает, основываясь на версии Эскина об «измене Гило-

ментация автора не дает ответа на эти вопросы и не опровергает доводов С. А. Жебелева, которые, таким образом, полностью сохраняют силу.

Таким образом, в распоряжении противников точки зрения С. А. Жебелева остается лишь краткая заметка Кратера, сохранившаяся в передаче Гарпократиона, о том, что Нимфей платил афинянам талант ¹⁰⁷. Все исследователи, за исключением С. А. Жебелева ¹⁰⁸, истолковывают это сообщение в том смысле, что оно свидетельствует о принадлежности Нимфея к Афинскому союзу и обложении его форосом в один талант. К сожалению, ссылка Гарпократиона на Кратера настолько сокращена, что вряд ли возможно сделать на основании ее вполне надежные выводы. Известно, что содержание «Сборника декретов» Кратера составляли в первую очередь полные тексты постановлений афинского народного собрания, которые отражали наиболее важные моменты внешней и внутренней истории Афин V в. до н. э. ¹⁰⁹ Что касается списков взносов афинских союзников в союзную казну, то Кратер, вероятно, не пользовался ими ¹¹⁰. В таком случае можно предполагать, что Кратер пользовался каким-то постановлением афинского народного собрания, касавшимся специально Нимфея или же взаимоотношений с Боспором, в котором Нимфей только упоминался. Каким могло быть содержание этого декрета, сказать невозможно.

Как нам представляется, следует прийти к выводу, что в настоящее время нет достаточно веских данных, позволяющих признать непреложным фактом политическую зависимость Нимфея и других боспорских городов от Афин. Напротив, круг источников, используемых сторонниками этой точки зрения, не только не расширился, но значительно сузился; в их распоряжении остаются сейчас лишь весьма спорные сведения, содержащиеся в литературных источниках, допускающих различное толкование ¹¹¹.

на», что отношения между Афинами и Боспором были враждебными, но вскоре афинянам «пришлось отказаться от враждебной политики по отношению к нему (т. е. Сатиру) и купить примирение ценой уступки Нимфея». Эти слова автора можно понимать только в том смысле, что Афины, исходя из желания или необходимости установления добрых отношений со Спартокидами, сами добровольно отказались от Нимфея в пользу Сатира. Но о какой же «измене» Гилона можно в таком случае говорить?

¹⁰⁷ На гр о с т., s. v.: Νύμφαιον: Ἀθηναίους τῷ Νύμφαιον στέλει, τίλαυτον.

¹⁰⁸ С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона.— СП, стр. 183, сл., стр. 194, прим. 1; е г о ж е. Возникновение Боспорского государства.— СП, стр. 65, прим. 2.

¹⁰⁹ F. L. Jacoby. Krateros.— RE, XI, стб. 1617, сл.; С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона.— СП, стр. 184.

¹¹⁰ G. Busolt. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia, III. 2 Aufl. Gotha, 1897, стр. 587, прим. 1. Предположение авторов ATL (II, стр. 92), будто Кратер использовал для иллюстрации своего труда списки первого и последнего (410/9 г. до н. э.) обложения афинских союзников, беспочвенно.

¹¹¹ Т. В. Блаватская, выступающая в защиту гипотезы о вхождении северопонтийских городов в состав Афинского союза, в то же время приводит весьма серьезный аргумент против этой точки зрения. Автор обращает внимание на тот примечательный факт, что в перечне афинских союзников, приводимом Фукидидом (II, 9), не указано ни одно из северопонтийских государств. А это, как справедливо отмечает Т. В. Бла-

Таким образом, как мы постарались показать, вопрос о принадлежности городов Северного Причерноморья к первому Афинскому морскому союзу остается в настоящее время в полной мере открытым. До появления каких-либо новых веских данных его положительное решение невозможно. Однако ряд соображений склоняет к мысли, что северопонтийские города не находились в политической зависимости от Афин и не входили в состав Афинской державы.

* * *

Вторая половина V в. до н. э. характеризуется дальнейшим расширением торговых связей между Афинами и городами Северного Причерноморья. Особенно заметно аттический импорт усиливается к концу столетия. Такое положение характерно как для Ольвии, так и для городов северо-восточного Причерноморья. Среди последних по относительному обилию аттического материала особенно выделяется Феодосия¹¹². Если это не является случайностью, обусловленной степенью археологической исследованности Феодосии, то можно было бы предположить особо тесные экономические связи Афин с Феодосией во второй половине V в. до н. э., когда город не потерял еще автономии и не входил в состав Боспорского государства. Д. Б. Шелов отмечает влияние Афин также и в типологии ранних феодосийских монет, относящихся к концу V в. до н. э.¹¹³

Г. А. Цветаева на основании изучения керамического материала из раскопок Пантикапея за 1945—1949 гг. приходит к выводу, высказываемому ею в виде рабочей гипотезы, что во второй половине V в. до н. э. по сравнению с первой количество афинских изделий увеличилось в полтора раза¹¹⁴. Среди них имеются первоклассные изделия¹¹⁵, но в массе своей материал весьма дужинный¹¹⁶. В это же время усиливается и ввоз аттических терракот, которые вытесняют ионийские¹¹⁷.

ватская, «может означать лишь то, что указанные государства, в том числе и Боспор, стояли совершенно в стороне от назревавших событий (Пелопоннесской войны.— *И. Б.*). И в дальнейшем Боспор не принял сторону Афин, так как в противном случае это событие нашло бы отражение в истории Пелопоннесской войны» (Очерки..., стр. 67, 76, сл.). Но это значит, что города Северного Причерноморья не входили в состав Афинского морского союза, не были они включены в него и в период войны, как предполагают многие исследователи, в том числе и сама Т. В. Блаватская.

¹¹² См. Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, стр. 5, 11, 33.

¹¹³ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора..., стр. 41, 79; е го же. Феодосия, Гераклея и Спартокиды.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 168, сл.

¹¹⁴ Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея.— МИА, № 56, 1957, стр. 194. Ср. Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации.— ЗООИД, XXII, 1900, стр. 10.

¹¹⁵ Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея, стр. 140, сл.

¹¹⁶ В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье.— КСИИМК, 35, 1950, стр. 33; е го же. История античной расписной керамики. М., 1954, стр. 263.

¹¹⁷ М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 59.

Чернолаковый кубок со штампованным орнаментом

Конец V в. до н. э. Тамань

Таким образом, археологический материал подтверждает общепринятый в науке вывод, что дальнейшее укрепление экономических связей Афин с Северным Причерноморьем было следствием похода Перикла в Понт. Афины все более ощущали необходимость в северочерноморском хлебе, что давало широкие возможности дальнейшему подъему экономики северопонтийских городов. Особенно тесными в это время были экономические связи Афин, вероятно, с Ольвией. К такому выводу, не говоря об обильных находках аттических изделий в Ольвии приводит как несомненный факт пребывания Геродота в этом городе ¹¹⁸, так и заметное афинское влияние на типологию ольвийских монет.

К сожалению, письменные источники не сообщают ничего о взаимоотношениях Афин с Боспором во время правления основателя новой боспорской династии — Спартока I. Во всяком случае уже при преемнике Спартока — Сатире I, вступившем на престол в 407 г. до н. э., между обоими государствами существовали весьма тесные и дружественные отношения. Еще до поражения при Геллеспонте, т. е. до битвы при Эгос-По-

¹¹⁸ Подробнее о пребывании Геродота в Северном Причерноморье см. С. А. Жебелев. Скифский рассказ Геродота.— СП, стр. 308, сл.

Аттическая терракотовая статуэтка — Афродита и Эрот
Вторая половина V в. до н. э. Пантикапей

Чернолаковый килик со штампованным орнаментом

Конец V в. до н. э. Ольвия

тамах в 405 г. до н. э., на Боспор, на жительство к Сатиру, отправлялись сыновья видных афинян (L u s., XVI, 4) ¹¹⁹. Уже при Сатире афиняне пользовались на Боспоре рядом торговых привилегий (I s o c r., XVII, 57; IG, II², 212) и в свою очередь оказывали почести боспорскому правителю. В это же время в Афинах находились боспорцы, в числе которых были и официальные или полуофициальные представители Сатира I (I s o c r., XVII, 38) ¹²⁰.

Едва ли имеются достаточно серьезные основания предполагать, что взаимоотношения Боспора с Афинами при Сатире I резко отличались от их взаимоотношений при отце последнего — Спартоке. Скорее всего, и во времена Спартока отношения между Боспором и Афинами, основанные на взаимной заинтересованности во всемерном развитии торговых связей, были не враждебными, а вполне нормальными.

¹¹⁹ См. С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. — СПб, стр. 129; И. Б. Брашинский. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 159.

¹²⁰ Подробнее см. И. Б. Брашинский. К вопросу о положении Нимфея..., стр. 157, 159.

АФИНЫ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРИОД ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

Готовясь к борьбе за гегемонию в Греции, Афины, для которых вопрос о регулярном подвозе продовольствия и прежде всего зерна был жизненно важным, придавали первостепенное значение укреплению своих позиций на понтийском торговом пути. Выше был рассмотрен вопрос о «Понтийской экспедиции» Перикла, предпринятой именно ради этих целей. Этим же целям служила и активная внешняя политика Перикла на фракийском побережье: заключение союзов и соглашений с фракийскими и македонскими царями; основание Амфиполя во Фракии и Астака в Пропонтиде.

Руководители афинской демократии отдавали себе ясный отчет в том, что в случае неизбежного военного столкновения Афин с их главным противником в борьбе за гегемонию — Спартой и ее союзниками — под угрозой прежде всего окажутся западные хлебные рынки — Сицилия и Южная Италия, и тогда рынки Северного Причерноморья приобретут исключительное значение. Этим в очень значительной степени и следует объяснять то обстоятельство, что, как нам представляется, с самого начала Пелопоннесской войны главные усилия афинян были направлены прежде всего на защиту от противника понтийского торгового пути¹. До тех пор, пока Афины контролировали этот путь, имели прочную и непрерывную связь с Понтом, они были практически неуязвимы. Стоило им потерять этот источник снабжения, и они вынуждены были бы прекратить борьбу. Поэтому с известным правом можно говорить о том, что судьба Афин в разгоревшейся борьбе зависела от Северного Причерноморья как основного, а,

¹ Северо-восточная политика Афин, разумеется, диктовалась отнюдь не только вниманием к хлебному снабжению афинян. В меньшей степени они нуждались в корабельном лесе, основным поставщиком которого был Амфиполь. Поэтому, укрепляя свое влияние на Халкидике, в Македонии и Фракии, афиняне одновременно добивались обеспечения своего флота необходимым строительным лесом, а также и безопасности Понтийского торгового пути, по которому в Афины поступал северопонтийский хлеб.

могло стать, и единственного, потенциального источника снабжения. Поэтому можно утверждать, что государства северного побережья Понта оказывали значительное влияние на судьбы Греции, вышли на широкую международную арену еще в V в. до н. э., хотя непосредственного участия в бурных событиях того времени и не принимали.

На первый взгляд может показаться, что в начальный период Пелопоннесской войны Черноморские проливы и подступы к ним не привлекали внимания борющихся сторон. Однако такое представление ошибочно. С самого начала войны афиняне уделяли особое внимание именно подступам к Понту. Что касается их противников, то они, по-видимому, не сразу поняли всего значения владения подступами к Черному морю. Лишь через несколько лет после начала военных действий, убедившись на опыте, что пока афиняне контролируют понтийский торговый путь и беспрепятственно пользуются подвозом продовольствия из Причерноморья, они неуязвимы, лакедемоняне начинают предпринимать военные действия в направлении Черноморских проливов, стремясь воспрепятствовать нормальному и бесперебойному снабжению своего противника.

В то время как в первые годы войны лакедемоняне систематически опустошали Аттику, афиняне были озабочены прежде всего не столько организацией защиты этой области, сколько укреплением подступов к Черноморским проливам, обеспечивавшим безопасность торгового пути в Понт. С этой целью они еще в первый год войны пытаются заключить союз с Ситалком, царем Одрисов, чтобы покорить с его помощью фракийские местности, а также македонского царя Пердикку (Th u. s., II, 29; ср. II, 95, сл.). Правда, тогда же афинянину Нимфодору, согласно сообщению Фукидида (II, 29, 6), удалось заключить союз с Пердиккой. Пелопоннессцы попытались добиться расторжения союза афинян с Ситалком. Летом 430 г. до н. э. пелопоннесское посольство, отправленное к персидскому царю, посетило с этой целью Фракию, надеясь побудить Ситалка изменить Афинам и овладеть Потидеей и геллеспонтским морским путем. Однако попытки пелопоннессцев не привели к положительному результату (Th u. s., II, 67)². Можно было бы привести множество фактов, свидетельствующих о действиях афинян, направленных на укрепление подступов к проливам, и их борьбе со своими противниками в указанных районах, однако от этого приходится отказаться, так как подобное отступление отвлекло бы слишком далеко от непосредственно интересующего нас вопроса об афино-понтийских связях в рассматриваемый период.

В период, предшествовавший Пелопоннесской войне, по-видимому, существовала относительная свобода торговли с Понтом. Гранди, основываясь на сообщении Фукидида (I, 67) о мегарской псефисме, высказывает даже предположение, что тридцатилетний мир, заключенный в 446 г. до н. э. между Афинами и Спартой, гарантировал членам Пелопоннесского

² А. Н ö с к. Das Odryssenreich in Thrakien.— «Hermes», XXVI, 1891, стр. 79.

союза свободу торговли, в том числе и торговли с Черным морем ³. Никаких прямых доказательств в пользу этой гипотезы привести невозможно. Между тем, именно мегарская псефисма, принятая в 432 г. до н. э., т. е. до начала Пелопоннесской войны, согласно которой мегаряне не допускались на аттические рынки и для них закрывались афинские гавани, дает основания полагать, что и в рассматриваемое время афиняне в какой-то форме осуществляли на проливах контроль над понтийской торговлей.

С началом Пелопоннесской войны положение, естественно, должно было коренным образом измениться. Отныне для противников афинян Черноморские проливы, а следовательно, и все понтийские рынки, были заперты. Сложнее решить вопрос, как Афины поступили с нейтральными государствами, а также и со своими союзниками, которые далеко не все были склонны добровольно и верно соблюдать свои обязательства по отношению к ним.

Известный декрет афинского народного собрания, принятый в июле-августе 426 г. до н. э. в честь жителей Мефоны, союзного Афинам города, является единственным, и тем более ценным документом (IG, I², 57), свидетельствующим о том, что в это время, т. е. в начале Пелопоннесской войны, Черноморские проливы были афинянами заперты, и притом не только для вражеских, но также и для нейтральных и даже союзных с ними городов ⁴. Для контроля над проливами была образована особая коллегия геллеспонтфилаков, которым было вменено в обязанность строжайше следить за правильностью движения товаров, в первую очередь зерна, из Понта. Из текста декрета в честь мефонян нельзя заключить с абсолютной хронологической точностью, когда именно был учрежден институт геллеспонтфилаков, а следовательно, и заперты проливы. Он дает, однако, *terminus ante quem* — июль-август 426 г. до н. э. Труднее решить вопрос относительно *terminus post quem*. Ромштедт, основываясь на сообщении Фукидида (III, 2, 2) о том, что митиленяне, готовясь к отпадению от Афин в 428 г. до н. э., ждали прибытия кораблей из Понта с лучниками и необходимыми припасами, полагает, что этот год (428 г. до н. э.) и следует принимать за *terminus post quem*, ибо проливы в это время, согласно его мнению, были еще открыты ⁵. Автор полагает, что нет оснований считать лесбосцев (митиленян) обладателями каких-либо привилегий в отношении понтийской торговли. С этим положением едва ли можно согласиться без существенных оговорок.

Хорошо известно, что афинские союзники были неравноправны по отношению к Афинам. Они подвергались экономической эксплуатации со стороны афинян. Речь может идти лишь о степени этой эксплуатации, са-

³ A. G r u n d y. *Thucydides and the History of his Age*, I. London, 1948, стр. 325.

⁴ Ср. A. K i r c h h o f f. *Die Getreidesperre bei Byzantion in den ersten Jahren des Peloponnesischen Krieges*.— SBA, 1888, II, стр. 1131.

⁵ M. R o m s t e d t. *Die wirtschaftliche Organisation des athenischen Reiches*.— Diss., 1914, стр. 58; ср. U. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f. *Philologische Untersuchungen*, I, стр. 17, прим. 26.

мый же факт представляется несомненным⁶. Союзники находились также и в политической зависимости от Афин. Однако три государства — члены союза — Самос, Лесбос и Хиос — были в особом, привилегированном положении⁷. Но в таком исключительном положении, при котором названные государства пользовались значительно большей самостоятельностью, чем остальные союзники, каждое из них оставалось лишь до тех пор, пока оно не вступало в конфликт с афинянами. Так, Самос был лишен своего привилегированного положения после разгрома Самосского восстания в 439 г. до н. э., Лесбос — в 428 г. до н. э., и, наконец, Хиос — в 411 г. до н. э., после отложения от Афин. Нам представляется, что относительно большая политическая и военная самостоятельность этих трех союзных государств⁸ сопровождалась, возможно, также и их относительно большей экономической самостоятельностью, или определенными экономическими привилегиями. В частности, по-видимому (об этом косвенно свидетельствует Фукидид в указанном выше месте — III, 2,2), они имели привилегии в ионийской торговле, пользовались правом свободного или, быть может, связанного с меньшими, чем обычно, ограничениями, прохода через Черноморские проливы⁹.

Из сказанного выше следует, что 428 г. до н. э. нельзя с достаточной уверенностью считать *terminus post quem* для установления времени учреждения геллеспонтофилаков.

А priori надлежит полагать, что Черноморские проливы были заперты афинянами с самого начала Пелопоннесской войны и что тогда же была введена должность геллеспонтофилаков¹⁰. К такому выводу склоняет

⁶ См. С. Я. Лурье. Эксплуатация афинских союзников.— ВДИ, 1947, № 2, стр. 27; ср. De Ste Croix. The Character of the Athenian Empire.— «Historia», II, 2, 1953, стр. 1, сл.; D. W. Bradeen. The Popularity of the Athenian Empire.— «Historia», IX, 3, 1960, S. 257 (автор приходит к выводу об экономической выгоде союза с Афинами для членов симмахии).

⁷ Arist., Ath. Pol., 24. О привилегированном положении Хиоса и Лесбоса см. также Thuc., I, 19; III, 10, 5; VI, 85, 2; VII, 57, 4.

⁸ Известно, например, что Самос сохранил олигархический строй вплоть до 439 г. до н. э. (Thuc., I, 115).

⁹ В то время, когда митиленяне ожидали корабли из Понта, афиняне, как можно заключить из повествования Фукидида, не были еще осведомлены об их враждебных замыслах и относились к ним, как к своим союзникам, которые пользовались определенными привилегиями. Едва ли можно согласиться с рассуждениями Т. В. Блаватской (Очерки политической истории Босфора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, стр. 77, сл.), полагающей, что митиленяне ожидали военной помощи и хлеба в борьбе против Афин именно со стороны Боспора, который тем самым принял участие в антиафинской политике в Средиземноморье. Единственный источник, свидетельствующий об описываемых событиях, — Фукидид, — не дает для подобных выводов решительно никаких оснований. Попытка противопоставления скифских стрелков, известных в Афинах в V в. до н. э., синдам и месотам, к каковым автор, по-видимому, причисляет тех стрелков, которых ожидали митиленяне, бездоказательна и искусственна.

¹⁰ H. Merle. Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon.— Diss. Kiel, 1916, стр. 23, прим. 2. Автор полагает, что охрана Боспора Фракийского осуществлялась афинянами с 439 г. до н. э.

Черноморские проливы:

а — города, входившие в Гелеспонтский округ; б — города, входившие в другие округа

и понимание нами значения так называемой мегарской псефисмы (Th u s., I, 67, 4; ср. I, 139, 1). Изгнание мегарян со всех афинских рынков могло быть действительным, а таковым оно, по всей вероятности, и было, лишь в том случае, если афиняне, наряду с различными другими мерами, осуществляли строгий контроль и над Черноморскими проливами.

Возвращаясь к заключениям, вытекающим из декрета в честь жителей Мефоны, следует подчеркнуть что афинский контроль над вывозом из Понта приводил к такому положению, при котором их союзники фактически постоянно должны были испытывать страх перед голодом. И это, очевидно, было весьма действенным средством в руках афинян для давления на своих союзников¹¹. Тем из союзников, которые соблюдали верность своим обязательствам перед Афинами, вывоз зерна из Византия, центрального складочного пункта черноморских товаров, разрешался, хотя и в строго ограниченном количестве. Для тех же, которые пытались выйти из повиновения, понтский рынок был закрыт.

По всей вероятности, каждый из союзных городов получал право вывоза из Византия заранее определенного количества зерна посредством особого постановления афинского народного собрания¹². До нас дошел, правда, лишь единственный декрет, в котором определены соответствующие права жителей города Мефоны, расположенного на берегу Фермейского залива, на границе с Македонией. Вряд ли, однако, мэфоняне представляли какое-то исключение. Можно полагать, что практика была обычной и служила средством поощрения союзников, а вместе с тем и орудием давления на них.

Переходя непосредственно к рассмотрению текста декрета следует отметить первое, что бросается в глаза, — крайне небольшое количество зерна, которое разрешалось вывозить. Точная цифра на камне не сохранилась, но во всяком случае она не превышала 9000 медимнов в год¹³. Если сравнить эту цифру с теми сотнями тысяч медимнов зерна, которые афиняне, согласно сообщению Демосфена (XX, 32), ежегодно вывозили из одного только Боспора в IV в. до н. э., то, даже учитывая разницу во време-

¹¹ Кирхгоф (Die Getreidesperre..., стр. 1186, сл.) полагает, что говорить о том, что целью запрещения афинянами вывоза хлеба из Понта было стремление держать союзников в состоянии голода, можно было бы лишь в том случае, если бы выяснилось, что Мэфонский декрет был единственным в своем роде или одним из немногих. Нам представляется, что едва ли вообще справедливо видеть цель афинян в стремлении принести ущерб своим союзникам, в которых они были крайне заинтересованы. Важно другое — угрозой голода они могли держать их в повиновении.

¹² Могли ли афинские союзники, за исключением привилегированных, сноситься прямо с причерноморскими городами или же лишь через посредство Византия, сказать невозможно из-за полного отсутствия каких-либо данных.

¹³ По числу недостающих букв μεχρ[ι... α]χισχιλιών μεδιμνων... возможны восстановления: τετραχισχιλιών, πενταχισχιλιών, έπταχισχιλιών ενναχισχιλιών (4000, 5000, 7000 и 9000). Кирхгоф (Die Getreidesperre..., стр. 1181) определяет размер разрешенного вывоза от 4 до 7 тысяч медимнов в год.

ни ¹⁴ и, главное, в численности населения названных городов, отчетливо видно, сколь небольшие подачки афиняне давали своим союзникам.

Текст декрета дает и некоторое представление о функциях геллеспонтотфилаков: они обязаны были разрешать мефонянам беспрепятственно вывозить определенное для них постановлением афинского народного собрания количество зерна из Византии и вместе с тем следить, чтобы никто другой этому не препятствовал. В случае нарушения предписания геллеспонтотфилаки должны были быть подвергнуты огромному штрафу в 10 тысяч драхм каждый. В то же время они были обязаны строго следить за тем, чтобы не была превышена норма вывоза зерна и чтобы не было нанесено ущерба кораблю, на котором хлеб вывозился. Все это позволяет предполагать, что в руках геллеспонтотфилаков должна была находиться значительная военная сила. Местом пребывания их, по всей вероятности, был Византий ¹⁵.

Возникает вопрос, какое влияние оказали Пелопоннесская война и связанные с нею мероприятия афинян по ограничению понтийской торговли, их контроль на Черноморских проливах на экономику городов Северного Причерноморья? Ведь совершенно очевидно, что какая-то часть потребителей северопонтийских товаров, и прежде всего хлеба, была отныне лишена возможности вести торговлю с Черным морем, в том числе и с городами северного его побережья. А это должно было оказывать двойное воздействие как на экспорт, так и на импорт этих городов. Литературные источники не дают ответа на этот вопрос. Между тем, обширный археологический материал позволяет прийти к вполне определенным выводам.

В период Пелопоннесской войны, в последней трети V в. до н. э., афинский импорт в города Северного Причерноморья заметно увеличивается и достигает небывалых размеров. Можно без преувеличения утверждать, основываясь на данных современных археологических раскопок городов и поселений северного побережья Черного моря, что афинский импорт в это время был абсолютно доминирующим. Эти выводы основаны главным образом на находках афинской керамики, но с полной уверенностью можно полагать, что керамические изделия были далеко не единственной статьей афинского ввоза. Что касается керамики, то для рассматриваемого времени характерно значительное расширение ее ассортимента в Северном Причерноморье. Наряду с импортом высокохудожественных произведений первоклассных мастеров-вазописцев все более усиливается ввоз массовой бытовой керамики, покрытой черным лаком. Чрезвычайно разнообразны и формы сосудов — от больших амфор и кратеров до миниатюрных солонок.

¹⁴ А. К а ц е в а л о в. Хлебная торговля греческих колоний Северного Причерноморья.— Уч. зап. Одесского университета, 1928, стр. 39. Автор полагает, что в V в. до н. э. понтийский хлеб имел для Афин даже большее значение, чем в IV в. до н. э. Это предположение, однако, не может быть подкреплено какими-либо доказательствами.

¹⁵ А. K i r c h h o f f. Die Getreidesperre., стр. 1182.

В это время нельзя усмотреть различий в интенсивности торговых сношений между Афинами и северо-западным Причерноморьем, с одной стороны, и Таврикой и Боспором, — с другой. Афинский импорт в равной степени абсолютно доминирует как здесь, так и там. Но археологические данные свидетельствуют и о том, что афинское владычество на Черноморских проливах не привело к полному прекращению импорта в Северное Причерноморье из других средиземноморских центров. Так, с полной очевидностью можно утверждать, что в значительном объеме продолжался импорт из Хиоса, одного из привилегированных афинских союзников. Об этом говорят прежде всего многочисленные находки хиосских амфор¹⁶. В равной мере в это время поступал и фасосский импорт, о котором свидетельствуют, правда, не очень еще многочисленные тогда, ранние амфорные клейма Фасоса, относящиеся к последней четверти V в. до н. э. В Северное Причерноморье поступали товары и из некоторых других союзных Афинам городов, например, из Менды¹⁷. Трудно с полной достоверностью сказать, имели ли названные города в период Пелопоннесской войны непосредственные торговые сношения с Северным Причерноморьем, или же их товары поступали туда через посредство афинских купцов? Во всяком случае характерно, что в указанное время в северопонтийские города поступают товары только из Афин и союзных городов. Вероятно, обычно торговля велась афинскими купцами¹⁸, но в отдельных случаях, имея в виду привилегированное положение некоторых афинских союзников, к примеру, того же Хиоса, вполне можно допускать, что последний имел и непосредственную связь с Понтом.

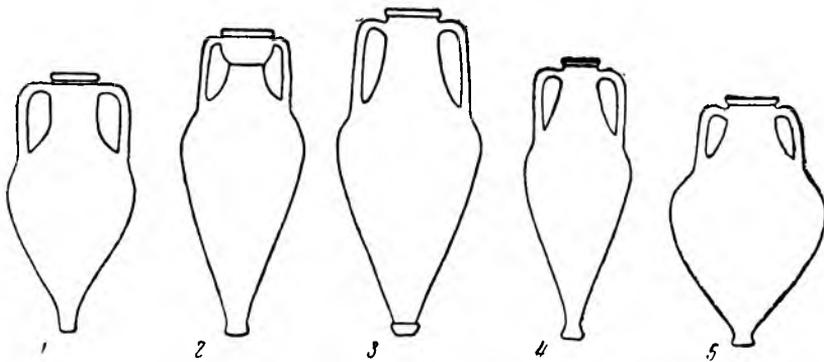
С началом Пелопоннесской войны, когда связь с западными рынками стала для Афин весьма затруднительной, резко возросла роль северопонтийских рынков. Афины были в состоянии поглотить всю зерновую продукцию Северного Причерноморья, но в то же время они не могли покрыть всю стоимость этого зерна ответным экспортом¹⁹. Частично дефицит, как

¹⁶ Для рассматриваемого времени характерна хиосская пухлогорлая амфора с довольно широким перехватом между приухлостью и плечами. Обломки амфор этого типа неизменно встречаются в материале культурных слоев соответствующего времени северочерноморских городов. В конце V в. до н. э. появляется и новый тип хиосских амфор — с вытянутым горлом, также представленный в находках из Северного Причерноморья. На них иногда встречаются анэпиграфные клейма с изображением монетного типа Хиоса — сфинкса, перед которым стоит амфора. О хиосских амфорах в Северном Причерноморье см. И. Б. Зеев с т. Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, стр. 16, 74, сл.

¹⁷ И. Б. Брашник и др. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э. — ИЭ, III, 1962, стр. 45, сл.

¹⁸ Б. П. Граков отметил, что усиление ввоза фасосского вина в Причерноморье было связано с развитием афино-понтийской торговли (Б. П. Граков. Клейменная тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись, 1939. Архив ИА АН СССР, № 538). Ср. И. Б. Зеев с т. Керамическая тара Боспора, стр. 18.

¹⁹ J. B e l o c h. Zur Finanzgeschichte Athens. — RM, XXXIX, 1884, стр. 40.

Керамическая тара — амфоры V в. до н. э.

1 — аттическая (1); 2, 3 — хиосские; 4 — фасосская; 5 — мендская

полагают, покрывался слитками благородных металлов, прежде всего серебра²⁰. С другой стороны, как нам представляется, в уплату за северопонтийский хлеб использовались товары, полученные афинянами от своих союзников.

Надо полагать, что закрытие афинянами Черноморских проливов, повлекшее за собой сужение круга полисов, торговавших с черноморскими городами, не оказало ощутимого отрицательного влияния на экономику городов северного побережья Понта. Скорее наоборот, возросшие потребности Афин и их союзников, пользовавшихся подобно меконьянам определенными правами, давали возможность для расширения торговых операций. И действительно, археологические данные показывают, что как для Ольвии, так и для городов Боспора, вторая половина V в. до н. э. была временем дальнейшего значительного развития их экономики и культуры. Территория городов в это время расширяется, они благоустраиваются, растет их богатство²¹.

Как было отмечено выше, возможно, что города Северного Причерноморья торговали в это время непосредственно только с Афинами и такими значительными и потому привилегированными членами союза, как, например, Хиос и Лесбос. Другие же союзники Афин могли получать северочерноморский хлеб только из Византия — центрального складочного пункта афинян для черноморских товаров. По-видимому, именно на это указывают слова из декрета в честь жителей Меконии: Μ[εθωνκίους]

²⁰ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене. — ИС, I, 1911.

²¹ См. Е. И. Левич. Ольвийская агора. — МИА, № 50, 1956, стр. 43 и 112; В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. — АГСП, стр. 48 и 108, сл.

εἰ[να: ἐχ]σα[ρω]γγῆν ἐγ Βυζαντίου (стк. 35, сл.). В этой связи встает вопрос, который, хотя он и не имеет принципиального значения, представляет значительный интерес: был ли Византий только складочным пунктом или он был и посредником в торговле между Афинами и Северным Причерноморьем? Думается, что последнее более вероятно. Право самостоятельной торговли Византия с областями северного побережья Черного моря не могло ущемлять интересов Афин²². Коль скоро в Византии была афинская таможня и проход через проливы контролировался афинянами, они могли быть уверены, что без их ведома ни один корабль не выйдет из Понта. Они могли следить и за тем, чтобы хлеб, привозимый византийскими купцами, использовался по назначению. В то же время афиняне, несомненно, вели и непосредственную торговлю с Северным Причерноморьем.

Каким был характер взаимоотношений Афин с различными государствами Северного Причерноморья в годы Пелопоннесской войны? На предыдущих страницах были рассмотрены как материал письменных источников, так и археологические данные, относящиеся ко времени непосредственно предшествовавшему рассматриваемым событиям, а также и к периоду Пелопоннесской войны. Письменные источники, с нашей точки зрения, не дают оснований для заключения о враждебных отношениях между обеими сторонами. Нет, как нам представляется, и достаточно веских данных для безоговорочного вывода о политическом подчинении северопонтийских городов, или хотя бы некоторых из них, Афинам.

Что касается экономической стороны вопроса, то объем товарооборота между Афинами и всеми частями Северного Причерноморья, который должен рассматриваться как показатель нормальных отношений между государствами, неуклонно увеличивался в течение второй половины V в. до н. э. и стал значительно большим, чем в предыдущее время. Яркой иллюстрацией является обширный материал аттической продукции, постоянно добываемый в результате археологических исследований городов и поселений северного побережья Черного моря.

Итак, в первый период Пелопоннесской войны власть афинян на Черноморских проливах не оспаривалась их противниками и была непоколебимой.

Детальное исследование военных действий, стратегии и тактики борющихся сторон в Пелопоннесской войне выходит за пределы задач настоящей работы. Однако рассмотрение некоторых вопросов стратегии необходимо, поскольку они имеют непосредственное отношение к интересующим нас проблемам.

Выше уже отмечался тот факт, что несмотря на опустошительные набеги пелопоннессцев на Аттику в первые годы войны, приведшие к разорению аттического крестьянства, несмотря на ожесточенную борьбу на фракий-

²² Ср. В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1954, стр. 35.

ско-македонском побережье, военный и экономический потенциал Афин не только не был уничтожен, но даже не был и сколько-нибудь существенно подорван. До тех пор, пока афиняне могли получать необходимые сырьевые ресурсы из Понта, они были непобедимы. Совершенно очевидно, что рано или поздно противники афинян неизбежно должны были перенести центр тяжести военных действий в район Черноморских проливов, чтобы там дать решительный бой Афинской державе и попытаться, перерезав важнейшую питательную артерию, поставить ее перед неизбежностью капитуляции.

Может показаться странным, почему спартанцы и их союзники не предприняли таких действий сразу, почему в течение почти 20 лет войны они беспрепятственно допускали в Афины ресурсы из Понта. Думается, что это не является случайностью. До сицилийской катастрофы, которая нанесла сильнейший удар по могуществу Афин, противники афинян едва ли могли рассчитывать на успех в деле ликвидации афинского контроля на понтийском торговом пути. Во-первых, афинский флот был значительно сильнее их собственного и безраздельно господствовал на море и, во-вторых, несмотря на отдельные попытки некоторых из афинских союзников выйти из-под контроля Афин, единство Афинской державы не было нарушено, и вряд ли существовали веские основания для того, чтобы рассчитывать на ее развал в ближайшее время. Это было обусловлено прежде всего мощью Афин, которые были в состоянии подавить, как это показывал опыт, малейшие попытки неповиновения союзников, а также и тем, что союзники, несмотря на всю тяжесть зависимости от Афин, получали от союза с ними совершенно определенные выгоды, пользовались известными благами которые были им жизненно необходимы ²³.

После сицилийской катастрофы быстро начинают развиваться центробежные устремления афинских союзников. Теперь ничто не могло их удерживать в повиновении, так как военная мощь Афин была уже для этого недостаточной. Афиняне потеряли свое превосходство на море, которое перешло к их противникам. Теперь спартанцам достаточно было послать даже сравнительно небольшие силы, чтобы привести союзные города к отпадению от афинян ²⁴. И Афинская державка начинает стремительно разваливаться и двигаться навстречу своей гибели.

В 412 г. до н. э. противники Афин принимают стратегический план: через Хиос и Лесбос двинуться к Геллеспону и таким образом лишить Афины связи с Черным морем (Thuc., VIII, 8). Момент был выбран правильно и план увенчался полным успехом. Афины, не успевшие еще в достаточной мере оправиться от постигшего их в Сицилии тяжелого удара, не были в состоянии оказать своим врагам должного противодействия. Хиос

²³ См. С. Я. Лурье. Эксплуатация афинских союзников, стр. 15; ср. De Ste Croix. The Character of the Athenian Empire.

²⁴ См., например, Thuc., VIII, 44 (отпадение родосских городов); VIII, 80 (отпадение Византия) и др.

и Эрифры отложились от Афин, затем восстали Клазомены (Т h u с., VIII, 14, 2—3). Особую опасность для афинян представляло отпадение Хиоса, который был сильнейшим из союзников, оказывавшим Афинам реальную военную помощь в войне. Отдельные военные успехи афинян уже не могли остановить стремительного распада их державы. При создавшемся положении единственным выходом для Афин оставалось попытаться любой ценой удержать контроль над Черноморскими проливами. Потерпев неудачу в попытке овладеть отпавшим Абидосом (Т h u с., VIII, 62), они предпринимали шаги к сохранению контроля над Геллеспонтом путем укрепления своих позиций в Сесте.

В 411 г. до н. э. начинается последняя фаза Пелопоннесской войны. Теперь главный удар спартанцев и их союзников был направлен непосредственно на овладение Черноморскими проливами²⁵. И если несмотря на сложное и двусмысленное положение афинян в это время (олигархическая власть в самом городе и демократическая власть «самосских» афинян, которым подчинялся геллеспонтский флот²⁶), спартанцам не удалось одним ударом поставить их на колени, то это, очевидно, следует объяснить в первую очередь сложностью международной конъюнктуры в рассматриваемое время. Дело в том, что персы, постоянно оказывающие помощь противникам Афин, потребовали теперь у спартанцев передачи им власти над Черноморскими проливами; они потребовали передачи им Византии (Т h u с., VIII, 80). Этого, правда, не произошло, но есть основания полагать, что соглашение спартанцев с персами в вопросе о власти на проливах было достигнуто в результате раздела «сфер влияния», согласно которому спартанцы контролировали европейский, а персы — азиатский берег Черноморских проливов²⁷.

После сицилийского разгрома, как было отмечено выше, остановить распад Афинской державы было уже невозможно. Достаточно было малейшего внешнего толчка, чтобы союзники один за другим стали порывать с Афинами и переходить на сторону их противников. Так, когда в 411 г. до н. э. небольшой отряд пелопоннесских кораблей вошел в проливы, Византий без побуждения силой перешел на сторону спартанцев (Т h u с., VIII, 80). В то же время от Афин, по всей вероятности, отложились и другие союзные города, расположенные по берегам Геллеспонта и Боспора Фракийского. К такому выводу приводит сообщение Фукидида (VIII, 107) о покорении афинянами Кизика в том же году. Создавшееся положение, поставившее Афины перед лицом поражения, потребовало от них принятия

²⁵ Ср. Х е п., *Hell.*, I, 4, 35: «Агис, видя из Декелии, что в Пирей прибывает много кораблей с хлебом, объявил, что нет никакой пользы в том, что его войско столько времени подряд не дает афинянам собирать урожай, если только не удастся завладеть и тем пунктом, через который к ним приходит хлеб по морю, лучше всего было бы, по его мнению, послать в Калхедон и Византий...».

²⁶ См. А. А. А n d r e w e s. *The Generals in the Hellespont*, 410—407 В. С.— *JHS*, 73, 1953, стр. 6.

²⁷ См. В. П. Н е в с к а я. *Византий...*, стр. 89.

самых срочных мер. И нужно сказать, что афиняне с поразительной быстротой бросили все силы на спасение проливов. Спартанцы были разбиты Алкивиадом и вытеснены из проливов. И хотя Византий и не был покорен афинянами, им удалось на время вернуть контроль над понтийским торговым путем. В южной части проливов афиняне прочно владели Сестом, на севере же Алкивиад укрепил Хрисополь и учредил в нем таможен (X e n., Hell., I, 1, 22)²⁸, которая прочно заперла проливы Понта Евксинского. Со всех кораблей, плывших в Понт и из Понта, взималась 10% пошлина (X e n., Hell., I, 1, 22; P o l., IV, 46, 6; D i o d., XIII, 64,2)²⁹. В результате этих мероприятий значение Византия как пункта, контролировавшего понтийскую торговлю, было подорвано, что, безусловно, не могло не сказаться весьма отрицательно на его благосостоянии³⁰. Вскоре после описанных событий Алкивиаду удалось покорить Калхедон и Селимбрию (X e n., Hell., I, 3); затем наступила очередь и Византия. В 408 г. до н. э. он был возвращен в состав Афинского союза (X e n., Hell., I, 3, 16—22), не претерпев, как и остальные геллеспонтские города, никакого наказания за свой мятеж (P l u t., Alc., 31; C. N e r., Alc., 5, 6)³¹. И это весьма симптоматично. Афины теперь уже не располагали средствами, чтобы держать союзников в повиновении путем насилия, теперь они были вынуждены при помощи любых уступок и послаблений постараться сохранить последний источник снабжения — путь в Черное море.

Успехи Алкивиада в проливах не могли, однако, остановить надвигающейся общей катастрофы. Никакие временные удачи уже не были в силах предотвратить неизбежный конец. Противники афинян, наконец, отчетливо поняли, что решающим фактором для победы над Афинами является лишение их продовольственного снабжения из Понта. Несмотря на то, что проливы снова контролировались афинянами, спартанцы, имея своей базой Андрос, теперь систематически препятствовали регулярному снабжению Афин хлебом. Афиняне были вынуждены срочно отправить экспедицию на Андрос под командованием Алкивиада, который одержал там победу (X e n., Hell., I, 4, 21—22)³². А спартанцы тем временем готовили новый удар по проливам.

Конечная фаза Пелопоннесской войны связана с именем выдающегося спартанского полководца Лисандра, который с самого начала своей деятельности понял, что сокрушить окончательно мощь афинян можно лишь

²⁸ Хрисополь был расположен на восточном берегу Боспора Фракийского, несколько севернее Византия. Город имел чрезвычайно выгодное географическое положение — ни один корабль не мог его миновать.

²⁹ M. R o m s t e d t. Die wirtschaftliche Organisation..., стр. 30, сл.

³⁰ Ср. В. П. Н е в с к а я. Византий..., стр. 90.

³¹ По мнению Кирхгофа (Die Getreidesperre..., стр. 1179), к которому присоединяется и Мерле (Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon, стр. 31), после взятия Византия таможня из Хрисополя была снова перенесена в этот город.

³² См. G. F r i e d r i c h. Zur griechischen Geschichte 411—404 v. Chr.— Neue Jahrb. f. Class. Phil. u. Pädag., 183, 1896, стр. 727.

путем лишения их регулярного снабжения из Понта. В 405/4 г. до н. э. Лисандр отплыл из Родоса с сильным флотом к Геллеспонту для «надзора за подплывающими грузовыми судами» и борьбы с отложившимися от спартанцев городами (X e n., Hell., II, 1, 17). Всех афинян, попавших в его руки в покоренных городах или на захваченных судах, он отправлял в Афины для создания там дополнительных продовольственных трудностей (X e n., Hell., II, 2, 2; P l u t., Lys., 13). В том же году произошла решающая битва при Эгос-Потамах на Фракийском Херсонесе, которая окончательно решила судьбу Афин³³. Теперь пелопоннесский флот безраздельно господствовал на море; Афины, лишённые подвоза хлеба (X e n., Hell., II, 2, 9), вынуждены были прекратить борьбу. Безвыходность положения Афин усугублялась еще и тем, что их поражение произошло ранней осенью, когда старые запасы хлеба, полученные из Понта в предыдущем году, вероятно, были на исходе, а хлеб нового урожая не успел еще прибыть³⁴.

В связи с изложенным нельзя не признать в значительной степени справедливости точки зрения Мильтнера, который подчеркивает, что «Афины не были разгромлены в Делии, не были они разгромлены и в Сицилии, не были они покорены и в результате потери своих владений во Фракии и Македонии, их сила сопротивления не могла быть подорвана отпадением союзников, Афины пали лишь тогда, когда они потеряли проливы»³⁵. При этом нельзя, однако, не отметить некоторой односторонности в понимании Мильтнером рассматриваемой проблемы. Не будь сицилийской катастрофы, не потеряй афиняне контроля над фракийским и македонским побережьями, сохранили бы они в целостности свою державу, — не были бы потеряны и Черноморские проливы. Все отмеченные Мильтнером события были звеньями одной цепи, теснейшим образом связанными друг с другом, и рассматривать их изолированно друг от друга было бы неверно. Однако можно, с нашей точки зрения, полностью согласиться с тем, что о к о н ч а т е л ь н а я и п о л н а я победа над Афинами стала возможной только после лишения их важнейшего источника снабжения — понтийских рынков, после потери афинянами ключа к этим рынкам — Черноморских проливов.

Черноморские проливы, игравшие столь важную роль в борьбе Афин за гегемонию, проливы, за власть над которыми афиняне с величайшим упорством боролись в течение полутора веков, были ими потеряны. Афины были снова отброшены к исходным позициям. Период их безраздельного господства в понтийской торговле закончился навсегда.

³³ См. X e n., Hell., I, 22—32; ср. D i o d., XIII, 105; P l u t., Lys., 10—22.

³⁴ См. A. G r u n d y. Thucydides and the History of his Age, стр. 103.

³⁵ F. M i l t n e r. Die Meerengenfrage in der griechischen Geschichte.— «Klio», 28, 1935, стр. 11.

БОРЬБА АФИН ЗА ТОРГОВЫЙ ПУТЬ В ЧЕРНОЕ МОРЕ В IV В. ДО Н. Э.

Поражение афинян в Пелопоннесской войне чрезвычайно тяжело сказалось на политическом и экономическом положении Афин, целиком зависевших от привозного хлеба. Исторический опыт показывал, что наиболее устойчивым рынком для афинян был понтийский рынок. Поэтому они направляют теперь главные усилия на всемерное развитие торговли именно с этим районом.

Для обеспечения непрерывной торговли Афин с причерноморскими районами и в первую очередь с Северным Причерноморьем решающее значение имел вопрос о восстановлении, а затем и сохранении афинянами контроля над Черноморскими проливами.

Потребность Афин в северопричерноморском хлебе в IV в. до н.э. неизмеримо выросла по сравнению с предыдущим временем. Боспорское государство становится основным поставщиком хлеба в Афины, импорт боспорского зерна — абсолютно доминирующим. По словам Демосфена (XX, 31), из Боспорского государства от Левкона I (389/8—349/8) в Афины поступала половина всего импортируемого хлеба. Северное Причерноморье в целом, надо полагать, поставляло афинянам значительно больше половины всего ввозимого хлеба, так как имеются все основания утверждать, что и из Ольвии в Афины поступало много зерна, хотя это и не нашло отражения в литературной традиции.

Поэтому значение Черноморских проливов для Афин в IV в. до н. э. еще более возросло, и афиняне были кровно заинтересованы в восстановлении над ними своего господства, потерянного во время Пелопоннесской войны. Помимо этого, контроль над Черноморскими проливами давал большие возможности для укрепления финансового положения Афин, так как исторический опыт V века показывал, что за прохождение судов там можно

было собирать весьма значительные таможенные сборы¹. Восстановление господствующего положения на понтийском торговом пути служило также укреплению политического могущества Афин.

Таким образом, проблема Черноморских проливов продолжала оставаться коренной проблемой внешней политики Афин и в IV в. до н. э.

Демосфен, оправдывая свою политическую деятельность, которая, как известно, включала и укрепление дружественных связей с правителями Боспорского государства, в речи «О венке» (XVIII, 301) говорит: «Что следовало делать преданному гражданину, что следовало делать политическому деятелю, который предусмотрительно, ревностно и честно управлял государством в пользу отечества?... Разве не следовало ему позаботиться о торговом пути (σιτοκομία), чтобы хлеб безопасно мог доходить вплоть до самого Пирея?». На разрешение этой кардинальной проблемы и были направлены усилия государственных деятелей Афин в IV в. до н. э.

Однако в это время Афины не могли уже осуществлять свой контроль над понтийским торговым путем старыми методами. Время безраздельного господства Афин в восточном Средиземноморье, время первого Афинского морского союза безвозвратно ушло. Афины не были более в состоянии диктовать свои условия, подобно тому, как это имело место, например, во время существования института геллеспонтофилаков в период Пелопоннесской войны. Теперь их политика должна была стать значительно более гибкой, и, как будет видно из дальнейшего изложения, методы, которыми афиняне пытались обеспечить необходимую для них свободу Черноморских проливов под своим контролем, существенно отличались от методов, применявшихся ими в предыдущем столетии.

Борьба Афин за Черноморские проливы в IV в. до н. э. может быть разделена на три периода: 1 — борьба против Спарты (Коринфская война до Анталкидова мира — 395—387 гг. до н. э.); 2 — борьба с союзниками (Фивы и Союзническая война — 364—355 гг. до н. э.) и 3 — борьба против Македонии (с середины века до Коринфского конгресса — 351—338/7 гг. до н. э.).

Гегемония Спарты, установившаяся в результате победы в Пелопоннесской войне, чрезвычайно сильно ущемляла свободу греческих государств. В связи с интересующим нас вопросом нет необходимости исследовать политику Спарты в рассматриваемое время, а также методов осуществления спартанцами своей гегемонии. Достаточно будет вспомнить хорошо известный факт, что эта политика вызывала всеобщее недовольство и уже поэтому была обречена на провал. В 395 г. до н. э. вспыхнула так называемая Коринфская война против Спарты, в которой вскоре после ее начала приняли участие и Афины, причем для последних основной задачей было

¹ См. J. Beloch. Zur Finanzgeschichte Athens.— RM, XXXIX, 1884, стр. 40. Автор оценивает сумму таможенных сборов в пользу Афин за прохождение судов через проливы в V в. до н. э. в 120 талантов в год.

освобождение от владычества Спарты Черноморских проливов. Решающее значение для восстановления морской мощи Афин имела блестящая морская победа персидского флота под командованием афинского стратега Конона над спартанским флотом при Книде летом 394 г. до н. э. Плодами этой победы воспользовались прежде всего афиняне. Конон, находясь на персидской службе, сделал очень многое для восстановления могущества своего родного города. С его помощью, как известно, в 393 г. до н. э. были восстановлены Длинные стены, после чего афиняне вновь смогли приступить к постройке флота и к широкой морской политике.

Уже в 389 г. до н. э. афинский флот под начальством Фрасибула освободил от спартанского господства Черноморские проливы и тем самым вновь наладил беспрепятственную связь Афин с Северным Причерноморьем (X e n., Hell., IV, 8, 25).

Фрасибул снова ввел 10% пошлину за проход торговых судов через проливы (X e n., Hell., IV, 8, 27), но в отличие от аналогичного мероприятия в конце V в. до н. э. сбор ее был сдан на откуп византийцам. Таможня находилась теперь в Византии, а не в Хрисополе, как это было ранее². Очевидно, афиняне понимали, что своими силами они уже не в состоянии охранять торговый путь в Понт и поэтому пытались экономически заинтересовать геллеспонтские города в сотрудничестве³. Теперь афиняне стремились уже не к ограничению понтийской торговли путем строжайшего контроля на проливах, а добивались установления свободы торговли через проливы. В целях обеспечения бесперебойного снабжения Афин понтийскими товарами и в первую очередь боспорским хлебом был создан специальный крейсерский флот для конвоирования хлебных транспортов от Черного моря через проливы. Этот флот был разделен на три эскадры⁴. Главные силы — отряд численностью более 32 судов — находились в Геллеспонте. Им принадлежала основная роль в обеспечении беспрепятственного движения по понтийскому торговому пути. Главной задачей этого отряда была блокада спартанской эскадры из 25 судов, находившихся в Абидосе⁵. Второй отряд, значительно более слабый, под начальством

² Впрочем, как указывалось в предыдущей главе, существует мнение, что в Хрисополе таможня афинян была расположена лишь в то время, когда Византий отложился от них, а затем она снова находилась в этом городе.

³ См. В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1954, стр. 101.

⁴ См. A. Graefe. Die Operationen des Antalkidas im Hellespont.— «Klio», XXVIII, 1935, стр. 264, сл.; ср. J u d e i c h. Kleinasiatische Studien. Marburg, 1892, стр. 103.

⁵ Возникает вопрос, где находился опорный пункт этого отряда? Наиболее естественно было бы предположить, что им был Сест. Однако, как убедительно доказывает Графе (Die Operationen des Antalkidas..., стр. 264), это предположение не может быть принято, так как Сест в 394 г. до н. э. был захвачен спартанцами (Деркилидом) и все попытки Фарнабаза и Конона вновь отвоевать его не имели успеха (X e n., Hell., IV, 8, 3—5). В качестве возможной стоянки афинского флота Графе указывает бухту Ак Баши Лиман (в 2 км северо-восточнее современного Богали Калеси).

Ификрата, защищал Византий и Калхедон, т. е. вход в проливы с севера, со стороны Понта, и, наконец, третий отряд, состоявший из 8 кораблей под командованием Фрасибула, защищал вход в Геллеспонт со стороны Эгейского моря и крейсировал вблизи стратегически важного Тенедоса — южного ключа к проливам⁶. Оттуда афинские хлебные транспорты двигались дальше к Пирею также, по-видимому, под защитой военных кораблей. У Полиена (V, 22, 1) сохранилось известие о столкновении афинского каравана, следовавшего под охраной 10 военных судов, с 20 спартанскими кораблями. Приблизительно в это же время для конвоирования хлебных транспортов был послан афинский военачальник Диотим (L u s., XIX, 50). Капитаны кораблей и купцы, крайне заинтересованные в охране грузов от вражеских поползновений, помимо внесения в афинскую казну особой платы за конвоирование судов, платили еще определенную сумму — «благодарность» — лично стратегу, что превращало ее в своего рода взятку, дававшую повод к злоупотреблениям.

Таким образом, охраняемые афинским военным флотом афинские торговые суда могли относительно спокойно совершать плавание из Понта в Пирей. Вскоре, однако, положение изменилось.

Несмотря на успехи Афин, достигнутые благодаря успешным действиям Фрасибула, их положение на Черноморских проливах нельзя было считать достаточно прочным. Причиной в значительной степени было то обстоятельство, что Фрасибул пытался восстановить афинское господство в старой форме, крайне непопулярной у бывших членов первого Афинского морского союза — городов не, расположенных по берегам Геллеспонта⁷.

Спартанцы, будучи не в силах самостоятельно противодействовать афинянам, прибегли к помощи Персии и направили свой удар по наиболее уязвимому месту Афинского государства — Черноморским проливам. Спартанскому полководцу Анталкиду удалось, обманув афинский сторожевой флот, тайно выйти из Абидоса и путем ряда удачных операций в Геллеспонте снова поставить Афины в чрезвычайно трудное продовольственное положение. Из речи Лисия против хлеботорговцев (XXII, 8) можно заключить, что в результате операций Анталкида в Афинах произошло, по-видимому, значительное вздорожание хлеба.

Теперь спартанцы отчетливо понимали значение Черноморских проливов в борьбе с Афинами и пытались принимать различные меры для удержания их под своим контролем. С одной стороны, это военная оккупация ключевых пунктов на проливах, — мера, которая не могла считаться

⁶ См. A. G r a e f e. Die Operationen des Antalkidas..., стр. 264.

⁷ См. U. K o e h l e r. Der Zwanzigstel des Thrasibul. — Mitteilungen des deutsch. Arch. Inst., VII, 1882, стр. 319; ср. X p и с т о М. Д а ц о в. Борбите на старите гърци за Черно море и Протоците. — Годишник на Софийския Университет. Ист.-фил. фак., т. XXXIX, 1942—1943, стр. 11, сл. Автор полагает, что провоз хлеба через проливы афиняне разрешали тем из союзников, верность которых была вне всякого сомнения. На тех же союзников, в верности которых афиняне имели основания сомневаться, они могли оказывать эффективное давление путем угрозы лишения подвоза хлеба.

достаточно надежной, так как спартанские гармоны своей антидемократической политикой вызывали враждебные настроения в городах, имевших прочные и длительные демократические традиции. С другой стороны, и это, как нам представляется, было гораздо более действенным, лакедемоняне, по-видимому, поселили на фракийском Херсонесе клерухов. Ксенофонт сообщает (Hell., IV, 8, 5), что Деркилид, готовясь к обороне Сеста, собрал в него всех, кто получил земли на Херсонесе от лакедемонян. Правда, возможно, речь здесь идет не о клерухах, а о жителях различных геллеспонтских городов, прежде всего городов Херсонеса Фракийского, которых спартанцы, чтобы привлечь на свою сторону или за заслуги, наделили земельными участками. Но это существа дела не меняет, так как при любом решении вопроса очевидно, что действия Деркилида были связаны с попыткой создания социальной опоры господства лакедемонян.

Вероятно, еще до появления Анталкида в Геллеспонте некоторое беспокойство афинской понтийской торговле доставляли действия другого спартанского полководца — Анаксибия. Для афинян эти действия были, по-видимому, настолько неожиданными, что они оказались совершенно неподготовленными к противодействию им. Такое заключение вытекает из сообщения Ксенофонта (Hell., IV, 8, 33), согласно которому Анаксибий, располагая всего шестью триерами, смог нарушить хлебное снабжение Афин, захватывая все попадавшиеся ему грузовые суда афинян и их союзников. Лишь после этих событий афиняне послали в Черноморские проливы крейсерский флот, о котором говорилось выше⁸.

В 387/6 г. до н. э. Анталкиду удалось, разбив флот Фрасибула, захватить господство на проливах⁹, что не замедлило сказаться на экономическом положении Афин. Анталкид, согласно сообщению Ксенофонта (Hell., V, 1, 28), не пропускал корабли, плывшие из Понта в Афины, а захватывал их и загонял в гавани союзных городов. С этими сведениями перекликается приведенное выше сообщение Лисия о вздорожании хлеба в Афинах.

Удачные операции Анталкида в Геллеспонте по существу и решили исход борьбы между афинянами и спартанцами. Афины, лишенные понтийского хлеба и поставленные таким образом перед угрозой голода, были вынуждены согласиться на любые условия. Мирные переговоры, как известно, увенчались заключением Анталкидова, или Царского, мира. В результате проливы были снова свободны для прохода судов, но при этом афинскому контролю над ними снова был положен предел, снова афиняне были отброшены к исходным позициям.

⁸ Следует подчеркнуть, что одного лишь контроля над Черноморскими проливами было недостаточно для обеспечения беспрепятственного снабжения Афин понтийским хлебом. Торговый путь должен был охраняться на всем протяжении. Так, например, известно, что спартанцы захватывали афинские транспорты с хлебом, следовавшие в Пирей, у мыса Суния, т. е. у берегов самой Аттики (Xen., Hell., V, 1. 23).

⁹ См. A. G r a e f e. Die Operationen des Antalkidas..., стр. 266, сл.

Так закончился первый период борьбы за Черноморские проливы в IV в. до н. э.

Теперь Афины пытаются возродить свое бывшее могущество иными путями. Серия союзов с Хиосом, Византием, Митиленой и рядом других городов завершилась созданием второго Афинского морского союза (378/7 г. до н. э.). Этот союз на первых порах принципиально отличался от первого Афинского союза. Члены его не были обложены φόροςом, а платили в союзную казну добровольные и равноправные взносы — синтаксис; афиняне не имели права вмешиваться во внутренние дела членов союза, которые пользовались полной автономией. И до тех пор, пока эти принципы соблюдались, афиняне могли быть спокойны за свой важнейший торговый путь — понтийский, — в районе которого были в основном расположены союзные города. Однако стремление афинян вновь утвердить свою власть в объеме и форме первого морского союза, иными словами, стремление превратить союзников в подданных, вскоре принесло свои весьма неприятные для Афин плоды.

Для выяснения рассматриваемых вопросов нет необходимости останавливаться подробно на событиях, связанных с возвышением Фив, и последовавшей за этим борьбе против их стремления к гегемонии в Греции. Здесь достаточно коснуться лишь одного момента. Когда в борьбу против Фив включились и Афины, вождь фиванской демократии Эпаминонд принял единственно правильный план борьбы против Афин: он решил нанести удар по самому уязвимому месту афинян — Черноморским проливам. Осуществление этого плана было связано для Эпаминонда с серьезными трудностями, так как Фивы не располагали необходимым флотом. Но трудность эту удалось преодолеть; в короткий срок флот был построен и в 364 г. до н. э. Эпаминонд направился в Геллеспонт (D i o d., XV, 70)¹⁰.

К этому времени тенденции афинян к восстановлению своей власти во втором морском союзе в объеме и форме первого союза успели принести свои отрицательные результаты. Союзники не были склонны вновь превращаться в подданных, подвергавшихся нещадной эксплуатации афинян. К тому же теперь, и это также имело немаловажное значение, против Афин боролась не аристократическая Спарта, не пользовавшаяся симпатиями в демократических полисах, а демократические Фивы, в которых афинские союзники видели естественного защитника против чрезмерных претензий Афин. Поэтому, когда Эпаминонд в 364 г. до н. э. появился в Черноморских проливах, ряд прежних союзников, в числе которых был и Византий, отпал от Афин и присоединился к фиванцам. Результаты не замедлили сказаться.

Отпавшие от Афин союзники — Византий, Калхедон и Кизик — стали препятствовать регулярному снабжению афинян хлебом из Причерно-

¹⁰ Исследование F. Carrata Thomes (*Egemonia Beotica e potenza maritima nella politica di Epaminonda.* — Univ. di Torino. Publ. della Fac. di Lettere e Filosofia, IV, 4. Torino, 1952), к сожалению, осталось нам недоступным.

морья. Демосфен сообщает (L, 6 и 17), что указанные города принуждали пливших из Понта навклеров и эмпоров заходить в их гавани и выгружать там транспортировавшиеся в Афины хлебные грузы. Это делалось, по словам Демосфена, ввиду нужды самих названных городов в зерне. Сказанное дает основание для предположения, что в период, последовавший за образованием второго Афинского морского союза, афинянам вновь удалось на какое-то время утвердить свой контроль над черноморской торговлей и ввести какие-то, не известные нам ближе, ограничения этой торговли. Это и явилось, по-видимому, причиной серьезного недовольства союзников, которые почувствовали опасность повторения политики принуждения голодом, применявшейся Афинами в V в. до н. э., в период их безраздельного господства на проливах. Теперь, однако, условия были иными. Афиняне не учли изменений, происшедших в расстановке сил, и поэтому их попытка возродить старые порядки была попыткой с негодными средствами, что очень скоро и обнаружилось.

В 362/1 г. до н. э. в результате враждебных действий византийцев, калхедонян и кизикутцев в Афинах не только произошло вздорожание хлеба, но стал ощущаться и недостаток в нем. Демосфен в речи против Поликла (L, 6) указывает, что «в Пирее хлеб вздорожал... и его нельзя было купить в достаточном количестве». Это вынуждало афинян принять соответствующие меры для обеспечения безопасности хлебных перевозок, следовавших из Понта в Пирей. Народное собрание афинян постановило направить конвойный флот в Гиерон — сборный пункт кораблей, следовавших из Черного моря, — для дальнейшего их конвоирования в Пирей (D e m., L, 6, 17, 19, 58, сл.). От Демосфена же мы узнаем и «технику» транспортировки хлебных грузов из Понта. Каким образом обеспечивалась безопасность плавания по Черному морю, — неизвестно. Скорее всего и там корабли плыли не в одиночку, а группами, чтобы избежать опасности разграбления пиратами. Затем все корабли осенью, вероятно, в сентябре — начале октября, до наступления периода осенних бурь, собирались в Гиероне, дожидаясь там, пока соберутся все, и уже под конвоем афинского военного флота следовали через проливы и далее вплоть до Пирея¹¹.

В IV в. до н. э. важнейшим опорным пунктом афинян на Черноморских проливах становится Гиерон. Исторический опыт показывал, что ни Византий, ни какой-либо другой город на проливах не мог считаться достаточно надежным для выполнения этой роли. Чрезвычайно выгодное географическое положение делало Гиерон незаменимым в стратегическом отношении. Расположенный в месте сужения Боспора Фракийского со стороны Понта, на азиатской стороне пролива, Гиерон запирает Боспор, так что ни один корабль не мог его миновать, а ширина пролива в этом месте

¹¹ Cp. E. C a v a i g n a c. Aspects de l'imperialisme athénien.— *Révue de Philologie*, 3 série, I, 1927, стр. 342.

равнялась всего 7 стадиям (P s. S c y l., 67). Гиерон стоял в самом начале Боспора с севера. Северное воронкообразное устье Боспора Фракийского (от Гиерона до Кианейских скал) считалось в древности уже Понтом. Марциан Гераклеяский в эпитоме Перипла Мениппа Пергамского говорит, что Гиерон — это «укрепленное местечко (*χωρίον*), в котором имеется храм, названный храмом Зевса Урия¹². Это укрепленное местечко является стоянкой для судов (*αφετήριον*), плывущих в Понт» (F. H. G r., I, стр. 568, сл.). Как видно, все в этом поселении существовало для обслуживания торговли с Понтом. Гиерон не мог миновать ни один моряк, совершавший плавание в Черное море. Очевидно, именно этим объясняется тот факт, что в нем выставлялись все важнейшие документы, имевшие отношение к понтийской, и в первую очередь северопричерноморской торговле. Там были выставлены копии с афинских декретов в честь боспорских архонтов-царей Сатира I и Левкона I, о которых сообщает Демосфен (XX, 36), и копия с афинского декрета 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона (IG, II², 212). Нет оснований сомневаться в том, что и копии с декретов боспорских Спартокидов, в которых провозглашалось предоставление известных привилегий в торговле хлебом с Афинами, также были выставлены в Гиероне. Это тем более вероятно, что там была найдена ольвийская надпись с декретом об условиях ввоза иноземной монеты в Ольвию (IRE, I², 24)¹³. Еще первоиздатель этой надписи Мордтманн справедливо отметил, что ольвиополиты, по-видимому, выставили копию этого в высшей степени важного для иноземных купцов-мореходов постановления в Гиероне для его дальнейшего распространения, так как более удобное место для этой цели вряд ли можно было найти¹⁴. находка в Гиероне — опорном пункте афино-понтийской торговли в IV в. до н. э. — ольвийского декрета имеет, как нам представляется, и то большое значение, что она косвенно свидетельствует в пользу точки зрения о продолжении активной афино-ольвийской торговли в IV в. до н. э., о чем подробнее будет сказано ниже¹⁵.

Враждебные действия Эпаминонда против Афин в Геллеспонте сами по себе не принесли сколько-нибудь серьезного и длительного вреда понтийской торговле афинян, так как беотийский военачальник, по-видимому, покинул Геллеспонт так же неожиданно и быстро, как он там появился. Но зато эта экспедиция дала толчок к взрыву недовольства со стороны афинских союзников, которое все более накапливалось по мере роста тенденций Афин к утверждению своего владычества над ними. И в этом отношении экспедиция Эпаминонда имела далеко идущие последствия.

¹² Культ Зевса Урия (Попутного) был особенно широко распространен среди мореплавателей.

¹³ См. H. M o r d t m a n n. Epigraphische Mitteilungen. Inschrift von Olbia.— «Hermes», XIII, 1878, стр. 373, сл.

¹⁴ Там же, стр. 376, сл.

¹⁵ См. И. Б. Б р а ш и н с к и й. Ольвия и Афины в IV в. до н. э.— ЗОАО, I, 1961, стр. 319, сл.

Безусловно, она оказала влияние на решение бывших союзников Афин создать свой собственный союз против Афин (Родос, Хиос, Византий, Кос)¹⁶. Мы не располагаем, к сожалению, достаточными сведениями для суждения о влиянии Союзнической войны на понтийскую торговлю Афин, однако уже а priori можно предполагать, что афинянам пришлось столкнуться с трудностями. В то же время имеются основания считать, что понтийский хлебный путь врагам афинян полностью нарушить не удалось. В речи против Лептина Демосфен (XX, 33) указывает, что когда в Греции в 357 г. до н. э. разразился голод, из владений Левкона I, из Боспорского государства в Афины было привезено такое количество хлеба, которое позволило им не только полностью удовлетворить собственные потребности, но и продать значительное количество излишков, от чего было выручено 15 талантов серебра. А потребность самих Афин в привозном хлебе, как известно, была чрезвычайно велика даже и в нормальных условиях. Речь против Лептина была произнесена Демосфеном в 355 г. до н. э., т. е. в период Союзнической войны. В ней крайне превозносятся заслуги Левкона I перед Афинами. Это наводит на мысль, что между Афинами и Боспорским государством в указанное время существовали, быть может, не только экономические, но и политические взаимоотношения, что Левкон во время Союзнической войны оказывал афинянам и помощь иного характера, чем одно лишь снабжение хлебом, хотя прямых доказательств в пользу этого предположения нет.

По-видимому, следует прийти к выводу, что противникам Афин во время Союзнической войны, несмотря на то, что географическое их расположение предоставляло возможность для серьезных помех афинопонтийской торговле, не удалось ее нарушить. Афины оказались в состоянии обеспечить бесперебойное функционирование черноморского торгового пути, проход хлебных караванов через проливы.

Следующий и последний этап борьбы Афин за Черноморские проливы — это борьба против Македонии, окончившаяся для афинян потерей навсегда контроля над понтийским торговым путем.

Во время борьбы Афин с Македонией можно наблюдать ту же картину, что и во время Пелопоннесской войны: в каких бы районах не велась борьба, какими бы не были стратегические планы Филиппа, а затем и Александра, в конечном счете ареной борьбы становились Черноморские проливы. При этом необходимо учитывать, что для македонского царя обладание проливами, учитывая его планы завоевания Азии, имело, безусловно, гораздо большее значение, чем для противников Афин во время Пелопоннесской войны. Проливы были мостом в Азию, который обойти было невозможно.

Планы Филиппа II натолкнулись на крайне ожесточенное сопротивление со стороны Афин. Черноморские проливы приобрели для него еще

¹⁶ См. Pickard-Cambridge.— САН, VI, стр. 209, сл.

большее значение как ключ к жизнеспособности и могуществу Афин. Исторический опыт показывал, что сломить силу афинян, их способность к сопротивлению можно было лишь путем лишения их наиболее важного понтийского торгового пути, который был поистине артерией, питавшей организм Афинского государства. Эти же обстоятельства побуждали афинян всеми возможными средствами бороться за сохранение этого важнейшего пути. Показателен факт постоянной и активной борьбы Афин за проливы и торговый путь в Понт при общей пассивности и застойности внешней политики афинян в рассматриваемое время¹⁷.

Одним из центральных моментов борьбы Филиппа II за гегемонию Македонии становится борьба за овладение Черноморскими проливами. Демосфен в речи «О венке» (XVIII, 87) отмечает, что Филипп, «видя, что мы (т. е. афиняне. — *И. Б.*) больше всех людей пользуемся привозным хлебом и желая овладеть доставкой хлеба (или: торговым путем, по которому доставляется хлеб. — *И. Б.*), прошел во Фракию и стал требовать...» и т. д. Для осуществления этой важнейшей задачи Филипп приложил максимум усилий, которые, однако, не привели к желаемому результату. Три фракийских похода Филиппа являются ярким свидетельством того упорства, с которым македонский царь добивался осуществления поставленной цели. Владение фракийским побережьем было важным шагом на пути к овладению проливами, однако, как будет видно из дальнейшего, все же недостаточным для господства над ними.

Самым неутомимым борцом и организатором борьбы за сохранение контроля над Черноморскими проливами, над понтийским торговым путем в Афинах был Демосфен. Упорно и настойчиво предупреждал он своих сограждан о грозившей им опасности со стороны Филиппа в районах, прилегающих к проливам¹⁸. После Союзнической войны, в которой против Афин участвовали и византийцы, отношения между ними и афинянами продолжали оставаться напряженными. Афиняне не могли простить своему бывшему союзнику его измены. И тем не менее, Демосфен постоянно призывал своих сограждан оказать Византию всемерную помощь против Филиппа, рассматривая ее как помощь прежде всего самим себе — афинянам (*Dem.*, VIII, 14, сл.). Летом 341 г. до н. э., накануне третьего фракийского похода Филиппа, Демосфен лично отправился в составе афинского посольства в Геллеспонт, где ему удалось восстановить союз с Византием и Абидосом (*Dem.*, XVIII, 224; ср. XVIII, 88, сл. и 302)¹⁹. В борьбе против Филиппа он пытался также добиться помощи со стороны персидского царя Артаксеркса, но тот отнесся к афинским предложениям очень сдержанно. Афиняне, однако, не отказались от дальнейших попыток

¹⁷ Ср. *И. А. Ш и ш о в а*. Торговая политика Афин в IV в. до н. э. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1953, стр. 9.

¹⁸ См. речь «О делах в Херсонесе» (*Dem.*, VIII) и «Третью речь против Филиппа» (*Dem.*, IX).

¹⁹ См. *A. S c h a e f e r*. Demosthenes und Seine Zeit, II². Leipzig, 1886, стр. 482, сл.

привлечь его к борьбе против Македонии. По словам Филохора, приведенным Дидимом в схолиях к речам Демосфена ²⁰, к Артаксерксу отправился афинский стратег Харет, направленный афинянами во главе военного отряда в помощь осажденному Филиппом Византию ²¹. Чем закончилась эта миссия, — неизвестно. Вероятнее всего, что и она была бесплодной.

Предупреждения Демосфена о неизбежности нападения Филиппа на Византий в скором времени оправдались. В 341/40 г. до н. э. македонский царь двинулся сначала против Перинфа, осады и штурм которого в 340 г. до н. э. окончились для него полной неудачей. Эта неудача в известной мере ослабляла Филиппа, так как предоставляла в руки афинян прекрасную базу для действий против него с тыла, но она не могла поколебать его решимости овладеть Черноморскими проливами. С этой целью македонский царь направился к Византию и приступил к его осаде ²². Теперь цели Филиппа ни у кого в Афинах не могли вызвать сомнений. Дидим в схолиях к речам Демосфена (10, 38, сл.), объясняя причины нападения Филиппа на Перинф и Византий указывает: «Особенно же он желал направить свое войско против городов Византия и Перинфа по двум причинам: как ради того, чтобы лишить афинян доставки хлеба (τοῦ τε ἀφέλεσθαι τὴν σιτοπομπίαν τῶν Ἀθηναίων), так и для того, чтобы Афины не владели прибрежными городами, которые предоставляют им и удобные стоянки для флота и укрытия для войны против него». На этот раз реакция афинян была достаточно быстрой и решительной.

Обладая полным превосходством на море, афинский флот немедленно выступил на помощь Византию ²³. На подмогу византийцам были посланы афинские вспомогательные войска, а также небольшие отряды с Родоса, Хиоса, и некоторых других городов, заинтересованных в торговле с Причерноморьем, и прежде всего с Северным Причерноморьем ²⁴, а сле-

²⁰ Didymos Kommentar zu Demosthenes (pap. 9780). H. Diels und W. Schubart. Berlin, 1904. Schol. Did. zu Dem. Phil. XI, стр. 47, сл., стк. 54, сл.

²¹ Kirchner. Chares.— RE, III, стб. 2125; ср. J. Müller.— RE, III, стб. 1135.

²² Подробнее об осаде Византия Филиппом и о борьбе Византия за свою независимость см. В. П. Невская. Византий..., стр. 117, сл.

²³ См. F. Miltner. Die Meerengenfrage in der griechischen Geschichte.— «Klio», 28, 1935, стр. 12.

²⁴ О торговле названных центров с городами Северного Причерноморья свидетельствует обширный археологический материал, в частности, керамическая тара. Торговля городов Северного Причерноморья с Хиосом велась непрерывно, начиная еще с VI в. до н. э. О торговых сношениях с Хиосом в IV в. до н. э. свидетельствуют многочисленные находки керамических изделий, прежде всего хиосских амфор, в которых транспортировалось знаменитое хиосское вино (И. Б. Зеев ст. Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, стр. 24, сл.). То же самое следует сказать и относительно торговли с Родосом, экспорт товаров которого начинает развиваться в широких масштабах несколько позднее, с конца IV в. до н. э. При этом надлежит иметь в виду, что и Родос завязывает торговые сношения с Северным Причерноморьем еще в VI в. до н. э. Однако значение понтийской торговли не ограничивалось для Родоса экспортом товаров собственного производства. Родос был крупнейшим транзитным

довательно, и в сохранении Черноморских проливов свободными от македонского господства. Энергичные меры, принятые Афинами, привели к тому, что Византию удалось отстоять свою независимость в борьбе против Филиппа, который, вероятно, в 339 г. до н. э. был вынужден снять осаду. О том значении, которое в Афинах придавалось борьбе Византия против македонского царя, можно судить и на основании дошедших до нас эпиграфических документов. В одном из декретов — постановлении афинского народного собрания, сохранившемся, к сожалению, крайне фрагментарно (IG, II², 273), — народ византийский восхваляется за упорство в борьбе против Филиппа. Ко времени осады Византия македонскими войсками относится и афинский декрет в честь византийца Апелла (IG, II², 235), которому афиняне даровали проксению за услуги, оказанные народу афинскому и «стратегам, которых город посылал». С этими же событиями связаны, очевидно, и декреты, найденные при раскопках афинской агоры, в одном из которых упоминаются осажденные византийцы, а в другом Геллеспонт²⁵.

Неудача под Византием была для Филиппа тяжелым ударом, заставившим его в корне изменить свои военные планы. До этого времени Филипп рассчитывал покорить Грецию, избежав открытого и прямого военного столкновения с Афинами. Он, очевидно, надеялся заставить афинян подчиниться его воле путем лишения их главного источника снабжения — понтийских хлебных рынков, иными словами, путем овладения Черноморскими проливами. Теперь же, потерпев полную неудачу под Византием, он был вынужден отказаться от этих планов, которые намного облегчили бы ему задачу покорения Греции, и принять другой план, основной задачей которого было подчинение Средней Греции.

Одновременно с осадой Византия Филипп действовал и против Гиерона, о стратегическом значении которого говорилось выше. В Гиероне в это время стоял афинский гарнизон под командованием Харета (D. i d., 10, 54—11, 5). Дидим (10, 45—47), комментируя соответствующее место из речи Демосфена относительно письма Филиппа (XI), говорит о том, что последний во время войны против Перинфа и Византия «совершил незаконнейшее дело» (τὸ παρανομώτατον ἔργον διεπράξατο), выразившееся в том, что он увел торговые суда купцов в Гиероне (τὰ ἐφ' ἑρῶ πλοῖα τῶν ἐμπόρων χαταγαγών). Говоря о дальнейших событиях, Дидим приводит слова Филохора: «Харет отправился на совещание стратегов персидского царя, оставив в Гиероне корабли, чтобы заводили в гавань суда, плывущие из Понта. Филипп же, узнав, что Харета нет, сначала попытался послать флот, чтобы захватить суда. Не будучи в состоянии осуществить это силою,

центром, через посредство которого в Северное Причерноморье попадали изделия из различных центров, находившихся в орбите родосской торговли. Засвидетельствован также и косский импорт в Северное Причерноморье в IV в. до н. э. (ID e m., XXXV, 31, 34; см. также И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 25).

²⁵ «Hesperia», II, 1933, стр. 395, № 15; VI, 1938, стр. 289, сл., № 17.

он переправил воинов на другую сторону пролива, в Гieron, и овладел кораблями. И всего их было 230. И отобрав вражеские [корабли], отпустил остальные и воспользовался лесом для осадных машин и стал хозяином хлеба, кожи и большого количества денег» (D i d., 10, 54—11,5).

До опубликования папируса с комментарием Дидима, об этих событиях имелись лишь смутная заметка у Юстина (IX, 1, 5) и еще более неопределенное упоминание у Демосфена (XVIII, 72; ср. XVIII, 139), которое также, по-видимому, относится к этим событиям. Согласно данным Филохора, приводимым Дидимом (10, 48), Филипп захватил 30 кораблей и собрал с них приблизительно 200 талантов. Феопомп же, по словам того же Дидима (10, 49, сл.), сообщает о захвате 180 судов, с которых было собрано 700 талантов. Выше была приведена цифра 230, также называемая Филохором. Это различие в цифрах можно объяснить, по-видимому, лишь тем, что в одном случае имеются в виду все корабли, захваченные Филиппом, включая и те, которые были им затем отпущены, во втором случае — корабли афинян и их союзников и, наконец, в третьем — только афинские суда. Возможно, что цифры 230 и 180 несколько завышены. Среди захваченных кораблей были и родосские и хносские (F r o n t., Strateg., I, 4, 13).

Как видно из сказанного выше, торговые суда, плившие из Понта, были нагружены лесом, хлебом и кожей. Значительная часть этих товаров, во всяком случае хлеб и кожа, — традиционные предметы боспорского экспорта, — вероятно, происходила из Пантикапея.

Афиняне на этот раз, должно быть, смогли сохранить за собою Гieron. Не удалось Филиппу захватить и Византию. Торговый путь в Черное море на время остался в руках Афин, что подтверждается дальнейшим развитием их торговых связей с Северным Причерноморьем, в частности, с Боспорским государством.

В результате победы Филиппа при Херонее в 338 г. до н. э. судьба Греции была решена. Большинство греческих государств было вынуждено покориться власти Македонии. Вслед за этим на Коринфском конгрессе (338/7 г. до н. э.) были установлены условия мира в Греции. В приписываемой Демосфену речи «Относительно договоров с Александром», датированной 336/5 г. до н. э., сообщается, что в Коринфских договорах имелся чрезвычайно важный для Афин специальный пункт о свободе мореплавания и торговли, запрещавший участникам мирного договора уводить чужие торговые транспорты. Этот же пункт устанавливал, что нарушители его будут считаться врагами всех участников мирного договора (D e m., XVII, 19). В той же речи сообщается, что Александр Македонский этих условий не соблюдал (D e m., XVII, 20; ср. XVII, 26). Македоняне увели в Тенедос все корабли, следовавшие из Понта (εις Τένεδον ἅπαντα τὰ ἐκ τοῦ Πόντου πλοῖα κατήγαγον), и отпустили их лишь после того, как афиняне снарядили сильный флот в 100 триер, чтобы силой вернуть корабли. Афины имели еще достаточно сил, чтобы защитить свои

интересы. Путь в Северное Причерноморье, на Боспор Киммерийский, оставался пока свободным для Афин, хотя они и потеряли контроль над Черноморскими проливами.

После распада монархии Александра Македонского афиняне попытались в последний раз овладеть проливами, что им, очевидно, не удалось²⁶. Черноморские проливы были для Афин потеряны окончательно и навсегда.

²⁶ Ср. F. Miltner. Die Meerengenfrage..., стр. 13.

СВЯЗИ АФИН С ГОСУДАРСТВАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В IV В. ДО Н. Э.

Упорство, с которым афиняне отстаивали свой контроль над торговым путем в Черное море в IV в. до н. э., ярко показывает огромное значение понтийских рынков в жизни Афинского государства в это время. Они становятся основной сырьевой базой Афин, почва которых никогда не могла обеспечить потребностей населения в сельскохозяйственных продуктах. Это положение ярко иллюстрируется и разнообразным археологическим материалом из Северного Причерноморья, проникшим туда из Аттики, а также из других мест через посредство афинских купцов. Значение разных районов Причерноморья для Афин при этом было далеко не одинаковым. В рассматриваемое время происходит определенная переориентация аттической торговли с припонтийскими областями: торговля с Ольвией, игравшая первостепенную роль в понтийской торговле Афин в VI и V вв. до н. э., к концу V и особенно в IV в. до н. э. уступает первенство торговле с Боспором. Боспорское государство, которое благодаря своей политической структуре обладало мощной экономической базой, лучше всего могло обеспечить растущие потребности афинян в широком импорте сельскохозяйственных продуктов и прежде всего зерна. Именно аттико-боспорская торговля становится определяющей во всей торговле Афин того времени. Вместе с тем в широком масштабе продолжают развиваться связи Афин с Ольвией. Возможно, что в это время ольвийская торговля в определенной мере зависела от Боспора¹, а следовательно, и афинский импорт в Ольвию находился под боспорским влиянием. Такое предположение вытекает из того факта, что начиная с IV в. до н. э., находившийся в это время под ольвийским контролем Днепр входит в орбиту боспорской торговой экспансии. Хорошо известно, что в IV—III вв. до н. э. в царских

¹ Ср. Б. Н. Г р а к о в. Каменское городище на Днепре.— МИА, № 36, 1954, стр. 148, 172. Автор полагает, что в IV—III вв. до н. э. Боспор, вероятно, рассматривал Ольвию как транзитный пункт.

скифских курганах по Днепру, вплоть до Киева, содержится обильный боспорский импорт, в частности, изделия драгоценной торевтики; отдельные пантикапейские монеты в это время проникают вплоть до Полтавы и Киева.

Торговля Афин с Северным Причерноморьем в рассматриваемое время не ограничивалась районами Боспора и Ольвии — завязываются торговые сношения с Херсонесом Таврическим, афиняне связаны и с Тирой и с другими городами северного побережья Понта.

Афины и Боспор

После поражения Афин в Пелопоннесской войне и потери западных рынков роль понтийских хлебных рынков неизмеримо возросла; в IV в. до н. э. Боспорское государство становится основным контрагентом Афин в торговле, которая приобрела огромный по тому времени размах. С одной стороны, известно, что из Боспора (Пантикапея) в Афины поступала половина всего импортировавшегося туда хлеба (D e m., XX, 31) — основной статьи афинского импорта. Цифра этого ввоза выражалась в сотнях тысяч медимнов пшеницы в год (медимн — около 52,5 литров). С другой стороны, в материалах из археологических раскопок городов и поселений Боспора представлено огромное количество изделий аттической продукции, главным образом керамики, которая особенно в первой половине IV в. до н. э. рисует яркую картину абсолютного преобладания Афин на боспорском рынке. Афинские мастера-вазописцы специально приноравливались к вкусам потребителей в Северном Причерноморье: широко известна группа краснофигурных пелик, расписанных на мифологические темы из северочерноморских сюжетов, вошедшая в историю античной вазописи под именем ваз «керченского» стиля². Специально для ввоза в Северное Причерноморье были изготовлены и известные вазы Ксенофанта³. По наблюдениям Г. А. Цветаевой, основанным на материале из раскопок Пантикапея 1945—1949 гг., в первой половине IV в. до н. э. ввоз аттических изделий в этот город увеличивается в 3—3¹/₂ раза по сравнению со второй половиной предшествующего столетия⁴. Однако ввоз аттической художественной керамики на Боспор не мог играть существенной роли в торговом балансе⁵. В какой-то мере дефицит покрывался афшиянами, оче-

² K. S c h e f o l d. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin, 1934; М. М. К о б ы л и н а. Поздние боспорские пелики.— МИА, № 19, 1951.

³ См. А. А. П е р е д о л ь с к а я. Вазы Ксенофанта.— ТОАМЭ, I, 1945, стр. 63, сл.

⁴ Г. А. Ц в е т а е в а. К вопросу о торговых связях Пантикапея.— МИА, № 56, 1957, стр. 194.

⁵ В. Д. Б л а в а т с к и й. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э.— СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 42, сл.

Краснофигурная пелика «керченского стиля»

IV в. до н. э. Пантикапей

Лекиф афинянина Ксенофанта
Начало IV в. до н. э. Пантикапей

видно, ввозом драгоценных металлов, прежде всего серебра⁶. Чрезвычайно важной была роль афинских купцов и как посредников. Через их посредство на Боспор поступало в больших количествах вино из Коса, Менды, Скионы, Пепарефа и других мест ([D e m.], XXXV, 31, 34, 37)⁷. В частности, как справедливо замечает Б. Н. Граков, при посредничестве афинских купцов в города Северного Причерноморья широко импортировалось фасосское вино, пользовавшееся широкой славой в античном мире⁸.

Сравнительное обилие письменных источников, относящихся к рассматриваемому времени, прежде всего речей афинских ораторов — Исократ, Демосфен, Динарх, — привело к тому, что вопросы афино-боспорской торговли в современной научной литературе освещены полнее многих других вопросов истории и экономики античных государств Северного Причерноморья. Еще более 80 лет тому назад Ф. Г. Мищенко опубликовал не потерявшую интереса и до сего времени статью «Торговые сношения Афинской республики с царями Боспора»⁹. С тех пор о боспоро-афинской торговле появилась обширная литература¹⁰. Трудно назвать работу по истории Боспора периода Спартокидов, в которой в той или иной форме не затрагивались бы и вопросы аттико-боспорских связей. Поэтому нам представляется целесообразным остановиться прежде всего на тех вопросах боспоро-афинских взаимоотношений, которые не получили должного освещения в исследованиях современных ученых, а также и на тех, которые, с нашей точки зрения, нуждаются в пересмотре или уточнениях или же связаны с появлением материала, вносящего что-либо новое в рассматриваемую проблему¹¹. Вопросы, получившие сравнительно полное освещение в литературе и не вызывающие сомнений, будут затронуты лишь постольку, поскольку они необходимы для составления возможно полной картины боспоро-афинских взаимоотношений.

Крушение Афинской державы в результате Пелопоннесской войны

⁶ А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене. — ИС, I, 1911, стр. 7, сл., 17.

⁷ См. И. Б. Б р а ш и н с к и й. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э. — ИЭ, III, 1962, стр. 45, сл.; И. Б. З е е с т. Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, стр. 21.

⁸ Б. Н. Г р а к о в. Клейменная тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись, 1939. Архив ИА АН СССР, № 538; ср. И. Б. З е е с т. Керамическая тара Боспора, стр. 21.

⁹ Киевские университетские известия, 1878, VII, стр. 479, сл.

¹⁰ См., например, С. А. Ж е б е л е в. Основные линии экономического развития Боспорского государства. — СП, стр. 129, сл.; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1943, стр. 80, сл.; Д. Б. Ш е л о в. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 73, сл.; и др.

¹¹ Основные из этих вопросов рассмотрены нами в статьях «Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре (IV в. до н. э.)» (ВДИ, 1958, № 1, стр. 199, сл.) и «Афинский декрет 323/2 г. до н. э. (Из истории афинско-боспорских взаимоотношений)» (КСИИМК, 74, 1959, стр. 3, сл.).

привело к ликвидации ограничений понтийской, в том числе и боспорской, торговли. Выше мы пытались показать, что и в V в. до н. э. торговля Афин с Боспором строилась на формально равноправных основах, что Афины не оказывали прямого давления на своего партнера в торговле. Но нельзя не учитывать и того факта, что контроль Афин на Черноморских проливах в известной степени ограничивал свободу торговли Боспора, потому что он был вынужден вести торговые операции только с Афинами и теми городами, с которыми афиняне разрешали торговать. Поэтому в V в. до н. э. владычество афинян на проливах определяло характер боспоро-афинских взаимоотношений: они не нуждались ни в каком договорном оформлении.

В IV в. до н. э., после восстановления свободы судоходства через проливы, взаимоотношения Афин с Боспором продолжали развиваться в благоприятном для обеих сторон направлении. Говорить подробно о заинтересованности Афин в боспорском рынке нет необходимости — достаточно хорошо известно, что Боспор в рассматриваемое время был наиболее значительным, если не единственным, источником зерна, к которому афиняне имели свободный доступ. С другой стороны, для Боспорского государства всемерное развитие торговли с Афинами как наиболее крупным и, следовательно, наиболее выгодным покупателем представляло первостепенный интерес. На этих основах наибольшей взаимной выгоды и строились афино-боспорские взаимоотношения на протяжении всего IV столетия до н. э.

Имеются основания предполагать, что еще в IV в. до н. э., по-видимому, сразу после победы афинян при Книде (в 393 г. до н. э.) между Афинами и Боспором был заключен договор¹². К такому заключению можно прийти на основании сообщения Исократ о предоставлении Сатиром I ряда привилегий купцам, везшим хлеб в Афины (I s o c r., XVII, 57). В дальнейшем Демосфен, говоря об этих привилегиях (XX, 37), в число которых в первую очередь входило право беспошлинности (ателия) и право первоочередной погрузки судов, указывает и на существование между Афинами и Боспором неких договоров (συμφῆλαι), под которыми, по убедительному мнению С. А. Жебелева, следует понимать торговые договоры¹³.

Соглашения между Афинами и боспорскими правителями заключали в себе в первую очередь ряд торговых льгот, которыми афинские купцы пользовались на Боспоре. Важнейшей из них была ателия — право беспошлинного вывоза хлеба. Таким же правом пользовались и боспорские Спартокиды в Афинах. Для афинян ателия имела первостепенное значение, выражавшееся в огромных экономических выгодах, которые Демосфен (XX, 32) сравнивает с ежегодным даром 13 000 медимнов зерна.

Обычно принято считать, что ателия афинян включала в себя освобождение от всех пошлин на все товары. С нашей точки зрения, такое пони-

¹² См. М. R o s t o v t z e f f.— САН, VI.

¹³ См. С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития...— СП, стр. 131.

мание неверно¹⁴. Более правильным представляется видеть в ателии афинян на Боспоре строго ограниченное право освобождения вывозившегося в Афины хлеба (а не всех товаров), принадлежавшего Спартокидам, только из царской гавани — Пантикапея (а после завоевания Левконом I Феодосии— и оттуда)— от обычной вывозной пошлины, так называемой тридцатой (*τριάκοντή* — 3¹/₃%)¹⁵. Имеются основания считать, что на Боспоре, помимо обычной вывозной пошлины («тридцатой»), существовали и иные таможенные сборы, от уплаты которых афиняне освобождены не были. В свое время нами было высказано предположение, что такой пошлиной был «гаванный сбор» (*ἐλλιμένιον*)¹⁶. Возможно, что предложенная идентификация боспорской пошлины с «гаванным сбором» и не совсем точна¹⁷, но как ее существование, так и то, что афинские купцы не были освобождены от внесения ее в боспорскую казну, представляется более чем вероятным. Иными словами, ателия афинян на Боспоре не предусматривала освобождения от всех торговых пошлин, а лишь от уплаты «тридцатой». Торговые пошлины были важной статьей в бюджете Спартокидов и составляли, вероятно, учитываемый объем боспорской торговли в IV в. до н. э., весьма значительную сумму.

Когда ателия предоставлялась на территории всего Боспорского государства и притом на все товары, а не только на хлеб, это вполне определенно оговаривалось в каждом отдельном случае в специальном царском декрете. До нас дошли проксенические декреты, изданные от имени Перисада I и его сыновей. В них провозглашается предоставление проксении и ателии на все товары во всем Боспоре (*ἔδωσαν προξενίαν καὶ ἀτέλειαν πάντων ὑρημάτων ἐν παντί Βοσπόρω*).

Ателия, предоставлявшаяся везущим хлеб в Афины, распространялась, по-видимому, только на царский хлеб¹⁸ и, возможно, на хлеб, принадлежавший тем высшим царским чиновникам, которые, подобно известному Сопею, получили от царя в пользование обширные земельные угодья на царской *χώρα*¹⁹.

¹⁴ Подробнее см. И. Б. Брашинский. Торговые пошлины..., стр. 130, сл.

¹⁵ И. Б. Брашинский. Торговые пошлины..., стр. 132, сл.

¹⁶ Там же, стр. 131, сл.

¹⁷ Андреадес (A. Andreades. *Geschichte der griechischen Staatswirtschaft*, I. München, 1931, стр. 148, прим. 4) полагает, что *ἐλλιμένιον* обозначал не гаванный сбор, но пошлины. Различные надписи (см. J. H. Thiel. *Zu altgriechischen Gebäuden*. — «Klio», XX, 1925, стр. 63) показывают, что эта пошлина взималась не по тоннажу судна, а по стоимости товара. По мнению Андреадеса (стр. 315), под *ἐλλιμένια* следует понимать все морские пошлины (так как именно морская торговля имела значение для фиска), обозначавшиеся греками этим термином, либо термином *λιμένες*. Отметим, однако, что сам термин (*ἐλλιμένιον*, *λιμήν*) показывает связь пошлины с гаванью.

¹⁸ Ср. К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском государстве.— ВДИ, 1953, № 4, стр. 57.

¹⁹ См. С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития...— ИОН, 1934, № 9, стр. 606 =СП, стр. 135.

Предлагаемое толкование ателии афинян на Боспоре находит подтверждение в том, что в ответ афиняне предоставляют право беспошлинности в Афинах не всем боспорцам, а только боспорским царям и членам их семьи (IG, II², 212; ср. D e m., XX, 34, 36, 38)²⁰. Характерно, что на всем протяжении IV в. до н. э., мы не встречаем в Афинах ни одного проксенического декрета в честь боспорца — частного лица при общем обилии подобного рода эпиграфических памятников. Трудно допустить, чтобы отсутствие в Афинах проксенов-боспорцев являлось простой случайностью, особенно, если принять во внимание роль и значение боспорского хлебного рынка для Афин в указанное время. И Демосфен в речи против Лептина (XX, 32) подчеркивает, что бесперебойное снабжение Афин боспорским хлебом является следствием не только плодородия боспорской почвы, но того, что Левкон является его хозяином (*διὰ τὸ κέρδιον ὄντα Λεύκων αὐτοῦ*).

Все это говорит о большой заинтересованности Афин именно в торговле с боспорскими архонтами-царями и об отсутствии или малой заинтересованности в торговле с частными боспорскими купцами²¹.

Торговые отношения Боспорского государства с Афинами в IV в. до н. э. строились на основе взаимной выгоды и были равноправными. Провозглашая в торговле с Афинами определенные привилегии (беспошлинный вывоз хлеба, право первоочередной погрузки судов), боспорские Спартокиды поощряли наиболее крупного и постоянного покупателя к еще большему развитию торгового оборота. Нет оснований полагать, что ателия в Пантикапее была компенсацией за потерю афинянами Нимфея, а предоставление ее впоследствии также и в Феодосии — компенсацией за потерю Афинона²².

Не говоря уже о том, что принадлежность названных выше городов афинянам по меньшей мере спорна, совершенно непонятно, почему в IV в. до н. э. вдруг возникла необходимость компенсировать потери конца V в. до н. э. Но если бы даже допустить, что ателия в Пантикапее была предоставлена афинянам Спартокидами в качестве компенсации за что-то, то совсем уже непонятно, зачем потребовалась позднее еще и дополнительная компенсация. Предоставление Спартокидами определенных льгот Афинам в хлебной торговле было прежде всего выгодно им самим, в противном

²⁰ В источниках нет указаний, позволяющих согласиться с точкой зрения С. А. Жебелева (Основные линии экономического развития... — ИОН, № 9, стр. 602 = СП, стр. 131), принимаемую и Д. П. Каллистовым (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 204), согласно которой в Афинах ателией пользовались все боспорцы.

²¹ К. М. Колобова (Политическое положение городов..., стр. 64) указывает на «сосредоточение хлебной торговли с Афинами в руках царей». В. Ф. Гайдучевич (Боспорское царство, стр. 67) отмечает, что «значение Спартокидов в хлебной торговле было столь значительно, что они как бы заслонили собой всех прочих кушцов-экспортеров».

²² А. Кацевалов. Торговля хлебом греческих колоний Северного Черноморья. — Наукові записки науково-дослідчої катедри історії європейської культури, II, 1927, стр. 33, сл.

случае льготы не были бы предоставлены. В IV в. до н. э. не в силах Афин было принудить Спартокидов к каким-либо уступкам, они не были в состоянии навязать боспорским правителям неравноправные условия торговли. Афиняне в значительной мере зависели от Спартокидов, что отчетливо явствует из дошедших до нас свидетельств письменных источников. Показательна речь Демосфена против Лептина, в которой оратор, выступая против законопроекта Лептина, лишившего бы Спартокидов определенных привилегий в Афинах, предостерегает своих сограждан, что в ответ на это и Левкон может лишить их тех привилегий, какими они пользуются в торговле с Боспором, а это принесло бы афинянам огромные убытки. Характерны также постановления афинского народного собрания, содержащиеся в декрете 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона. Им, в частности, предоставляется право вербовки моряков по своему усмотрению, и народное собрание заранее, заочно утверждает любой список. Особо постановляется в срочном порядке возместить боспорским правителям причитающиеся им деньги, дабы они не имели к афинянам никаких претензий. Все это показывает, что в IV в. до н. э. отношения Афин с Боспорским государством могли строиться и строились на самом деле только на основе равноправия и взаимной выгоды.

Существует также мнение, согласно которому ателия афинян на Боспоре не была постоянной привилегией, а действовала лишь в течение определенного отрезка времени²³. Основанием для подобного заключения служит известие о том, что Перисад I вновь объявил о предоставлении беспошлинности «везущим хлеб в Афины» ([D e m.], XXXIV, 36). Думается, что нет оснований усматривать в этом свидетельстве указание на возобновление утраченной ателии. Скорее, дело могло быть в другом. Время, к которому относится свидетельство из приписываемой Демосфену речи против Формиона, — 327/6 г. до н. э.²⁴, — это время страшного голода в Афинах. Примерно в это же время и Боспор из-за войны Перисада I со скифами испытывал серьезные затруднения с хлебным снабжением и, очевидно, не мог полностью удовлетворять всего спроса на хлеб²⁵. Желая показать, что несмотря на подобное затруднительное положение, все привилегии афинян остаются в силе, и подчеркивая свое благорасположение к голодающим Афинам, Перисад I вновь объявил через глашатаев (*κέρουρα ποιήσας*), что всякий желающий везти хлеб в Афины, в атти-

²³ См. А. К о с е в а л о в. Die Einfuhr von Getreide nach Athen.— RM, LXXXI, 1932, стр. 321.

²⁴ Датировка речи не является твердо установленной и общепринятой. Бласс (F. B l a s s. Die attische Beredsamkeit, III. Leipzig, 1877, стр. 578) относит время произнесения речи к 327/6 г. до н. э., Шефер (A. S c h a e f e r. Demosthenes und Seine Zeit., III². Leipzig, 1887, стр. 400) — к 327 г. до н. э., С. А. Жебелев (Основные линии экономического развития... — ИОН, № 9, стр. 601 = СП, стр. 130) — к 328/7 г. до н. э.

²⁵ Известно, что и ранее бывали случаи, когда Боспор не мог полностью удовлетворять всего спроса на хлеб, и купцы-неафиняне бывали вынуждены возвращаться из Боспора без груза, порожняком (см. I s o c r., XVII, 57).

ческий эмпорий (т. е. в Пирей), может это сделать беспопытно на основании права ателии. Таким образом, как нам кажется, нет оснований полагать, что ателия, предоставленная Спартокидами везущим хлеб в Афины, не была постоянным правом. Объявление Перисада I было подтверждением существующих привилегий.

Нет достаточных оснований для сомнения в том, что и другие привилегии, данные боспорскими правителями афинянам в хлебной торговле, как, например, право первоочередной погрузки судов, не были привилегиями постоянными, а предоставлялись лишь время от времени²⁶. Напротив, свидетельства источников позволяют утверждать, что и это право было постоянной привилегией купцов, везших хлеб в Афины, на протяжении всего IV в. до н. э. Исократ (XVII, 57) сообщает о предоставлении ее Сатиром I; Демосфен (XX, 31) указывает, что Левконом I было обнародовано постановление, согласно которому афинянам разрешалось грузить свои суда первыми. Спарток II и Перисад I, сыновья Левкона и внуки Сатира, подтвердили сохранение за афинянами всех привилегий, дарованных их предками (IG, II², 212). В число этих привилегий, несомненно, входило и право первоочередной погрузки судов. О сохранении всех привилегий, которыми афиняне пользовались еще со времени Сатира и Левкона, говорится и в афинском декрете 285 г. до н. э. в честь Спартока III (IG, II², 653).

Таким образом, имеются все основания полагать, что на протяжении всего IV в. до н. э., с самого его начала афиняне постоянно пользовались известными экономическими привилегиями, которые, вероятно, были обусловлены определенными договорными обязательствами.

В ответ на привилегии, предоставлявшиеся Спартокидами, афиняне всячески подчеркивали свое расположение к ним. Спартокиды пользовались в Афинах ателией, содержание которой не может считаться вполне ясным, но предусматривавшей, вероятно, и освобождение от пошлин при вывозе товаров из Аттики. Спартокидов увенчивали на празднествах золотыми венками, которые, правда, оставались в Афинах в качестве пожертвований увенчанных. В их честь приносили почетные постановления народного собрания; афиняне на свои средства сооружали их статуи, которые воздвигали в Афинах и Пирее. Сохранились сведения о бронзовых статуях Перисада I, Сатира II, Горгиппа и Спартока III на афинской агоре и в эмпории, т. е. в Пирее. Имеются основания полагать, что такая же почесть была оказана и предкам названных Спартокидов.

В этой связи обращает на себя внимание фрагментарная колоссальная мраморная статуя из Пантикапея, хранящаяся в Эрмитаже. Б. В. Фармаковский трактовал ее как прекрасный оригинал афинской работы середины IV в. до н. э., представляющий Аполлония, третьего сына Левкона I. Он считал ее частью статуарной группы, изображенной на рельефе, увен-

²⁶ См. М. R o s t o v t z e f f. The Bosphoran Kingdom.— САН, VIII, стр. 567.

Мраморный рельеф, увенчивающий афинский декрет в честь сыновей Левкона !

346 г. до н. э. Афины

чивающем афинский декрет 346 г. до н. э. в честь Спартока, Перисада и Аполлония, сыновей Левкона²⁷. По мнению Б. В. Фармаковского, постановление о сооружении подобных статуарных групп в Афинах, Пирее и Пантикапее могло содержаться в несохранившейся заключительной части упомянутого декрета. Добавим со своей стороны, что там же могло содержаться и указание на статуи предков восхваляемых — Левкона I и Сатира I.

В речи Демосфена против Формиона ([Dem.], XXXIV, 36) истец обвиняет навклера Лампида в том, что тот взял разрешение на вывоз хлеба из Боспора, прикрываясь именем Афин (ἐλαβε τὴν ἐξαγωγήν τοῦ σίτου καὶ τὴν ἀτέλειαν ἐπὶ τῷ τῆς πόλεως ὀνόματι). Это свидетельство служит чрезвычайно важным указанием на то, каким образом на Боспоре был организован контроль за правильным осуществлением права афинян на ателию и прочие привилегии. Совершенно очевидно, что для беспошлинного вывоза хлеба из Боспора в Афины в каждом отдельном случае требовалось получение соответствующего разрешения у боспорских властей; такое разрешение требовалось и вообще для вывоза хлеба в тех случаях, когда Боспор из-за различных затруднений со снабжением не мог обеспечить удовлетворения всех потребностей иноземных купцов. По-видимому, при этом необходимо было предъявление какого-то письменного удостоверения того, что хлеб действительно закупается для Афин и везется в афинский эмпорий — Пирей. Возможно, такие удостоверения выдавались афинскими магистратами, скорее же, они могли выдаваться афинскими представителями на Боспоре. Может быть, именно такого представителя афинского государства и следует усматривать в Гилоне, деде Демосфена²⁸.

Если бы для беспошлинного вывоза не требовалось никакого документального подтверждения о правильном его использовании, то Спартокиды могли бы лишиться вывозных пошлин полностью, так как любой мог бы заявить, что хлеб закуплен им для Афин²⁹. Тем не менее, предприимчивые афинские купцы ухитрялись обманывать боспорские власти и злоупотреблять правом ателии. Из той же речи против Формиона явствует, что вышеупомянутый Лампид, взявший разрешение на вывоз хлеба в Афины и беспошлинность, прикрываясь именем Афин, повез его не в Афины, а в Аканф, где и продал с большой выгодой для себя ([Dem.], XXXIV, 36). Эта спекуляция была тем более выгодной, что Боспор, испытывавший в это время затруднения с хлебным снабжением, не имел возможности полностью удовлетворять всего спроса, и Перисад I, очевидно, разрешал

²⁷ Б. В. Фармаковский. Боспорские Спартокиды в атенскому ризбярству. — Юбил. Сбірн. на пошану акад. Багалія. Київ, 1927, стр. 1136, сл.; ср. O. Waldhaug. Ancient marbles in the Moscow Historical museum. — JHS, 44, 1924, стр. 51. См. также наши замечания в статье «Афинский декрет 323/2 г. до н. э.», стр. 8.

²⁸ См. И. Б. Брашинский. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э. — ВДИ, 1955, № 2, стр. 158.

²⁹ Ср. W. Schwan. Schiffspapier. — RM, LXXXI, 1932, стр. 41.

Фрагментированная колоссальная статуя Аполлония,
сына Левкона I (?), афинской работы
Пантикапей

вывоз зерна только в Афины, с которыми он был связан торговыми обязательствами. К тому же, во всей Греции свирепствовал страшный голод.

Постоянных агентов³⁰ в Афинах имели и Спартокиды, о чем уже говорилось выше. Можно предполагать, что в их функции входило наблюдение за производством торговых операций боспорских правителей и заключение торговых сделок по их поручению.

Подобных торговых агентов имели и крупные афинские купцы на Боспоре. Так, например, известно, что некий Хрисипп, крупный афинский купец, ведший с Боспором очень значительные торговые операции по закупке хлеба (достаточно сказать, что он привез в Афины во время дороговизны в начале голода в конце третьей четверти IV в. до н. э. 10 тысяч медимнов хлеба и продал их по обычной цене), имел там доверенного раба (παῖς), который зимовал на Боспоре и вел дела своего господина ([D e m.], XXXIV, 8, 28 и 39)³¹. Прежде всего в его обязанности входило наблюдение за должниками Хрисиппа. При этом доверенный агент Хрисиппа вел дела не один; вместе с ним действовал и компаньон (κοινωνός) Хрисиппа, который, возможно, контролировал деятельность агента³². Представители Хрисиппа, которые зимуют на Боспоре, т. е. находятся там в то время, когда морская торговля из-за неблагоприятных условий для плавания по Черному морю прерывалась, выглядят как постоянные представители крупного афинского купца³³.

Как уже говорилось выше, покупателями боспорского хлеба для Афин были, по-видимому, не только частные афинские (а также, вероятно, и неафинские) купцы, но и Афинское государство³⁴. Боспорские правители были заинтересованы в том, чтобы привилегии, предоставленные ими везущим хлеб в Афины, были использованы по назначению. Гарантировать это хотя бы в какой-то мере могли представители Афинского государства на Боспоре. Поэтому можно предполагать, что на Боспоре находились не только торговые представители крупных афинских купцов, но также и представители Афин, облеченные какими-то официальными полномочиями и выполнявшие, вероятно, те же функции, что и агенты Спартокидов в Афинах.

На Боспоре всегда находилось много афинян. Это были представители крупных афинских купцов и, вероятно, представители Афинского государства, капитаны афинских судов, афинские купцы, которые иногда задерживались на Боспоре в течение длительного времени. В речи против

³⁰ τοὺς ὑπὲρ Σατύρου πράττοντας — дословно: «взыскивающих за Сатира» (I s o c г. XVII, 38; ср. XVII, 5).

³¹ Ср. J. H a s e b r o e k. Betriebsformen des griechischen Handels.— «Hermes», 58, 1923, стр. 409.

³² Ср. И. Б. Б р а ш и н с к и й. Торговые пошлины..., стр. 136 и прим. 30.

³³ Возможно, однако, что агенты Хрисиппа почему-либо не успели выехать с Боспора во время навигации и поэтому случайно были вынуждены зимовать там.

³⁴ Ср. Н. Н о в о с а д с к и й. Борьба с повышением цен в древней Греции.— ЖМНП, февраль 1917 г., стр. 80, 83, 92.

Формиона истец указывает, что из-за невозможности сбыть мелочные товары ($\rho\acute{o}\tau\omicron\varsigma$) на Боспоре по причине войны Перисада I со скифами Формион остался в Пантикапее до продажи привезенного им товара ([D e m.], XXXIV, 9). В той же речи упоминается, что в это время в Пантикапейском эмпории проживали и многие другие купцы ([D e m.], XXXIV, 2 и 34). Хорошо известно, наконец, что во время Пелопоннесской войны «на житье к Сатиру» на Боспор были отправлены Мантифей и его брат, сыновья богатого афинянина (L u s., XVI, 4)³⁵. Нет никаких оснований считать, что этот случай был исключением.

Для заботы о приезжавших на Боспор афинских (и иных) купцах Спартокиды имели особую администрацию. Руководителей этой администрации мы усматриваем в послых Спартока и Перисада — Сосий и Феодосий, направленных боспорскими правителями в Афины и упоминаемых в афинском декрете 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона (IG, II², 212)³⁶. В декрете афинское народное собрание постановляет «восхвалить послов Сосия и Феодосия за то, что они заботятся о прибывающих из Афин на Боспор».

К выводу о том, что Сосий и Феодосий были царскими чиновниками, которым вменялась в обязанность забота о приезжавших на Боспор афинских купцах, мы приходим на основании того, что в декрете они выступают именно в качестве царских уполномоченных, а не как частные лица. Их заслуги по отношению к афинянам ограничиваются, судя по декрету, только заботой о приезжающих на Боспор из Афин, за что им и предоставляется почетное право обеда в Пританее³⁷.

Как уже отмечалось выше, для суждения о характере афино-боспорских взаимоотношений мы располагаем весьма ограниченным кругом письменных источников, которые в большей своей части относятся ко второй и третьей четверти IV в. до н. э. Для более позднего времени, если не считать афинского декрета в честь Спартока III, относящегося к 80-м годам III в. до н. э., подобных источников нет вообще. Тем больший интерес вызывает открытый сравнительно недавно при раскопках афинской агоры новый эпиграфический документ, относящийся к самому концу периода преобладания Афин на боспорском рынке — к концу 20-х годов IV в. до н. э.³⁸ Ввиду того, что указанная надпись была подвергнута

³⁵ Ср. С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона. — СП, стр. 193.

³⁶ Шефер (A. S c h a e f e r. Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosphoros. — RM, XXXIII, 1884, стр. 427), считая Сосия и Феодосия «видными мужами» (Angesehene Männer), высказал предположение, что Феодосий, судя по его имени, был родственником царствующего дома. Что касается последнего предположения, то оно относится к числу недоказуемых догадок.

³⁷ В декрете в честь Спартока, сына Евмела, за эти же заслуги восхваляется сам царь. Вероятно, указание на подобные же услуги содержится и в афинском декрете 323/2 г. до н. э., о котором речь впереди.

³⁸ E. S c h w e i g e r t. Greek Inscriptions. — «Hesperia», VIII, 1939, стр. 27, сл., № 7.

нами детальному исследованию в специальной статье³⁹, здесь можно ограничиться лишь кратким ее рассмотрением и изложением тех исторических выводов, которые она, с нашей точки зрения, позволяет сделать.

Декрет, сохранившийся в крайне фрагментарном виде, представляет собою постановление афинского народного собрания, принятое весной 323/2 г. до н. э. В нем отчетливо восстанавливается слово «Боспор». Декрет был издан во время кризиса, вызванного периодом страшного голода, охватившего большую часть греческого мира в первой половине 20-х годов IV в. до н. э.⁴⁰ Афины, целиком зависевшие от привозного хлеба, тяжело страдали во время голода. В 323/2 г. до н. э., которым датируется декрет, последствия голода в Афинах были, вероятно, еще отягощены разразившейся в это время Ламийской войной. Лицо, восхваляемое в декрете, судя по контексту, оказывало услуги афинянам и ранее. Этот факт, как нам представляется, может иметь большое значение для попытки выяснения личности восхваляемого. Ввиду того, что восхваляемое лицо было каким-то образом связано с Боспором (стк. 9) вполне закономерно предположение о подарке или неоднократных подарках зерна, последний из которых, возможно, был сделан на военные нужды⁴¹. Этот момент, однако, может считаться лишь более или менее вероятным, но не доказуемым предположением. Что же касается происхождения восхваляемого, его гражданства, то, как указал еще первоиздатель надписи Шуайгерт, «географически оно должно было быть вблизи Боспора».

Если связать предположение о лице или лицах, неоднократно оказывавших услуги афинянам, с упоминанием Боспора, то следует заключить, что в рассматриваемом постановлении речь идет о тех, кто играл видную роль в афино-боспорских взаимоотношениях, а таковыми прежде всего были сами боспорские правители — Спартокиды.

Исходя из этой гипотезы, мы предложили восстанавливать строки, заключающие сохранившуюся часть декрета, следующим образом: 30. [...] αἰος ε[...στέσαι αὐτοῦ (или αὐτῶν) παρὰ τ[|[οῦς] προῦ[όνους Σάτυρον καὶ Λεύκων]] | [α εἰκ]ὶνα [χαλκῆν (или εἰκ]ὶνα[ς χαλκᾶς] ἐν τῆι ἀγορᾷ καὶ ἐ | [τέραν ἐν ἐμπορίῳ...]⁴².

Сохранность декрета, к сожалению, настолько плоха, что трудно делать какие-либо бесспорные выводы. Почти бесспорным можно считать лишь одно — в декрете восхваляется лицо, которое оказывало услуги афинянам, приезжавшим на Боспор. Аналогии этому содержатся как в

³⁹ И. Б. Брашинский. Афинский декрет 323/2 г. до н. э., стр. 3, сл.

⁴⁰ Обычно период голода датируют 330—326 гг. до н. э. (см. E. Schwegert. Greek Inscriptions, стр. 30). М. И. Ростовцев несколько расширяет его хронологические рамки. В одном месте (SEHNW, I, стр. 95 и прим. 29) он предлагает датировку 331—324 гг. до н. э., в другом (SEHNW, II, стр. 1250) — 331—323 гг. до н. э. Однако, как в первом, так и во втором случае, остаются неясными основания датировки.

⁴¹ E. Schwegert. Greek Inscriptions, стр. 30.

⁴² И. Б. Брашинский. Афинский декрет 323/2 г. до н. э., стр. 5: «... установить его (или: их) медную статую (или: медные статуи) возле [статуй] предков — Сатира и Левкона,— на агоре и другую в эмпории...».

декрете 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона, так и в декрете в честь Спартока III. В первом из них, как указывалось выше, за эти заслуги восхваляются послы сыновей Левкона I Сосий и Феодосий, во втором — сам царь Спарток.

Возможно, что и в декрете 323/2 г. до н. э. содержалось предложение о восхвалении доверенного лица царя Перисада I, имевшего попечение о приезжавших на Боспор афинянах.

Если же признать возможным предложенное восстановление заключительных строк рассматриваемого декрета, то можно думать, что мы имеем дело с постановлением афинского народного собрания в честь самого Перисада I, а возможно, и членов его семьи.

Известно, что боспорские архонты-цари еще при жизни делали соправителями своих сыновей. Так, очевидно, соправителями Левкона I были его сыновья Спарток и Перисад, которые и после его смерти в течение пяти лет правили совместно. Очевидно, что и Перисад I сделал соправителями своих сыновей еще при жизни. Проксенические декреты времени Перисада на Боспоре издавались от имени царя и его сыновей⁴³. Демосфен, по словам Динарха, предложил воздвигнуть в Афинах статуи не только боспорского правителя Перисада I, но и его старшего сына Сатира и Горгиппа, по-видимому, тестя царя (Dem., I, 43).

Принятие афинским народным собранием постановления в честь Перисада I в рассматриваемое время было бы весьма естественным. Время опубликования декрета — 323/2 г. до н. э., точнее, весна 322 г. до н. э. — это, как было указано выше, время, непосредственно следовавшее за периодом страшного голода в Афинах. Известно, что Перисад I в это время оказал афинянам крайне важные для них услуги: он подтвердил право беспрошльного вывоза хлеба в Афины. С другой стороны, Динарх в речи против Демосфена сообщает о том, что по предложению последнего на афинской агоре были воздвигнуты статуи боспорских «тиранов» Перисада, Сатира и Горгиппа⁴⁴.

Если предложенное выше толкование афинского декрета 323/2 г. до н. э. признать возможным, то в нем мы имели бы новое ценное свидетельство тесных связей между Боспорским государством и Афинами в последней четверти IV в. до н. э. Оно было бы тем более ценным, что никаких письменных источников об афино-боспорских отношениях этого периода не сохранилось, в то время как о них свидетельствует весьма обильный материал археологических находок.

В случае правильности предложенного толкования надписи, она оказалась бы дополнительным свидетельством того, что характер афино-боспорских взаимоотношений не изменился на протяжении всего IV в. до н. э. Вместе с тем в распоряжение науки поступило бы одно из

⁴³ См. IPE, II, 1 и 2: Πατριάρχης καὶ παῖδες ... ἔδωσαν ...

⁴⁴ Подробнее см. И. Б. Брашинский. Афинский декрет 323/2 г. до н. э. стр. 7, сл.

недостающих звеньев между афинским декретом 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона I и декретом в честь Спартока III.

Все приведенные данные хорошо согласуются с археологическим материалом, подтверждающим, что и во второй половине IV в. до н. э., несмотря на широкое развитие торговых связей Боспора с различными центрами, в частности, с городами южного побережья Понта, Афины по-прежнему оставались главным партнером Боспора в торговле. По-прежнему аттический импорт являлся наиболее многочисленным.

Переходя к краткому рассмотрению реального содержания боспорско-аттической торговли в IV в. до н. э., необходимо иметь в виду, что в боспорском экспорте в Афины вывоз хлеба был основной, но далеко не единственной статьёй. По-видимому, в значительном количестве вывозилась рыба. Это, надо полагать, были прежде всего дорогосгоящие сорта (в частности, осетрина)⁴⁵. У Афиня сохранились отрывки из пародийной поэмы Архестрата из Гелы «*Ἠδυπάθεια*» — «Жизнь, полная наслаждений» (около 330 г. до н. э.), в которой специально говорилось о боспорской рыбе (Athen., VII, 21), что свидетельствует о широкой ее известности. Важной статьёй боспорского экспорта были продукты животноводства — шерсть, кожа и т. д. В демосфеновской речи против Формиона в частности говорится о том, что афинский навклер Лампид сверх прочих товаров погрузил на палубу корабля в Пантикапее 1000 кож, что и послужило причиной гибели его судна ([Dem.], XXXIV, 10). В каком-то количестве, по-видимому, не очень значительном, в Афины в IV в. до н. э. вывозились из Северного Причерноморья и рабы.

Судить об аттическом импорте на Боспор в рассматриваемое время позволяють прежде всего находки керамических изделий. Правда, необходимо учитывать, что эта категория аттического импорта ни в коей мере не может целиком отражать действительного, реального объема торговых операций афинских купцов. Тем не менее, керамика является ярким показателем изменений, происходивших в афино-боспорской торговле на протяжении IV в. до н. э. Первая половина столетия была кульминационным пунктом в афино-боспорской торговле. В это время ввоз аттической расписной, а также и чернолаковой керамики на Боспор достигает небывалых размеров. Выше уже отмечалось, что обилие аттической краснофигурной керамики этого времени на Боспоре дало повод назвать одну из больших групп аттических расписных сосудов «керченскими вазами». Аттические вазописцы в это время, ориентируясь на боспорских покупателей, приворапливаются к их вкусам.

В IV в. до н. э. в Пантикапее импортировались первоклассные высокохудожественные изделия аттических керамических мастерских. Превосходные образцы краснофигурных сосудов найдены в богатых пантика-

⁴⁵ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, стр. 110.

Краснофигурная лекана
Середина IV в. до н. э. Пантикапей

пейских курганах ⁴⁶. К ним относится, например, широко известная пелика с изображением сцены из цикла элевсинских мистерий, найденная в Павловском кургане ⁴⁷, пелика с изображением состязания Аполлона и Марсия из кургана на бывшей земле мирзы Кекуватского ⁴⁸, лекана с росписью на сюжет из жизни гинекея ⁴⁹.

Прекрасные образцы краснофигурной и чернолаковой керамики с позолоченным орнаментом, относящиеся уже ко второй половине IV в. до н. э., найдены в боспорских курганах и грунтовых некрополях ⁵⁰.

⁴⁶ Сводку см. Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея, стр. 192, сл.

⁴⁷ ОАК за 1859 г., атлас, табл. I—II; К. Э. Гриневич. Юз-Оба.— АИБ, стр. 135, сл.

⁴⁸ С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись.— МАР, № 35, 1915, стр. 40.

⁴⁹ ОАК за 1861 г., атлас, табл. I.

⁵⁰ К. Э. Гриневич. Юз-Оба, стр. 135; Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея, стр. 194; С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи.— МИА, № 69, 1959, стр. 122; Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея.— Там же, стр. 46, сл.; Ю. Ю. Мартин. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки.— МИА, № 4, 1941, стр. 30; и др.

Краснофигурная калпида
IV в. до н. э. Пантикапей

Большое количество обломков аттической бытовой керамики постоянно обнаруживается при раскопках боспорских курганов⁵¹.

К лучшим образцам аттической коропластики относятся фигурные сосуды, найденные в Фанагории в женском погребении в кургане⁵². Это вазы в виде сирены, сфинкса, Афродиты, выходящей из раковины, которые являются уникальными предметами. Датируются они самым концом V в. до н. э., что позволяет их причислить к рассматриваемому периоду. К IV в. до н. э. относятся и три панафинейские амфоры, обломки которых найдены на мысу Ак-Бурун близ Керчи, в Зеленском кургане и на восточном склоне горы Митридат⁵³.

Формы керамических сосудов, импортировавшихся в IV в. до н. э. из Афин на Боспор, а также и их назначение, чрезвычайно разнообразны. Различно и качество их изготовления. Для второй половины столетия характерна посуда с менее тщательно исполненной росписью, которая часто схематична и небрежна. В это время наблюдается постепенное сокращение

Аттический фигурный сосуд — сфинкс
Начало IV в. до н. э. Фанагория

⁵¹ Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея, стр. 194; М. М. Кобылина. Фанагория.— МИА, № 57, стр. 46.

⁵² Б. Ф. Фармаковский. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории.— Записки РАИМК, I. Пг., 1921; А. А. Передольская. Фанагорийские фигурные вазы. Л., 1937; ср. Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья.— АГСП, стр. 365; М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 46.

⁵³ А. И. Пиотровский. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана.— ИРАИМК, III, 1924, стр. 102, сл.; ИАК, 60, 1916, стр. 32 сл., рис. 26 а и б (амфора Зеленского кургана), стр. 35, рис. 27 (обломок амфоры с горы Митридат); J. D. Beazley. Panathenaica.— AJA, XLVII, 1943, стр. 460, сл.; М. И. Максимова. Панафинейская амфора из Зеленского кургана.— КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 15.

Панафинейская амфора

Конец V в. до н. э. Ст. Елизаветинская (Кубань). Справа и слева — группа кулачных бойцов и судья-эпистит; в центре — Афина

аттического импорта, постепенно Афины начинают терять свое доминирующее положение на боспорском рынке.

Помимо керамической посуды Афины ввозили в рассматриваемое время на Боспор также терракотовые статуэтки, прекрасные образцы которых найдены как на европейской, так и на азиатской сторонах Боспора. М. М. Кобылина установила, что в Пантикапее, начиная со второй половины V в. до н. э. ионийские типы терракот сменяются аттическими⁵⁴. Из Афин на Боспор поступали также предметы вооружения⁵⁵, шерстяные ткани⁵⁶ и другие товары, которые у Демосфена названы *ῥόλοι* — мелочные товары ([D e m.], XXXIV, 9). Основное же место в афинском импорте, надо полагать, принадлежало оливковому маслу и вину. Демосфен сообщает, что вино ввозилось в Понт афинскими купцами из подвластных афинянам местностей (*ἐκ τῶν τόπων τῶν περὶ ἡμᾶς*) ([D e m.], XXXV, 35). Выше уже отмечалось, что афинским купцам принадлежала видная роль в посреднической торговле, что в орбиту афинской торговли с Северным Причерноморьем входил и экспорт вина из Фасоса, а также и из многих других мест. Однако, без сомнения, в Северное Причерноморье, в том числе и на Боспор, масло и вино поступали и непосредственно из Афин. К сожалению, аттическая керамическая тара IV—III вв. до н. э. — остродонные амфоры — нам пока неизвестны, но она, несомненно, существовала⁵⁷. В. Грейс выделила амфорные клейма, которые по ряду признаков могут считаться аттическими⁵⁸. Но находки их единичны и не могут поэтому решить вопроса о группе аттических амфор в целом.

Аттическая керамическая тара клеймилась, очевидно, лишь спорадически, и обломки аттических амфор занимают, вероятно, заметное место среди того материала, который, причисляется к изделиям неизвестных центров.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что на протяжении всего IV в. до н. э. взаимоотношения Боспора с Афинами являлись неизменно дружественными. Они строились на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Роль Боспорского государства в экономической жизни Афин с течением времени все более возрастала и поэтому афиняне прилагали всяческие усилия к сохранению боспорского рынка.

⁵⁴ М. М. К о б ы л и н а. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 54.

⁵⁵ См., например, Б. З. Р а б и н о в и ч. Шлемы скифского периода.— ТОИПК, I, 1941, стр. 141, сл.

⁵⁶ См. ОАК за 1876 г., стр. 127, № 1; ОАК за 1877 г., стр. 121.

⁵⁷ И. Б. З е е с т. Керамическая тара Боспора, стр. 21.

⁵⁸ V. G r a s e. Stamped Amphora Handles.— «Hesperia», III, 1934, 297, сл.

Связи Афин с Ольвией и другими центрами Северного Причерноморья

Огромный размах хлебной торговли, который характеризовал взаимоотношения Афин с Боспорским государством в IV в. до н. э., хорошо засвидетельствованный письменными источниками, и отсутствие сведений в античной литературной традиции относительно связей Афин с другими районами Северного Причерноморья в указанное время, привели к тому, что эти связи оказались вне поля зрения исследователей. Так, в частности, значение и объем торговых и культурных взаимоотношений Ольвии с Афинами в IV в. до н. э. явно недооценивались и преуменьшались. Причиной такой недооценки в значительной степени являлось всеобщее признание до недавнего времени концепции М. И. Ростовцева⁵⁹, согласно которой Ольвия в IV в. до н. э. не входила в орбиту интересов Афин⁶⁰.

Основываясь на отсутствии в перипле Псевдо-Скилака, относящемся к IV в. до н. э., названий городов, расположенных между Истром (Дунаем) и Таврикой, М. И. Ростовцев пришел к заключению, что в это время Ольвия, как и вообще все северо-западное Причерноморье, вплоть до Крыма, находилось вне сферы торговых интересов афинян. Вывод М. И. Ростовцева основывался на том, что автор перипла, согласно убедительному мнению исследователя, был афинянином, составившим для афинских купцов и мореплавателей своего рода практическое руководство. Однако, признавая основательность этих соображений, нельзя вслед за М. И. Ростовцевым считать, что один лишь факт отсутствия названий Ольвии и других близких к ней в географическом отношении местностей в упомянутом перипле может достаточно убедительно свидетельствовать о безразличии Афин в IV в. до н. э. к этому городу. Объяснение, данное М. И. Ростовцевым факту отсутствия географических названий северо-западного побережья Черного моря в перипле Псевдо-Скилака, правдоподобно, однако, оно, как нам представляется, страдает односторонностью и нуждается в существенном уточнении.

Накопленный к настоящему времени в результате многолетних систематических раскопок огромный археологический материал заставляет подходить к решению вопроса об афино-ольвийских связях в IV в. до н. э. с позиций прямо противоположных позиции М. И. Ростовцева. Археологический материал, происходящий из Ольвии, позволяет сделать попытку объяснить причины отсутствия сведений об Ольвии в аттических письменных источниках в определенный, конкретный отрезок времени. Археоло-

⁵⁹ S. u. B., стр. 25, сл.; ср. M. R o s t o v t z e f f. The Bosphoran Kingdom, стр. 566.

⁶⁰ Лишь в самое последнее время точка зрения М. И. Ростовцева встретила возражения (см. Е. И. Л е в и. К истории торговли Ольвии в IV в. до н. э.— СА, XXVIII, 1958, стр. 238; И. Б. Б р а ш и н с к и й. Афины и Северное Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.— Автореферат диссертации. Л., 1958, стр. 16, сл.; особенно е г о ж е. Ольвия и Афины в IV в. до н. э.— ЗОАО, I (34), 1961, стр. 319, сл.

гическим источникам при исследовании данного вопроса следует, с нашей точки зрения, отдать решительное предпочтение. В противном случае невозможно объяснить известный и М. И. Ростовцеву факт наличия в Ольвии огромного количества аттической керамики IV в. до н. э.

В истории Ольвии в IV в. до н. э., как известно, был кратковременный период, когда город пережил глубокое потрясение. Этот период продолжался, правда, в течение весьма ограниченного времени и был вызван осадой Ольвии полководцем Александра Македонского Зопирионом и связанными с ней событиями внутренней жизни города. Сохранилось лишь краткое сообщение у Макробия (M a c r o b., Saturn., I, 11, 33)⁶¹, из которого можно заключить, что для отражения войска Зопириона ольвиополитам пришлось напрячь максимум усилий и мобилизовать все ресурсы: отменить старые долговые обязательства, предоставить гражданские права иноземцам и, наконец, пойти на такую крайнюю меру, как освобождение рабов. Как можно заключить из заметки Макробия, эти меры, по-видимому, достигли цели — ольвиополитам удалось отстоять свой город от войска Зопириона.

Однако археологические наблюдения в различных частях древнего города, в частности, при раскопках ольвийского священного участка (теменоса) и агоры, показывают, что приблизительно на грани третьей и последней четвертей IV в. до н. э. и в течение последующих лет нормальная жизнь города была резко нарушена — прослеживаются большие разрушения, многие здания и целые кварталы перестали существовать, во всем видны следы глубокого упадка⁶², который, правда, очень скоро, уже в конце IV столетия до н. э., сменился бурной строительной деятельностью⁶³. Здесь не место обсуждать вопрос о причинах разрушений в Ольвии — были ли они результатом военных действий или каких-то иных событий. Связь их по времени с осадой Зопириона очевидна⁶⁴. Как бы то ни было, глубокий, хотя и кратковременный кризис в жизни Ольвии в указанное время несомненен. Не подлежит сомнению и то, что в период кризиса должны были нарушиться и внешние экономические связи Ольвии. Может быть, именно к этому периоду и следует относить время составления перипла Псевдо-Скилака. При таком допущении станет понятным отсутствие в нем упоминания Ольвии и ее окружения, поскольку в это время город, очевидно, не мог представлять интереса для афинского, как и любого другого, купца-мореплавателя.

⁶¹ О походе Зопириона против скифов см. С. А. Жебелев. Милет и Ольвия.— СП, стр. 41, сл.

⁶² См. Е. И. Леви. Ольвийская агора.— МИА, № 50, 1956, стр. 47, 49, 112, сл.; Л. М. Славин. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э.— СА, XXVIII, 1958, стр. 285.

⁶³ Е. И. Леви. Ольвийская агора; А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Ольвийская агора.— СА, 1958, № 4, стр. 136, 143.

⁶⁴ Е. И. Леви (Ольвийская агора, стр. 112, сл.), исходя из предположения, что Зопириону городом овладеть не удалось, высказывает гипотезу, что кризис в Ольвии был результатом классовой борьбы, разгоревшейся там в это время.

Но существует и прямое указание, несомненно, афинского источника о торговле Афин с Ольвией в IV в. до н. э., которое прошло мимо внимания М. И. Ростовцева и не вызвало должного интереса также и у других исследователей⁶⁵. Речь идет о свидетельстве, содержащемся в приписываемой Демосфену речи против Лакрита ([D e m.], XXXV, 10), которая датируется началом 20-х годов IV столетия до н. э. В ней говорится о займе, предоставленном двум афинским купцам «для торговой поездки в Менду или Скиону, а оттуда на Боспор и, если пожелают, вдоль левого берега до Борисфена, и обратно в Афины». Приведенный отрывок показывает, что афинские купцы посещали Ольвию, но что торговая поездка в Ольвию была для афинских купцов менее обычной, чем на Боспор, как указывает оговорка «если пожелают».

К сказанному следует добавить, что перипл Псевдо-Скилака был не единственным описанием Черного моря в IV в. до н. э. К этому же времени относится и другой перипл, легший в основу описания Черного моря в сочинении Эфора⁶⁶. Как отмечает М. И. Ростовцев, перипл чрезвычайно трудно выделить из труда Эфора, но в нем, несомненно, содержалось описание Борисфена, а также, вероятно, и Ольвии⁶⁷. Этот факт также доказывает, что нет оснований для утверждения, будто Ольвия в IV в. до н. э. лежала в стороне от торговых путей и не представляла интереса для купцов-мореплавателей, в том числе и афинских.

Таким образом, мы приходим к выводу, что и в части, касающейся письменных источников, точка зрения М. И. Ростовцева не может быть безоговорочно принята. Однако решающее значение для отказа от тезиса М. И. Ростовцева об «игнорировании» Ольвии Афинами в IV в. до н. э., о том, что этот город в указанное время находился «вне орбиты афинских интересов», имеет археологический материал, происходящий из Ольвии.

Прежде всего против этого тезиса свидетельствует эпиграфический материал. Наибольший интерес в ряду этого рода памятников представляет найденный при раскопках ольвийской агоры проксенический декрет в честь двух афинских купцов — Ксантиппа, сына Аристофонта из дема Эрхии, и Филополида, сына Филополида из дема Дейрады⁶⁸. Датируется декрет приблизительно серединой IV в. до н. э. В нем в высшей степени интересно и примечательно упоминание помимо этникон восхваляемых — «афиняне» — также и демов, к которым они принадлежат. Поскольку такое указание на происхождение афинянина в официальных документах, изданных вне Аттики, совершенно необычно, можно предположить, что оно указывает на весьма интенсивные связи Афин с Ольвией в рассматри-

⁶⁵ И. Б. Брашинский. Ольвия и Афины в IV в. до н. э., стр. 319.

⁶⁶ S. u. В., стр. 27.

⁶⁷ Там же, стр. 29.

⁶⁸ Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии..., стр. 235, сл.

Проксенический декрет в честь афинян

IV в. до н. э. Ольвия

Надгробие афинянина Аркефонта,
сына Кефисодота

III в. до н. э. Ольвия

ваемое время⁶⁹. К сказанному следует добавить, что упомянутый декрет в настоящее время является единственной проксенией в Северном Причерноморье, которая бесспорно принадлежит афинянам.

Из Ольвии же происходят единственные из известных в настоящее время в Северном Причерноморье два надгробия афинян. Одно из них — Сосия, сына Кефала (РЕ, I², 232), — Э. Р. Штерн датировал V или IV в. до н. э.⁷⁰ Второй памятник — надгробие Аркефонта, сына Кефисодота (ИРАИМК, IV, стр. 80, сл.), — относится к III в. до н. э. И, наконец, в Ольвии же найдены обломки мраморного пьедестала с сигнатурой знаменитого афинского скульптора Праксителя (РЕ, I², 271), а в 1962 г. — мраморный постамент статуи, по

другого афинского скульптора священной Аполлону Врачу, с именем середины IV в. до н. э. — Стратонида.

Против тезиса об «игнорировании» Ольвии афинянами в IV в. до н. э. свидетельствует также и весьма обильный материал керамических находок из раскопок этого города.

Нет никаких оснований, которые позволили бы прийти к заключению о сокращении афинского импорта в Ольвию по сравнению с предшествующим временем. Это отмечал и М. И. Ростовцев, указывавший, что археологический материал не говорит о катастрофическом упадке афино-ольвийских торговых связей по сравнению с V в. до н. э.: афинское влияние в IV в. до н. э. в Ольвии, насколько оно засвидетельствовано распространением аттической керамики, не меньше, чем в соответствующее время в Пантикапее⁷¹. Однако, придя к такому заключению, М. И. Ростовцев

⁶⁹ Возможно, число проксенов-афинян в Ольвии было значительным и этим было вызвано присовокупление к этникон восхваляемых еще и демотикон, или же это выражало особое уважение к восхваляемым.

⁷⁰ Э. Р. Штерн. — ЗООИД, XXV, 1902, протокол, стр. 92. Уже В. В. Латышев не знал местонахождения этого памятника.

⁷¹ М. Rostovtzeff. The Bosporan Kingdom, стр. 566.

не попытался его объяснить; между тем оно находится в прямом противоречии с его же выводом о том, что Ольвия лежала вне орбиты афинских интересов.

Керамический материал позволяет говорить даже о расширении аттического импорта в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим временем. Об этом свидетельствует материал как расписной, краснофигурной, так и чернолаковой керамики⁷².

Вместе с тем необходимо постоянно иметь в виду, что объем торговли в IV в. до н. э. между Афинами и Боспорским государством, с одной стороны, и Ольвией — с другой, были величинами несоизмеримыми. Афино-боспорская торговля была ведущей не только в черноморском бассейне, но и вообще во всей афинской торговле того времени. Тем не менее, характер вещественного материала из раскопок Ольвии свидетельствует о весьма интенсивной торговле Афин в рассматриваемое время и с этим городом и его окружением. Господствующее положение афинского импорта в Ольвии выступает менее явственно, чем на Боспоре, поскольку там в это время существовавшее место принадлежит импорту из других центров, в частности, из Гераклеи Понтийской и Синопы. Тем не менее, афинские изделия, как в количественном, так и в процентном отношении, преобладают над импортом из любого другого отдельно взятого центра⁷³.

О продолжавшихся в IV в. до н. э. интенсивных культурных и торговых связях между Афинами и Ольвией свидетельствует и ряд образцов аттической скульптуры, происходящих из ольвийских раскопок. Памятники аттической скульптуры иллюстрируют отношения Афин с Ольвией на всем протяжении столетия⁷⁴. Судя по упомянутой выше надписи на пьедестале статуи с сигнатурой Праксителя, Ольвию украшали произведения искусства этого выдающегося мастера. В Ольвию привозили из Афин и изготовленные там готовые мраморные надгробные стелы⁷⁵.

Как представляется, даже и приведенных немногочисленных примеров достаточно, чтобы прийти к бесспорному заключению, что Ольвия на протяжении всего IV столетия до н. э. была тесно связана с Афинами в торговом и культурном отношении. Импорт из Афин, как это видно из материала, не ограничивался лишь ввозом керамических изделий, но включал и такие монументальные изделия, как высокохудожественные

⁷² И. Б. Брашинский. Ольвия и Афины в IV в. до н. э., стр. 320 и особенно прим. 10, где приведена сводка материала.

⁷³ Л. М. Славин (Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 252) отмечает, что афинская керамика в Ольвии в IV в. до н. э. преобладает. В. Ф. Гайдучевич (История античных городов Северного Причерноморья. — АГСП, стр. 50), напротив, полагает, что Афины не играли доминирующей роли в экономической жизни Ольвии в IV в. до н. э., и это представляется ему резким контрастом в сравнении с Боспором. Последняя точка зрения не находит, однако, подтверждения в фактическом материале.

⁷⁴ И. Б. Брашинский. Ольвия и Афины в IV в. до н. э., стр. 320.

⁷⁵ Там же.

произведения скульптуры. Это дало основание Б. В. Фармаковскому прийти к убедительному выводу, что между Афинами и Ольвией в середине IV в. до н. э. в области искусства существовали тесные связи, за которыми было стремление стать твердой ногой на севере Понта. Это было нужно афинянам для получения ресурсов, необходимых не только для собственного прокормления, но и для борьбы, которая с большим напряжением сил и ожесточением велась ими на протяжении всего IV в. до н. э.⁷⁶ К сказанному можно лишь добавить, что выводы Б. В. Фармаковского, касающиеся середины IV в. до н. э., должны быть распространены на все столетие.

Потребности Афин в северопричерноморских ресурсах в рассматриваемое время были столь велики, что при всем огромном размахе торговли афинян с Боспорским государством, они были крайне заинтересованы и в дополнительных ресурсах, которые могли поступать и, несомненно, поступали и из Ольвии.

О новом подъеме торговли и всей экономики Ольвии в IV в. до н. э. свидетельствуют также многочисленные поселения, возникающие в это время на берегах Бугского и других лиманов в окружении Ольвии⁷⁷. Все эти поселения были земледельческими. Ряд признаков позволяет считать, что их хозяйство носило товарный характер. Так, например, почти на всех поселениях обнаружены ямы-зернохранилища, часто целые комплексы их (поселение у Чертоватого, Петуховки)⁷⁸. Совершенно очевидно, что такое количество зерна хранилось не для удовлетворения собственных потребностей, а в расчете на сбыт. Показательно и то, что на поселениях вокруг Ольвии обильны находки ольвийских монет IV—III вв. до н. э.⁷⁹ Вполне вероятно, что в числе покупателей зерна, производившегося в этой сельскохозяйственной округе Ольвии, были и афиняне.

Едва ли все сказанное позволяет присоединиться к выводу М. И. Ростовцева об «игнорировании» Ольвии афинянами в IV в. до н. э. Наоборот, имеются все основания утверждать, что Ольвия продолжала поддерживать непрерывные и оживленные торговые и культурные связи с Афинами на протяжении всего века. Таким образом, точка зрения М. И. Ростовцева должна быть признана неубедительной и отвергнута. Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что в рассматриваемое время заинтересованность Афин в торговом обмене с Ольвией, безусловно, значительно уступала их интересу к торговле с Боспором. Это, однако, ни в коей мере не должно и не может служить основанием для недооценки значения ольвийско-афинских взаимоотношений в IV в. до н. э.

⁷⁶ Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г.— СГА-ИМК, I, 1926, стр. 198.

⁷⁷ См. С. И. Капошина. Из истории колонизации Нижнего Побужья.— МИА, № 50, 1956, стр. 239 и 247; Ф. М. Штигельман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— Там же, стр. 267.

⁷⁸ Ф. М. Штигельман. Поселения..., стр. 267.

⁷⁹ Там же, стр. 270.

Торговые связи Афин с Северным Причерноморьем в IV в. до н. э. не ограничивались лишь их взаимоотношениями с Боспорским государством и Ольвией. Афиняне торговали также и с Херсонесом, Тирой и другими северопонтийскими городами. Нельзя с полной уверенностью говорить о непосредственных торговых сношениях Афин с каждым отдельным пунктом. Весьма возможно, что в ряде случаев афинские товары проникали в те или иные местности через посредство Боспора и Ольвии. Это обстоятельство не избавляет, однако, от необходимости хотя бы беглого обзора экономических связей Афин с различными районами Северного Причерноморья, в числе которых на первое место следует поставить Херсонес.

В настоящее время общепризнано, что Херсонес как греческая колония был основан в конце V в. до н. э.⁸⁰ Как показывают археологические данные, экономические связи Афин с Херсонесом имели место с самого начала его существования. На территории Херсонеса раскопками обнаружены, однако, в небольшом количестве, фрагменты аттической керамики (чернофигурной), относящейся еще к концу VI — началу V в. до н. э., что может, по-видимому, свидетельствовать о существовании там торговой фактории задолго до основания города⁸¹.

Херсонес имел важное значение и как промежуточный пункт в торговле Афин с Боспорским государством. Через него проходили суда независимо от того, следовали ли они вдоль западного и северного берегов Понта или же они направлялись кратким путем — напрямик через открытое море от Черноморских проливов⁸². Возможно, что важность и удобства этого пункта в качестве стоянки для судов, шедших на Боспор Киммерийский, и привели к тому, что там еще в VI в. до п. э. была основана торговая фактория.

В IV в. до н. э. Афины состояли в регулярном торговом обмене с Херсонесом. Однако здесь они никогда не занимали того преобладающего положения, которое характерно для Ольвии и, особенно, Боспора. Едва ли правильным было бы объяснять такое положение тем, что Херсонес как торговый центр вообще не мог сравниться с Ольвией или Боспором⁸³. Это широко распространенное мнение, как нам представляется, нуждается

⁸⁰ См. А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, I. — ВДИ, 1938, № 2, стр. 245, сл.; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 34; е го же. Некрополь Херсонеса классической эпохи. — СА, XIII, 1950, стр. 272, сл.

⁸¹ В. Д. Блаватский. [Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический»]. — ВДИ, 1949, № 3, стр. 144; Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса. — МИА, № 34, 1953, стр. 14.

⁸² О кратком пути через Понт и о важности Херсонеса как транзитного пункта см. М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 156 и 164, сл.

⁸³ Ср. E. Stern. — «Hermes», I, 1915, стр. 175, сл.; В. Ф. Гайдукевич. История античных городов..., стр. 72, сл.; А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, V. Херсонесские проксении. — ВДИ, 1950, № 4, стр. 11.

Краснофигурный кратер
Конец V в. до н. э. Херсонес

в коренном пересмотре⁸⁴, что, однако, выходит за рамки поставленного в данном исследовании круга вопросов. Дело, скорее, в том, что расцвет экономики Херсонеса относится ко времени, когда Афины не играли более роли ведущего производственного и торгового центра. Основание и разви-

⁸⁴ Ср. С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. — СП, стр. 230; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 54.

Горло аттической бронзовой гидрии — приза с праздника Анакий
IV в. до н. э. Херсонес

тие Херсонеса несколько запоздало, если так можно выразиться, для Афин. В конце V и в IV в. до н. э. Херсонес был еще весьма небольшим поселением, расположившимся на берегу современной Карантинной бухты и в восточной части своей будущей территории⁸⁵. Его экономические связи, в том числе и торговые связи с Афинами, в это время не могли еще быть значительными по объему. Тем не менее, в раскопках соответствующих культурных слоев Херсонеса нередко находки аттической

⁸⁵ Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса, стр. 14.

краснофигурной и чернолаковой керамики⁸⁶. В этот ранний для истории Херсонеса период торговые связи с Афинами занимают видное место в экономике города. Из Афин в Херсонес привозили не только бытовую и художественную керамическую посуду, но и терракоты⁸⁷, мраморные архитектурные украшения⁸⁸, статуи. Сохранился пьедестал статуи Афины Спасительницы с сигнатурой афинского скульптора IV в. до н. э. Поликрата (IRE, I², 406).

Свидетельством не только торговых, но и культурных связей Херсонеса с Афинами служит фрагментированная бронзовая гидрия IV в. до н. э., найденная в подстенном склепе № 1012. На венчике ее сверху наколота надпись Ἰαθλον ἐξ Ανακίων — «(приз) с праздника Анакий»⁸⁹. Праздник Анакий проводился недалеко от Афин в честь Диоскуров; в нем, очевидно, принял участие и гражданин Херсонеса Таврического, привезший отсюда на родину приз за победу в каком-то состязании. Из Херсонеса происходит и несколько фрагментов панафинейских амфор. Не исключено, что херсонеситы принимали участие и в Великих Панафинейях.

Б. Н. Граков отнес к Херсонесу Таврическому афинское надгробие херсонесита (IG, I², 1006), датруемое самым началом IV в. до н. э., если еще не концом V в. до н. э.⁹⁰ отождествление упомянутого в этом надгробии херсонесита с гражданином Херсонеса Таврического вызывает, однако, серьезные сомнения⁹¹. Не говоря о том, что нет решительно никаких данных, позволивших бы в рассматриваемом случае предпочесть Херсонес Таврический любому из других многочисленных Херсонесов и прежде всего Херсонесу Фракийскому, имевшему оживленные связи с Афинами, следует учитывать, что Херсонес Таврический был во время создания упомянутого надгробия еще весьма малозначительным центром, который вряд ли мог иметь прочные и длительные связи с Афинами.

⁸⁶ См. ИАК, 1, стр. 32 и 52, сл.; ИАК, 2, стр. 25; ИАК, 4, стр. 78; ИАК, 9, стр. 56; ИАК, 16, стр. 41, 63, сл. и 106; ИАК, 20, стр. 26, сл., 41, 73, 136, 150 и 161 — раскопки К. К. Костюшко-Валюжинича; ОАК за 1908 г., стр. 105 — раскопки Лепера (датировка краснофигурного аска (рис. 122) первой половиной III в. до н. э., по-видимому, завышена; очевидно, аск следует датировать второй половиной IV в. до н. э.); МИА, № 34, 1953, стр. 39, 45, 48, 72, рис. 39 а и табл. IV; стр. 110, 163 — раскопки Г. Д. Белова; ХС, IV, 1948, стр. 55 и 82, сл. — раскопки С. Ф. Стржелецкого. См. также Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, стр. 64; А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, I, стр. 262, сл.

⁸⁷ К. Э. Гриневич, Подстенный склеп № 1012. — ХС, I, 1926, стр. 13, рис. 7; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, стр. 64.

⁸⁸ Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, стр. 64 и табл. XIII, 1 — мраморный акротерий IV в. до н. э.

⁸⁹ См. ИАК, 1, стр. 7, сл., рис. 6 и 7; ср. К. Э. Гриневич, Подстенный склеп..., стр. 23; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, стр. 64; С. А. Жебелев, Возникновение Херсонеса Таврического. — СП, стр. 74.

⁹⁰ МИС, № 66.

⁹¹ Ср. U. Kahrstedt, Beiträge zur Geschichte des Thrakischen Chersones. Baden-Baden, 1954, стр. 15. Автор относит памятник к Херсонесу Фракийскому.

Аттическая керамика (как чернофигурная, так и чернолаковая) встречается также в античных городах и поселениях Западного Крыма, например, в Керкинитиде⁹². Трудно решить, каким образом аттические товары туда попали. Херсонес в то время (VI—V вв. до н. э.) еще не существовал, так что этот путь проникновения приходится отвергнуть. Не исключена возможность, что Западный Крым снабжался аттической продукцией через посредство боспорских или ольвийских купцов. Скорее же, находки афинских изделий в этом районе, в частности в Керкинитиде, свидетельствуют о спорадических наездах туда афинских купцов-мореплавателей.

В обмен на свои товары афиняне вывозили из Херсонеса, как и из Боспора и Ольвии, в первую очередь хлеб⁹³. Трудно судить о размерах этого экспорта, но он, очевидно, значительно уступал не только вывозу хлеба из пределов Боспорского государства, но и Ольвии, поскольку сельскохозяйственная территория Херсонеса была все же ограниченной. Вывозились также другие, традиционные для североопонтийского экспорта товары, какую-то часть которых перевозили в керамической таре — амфорах, о чем свидетельствуют единичные находки херсонесских амфорных клейм в Афинах.

Что касается взаимоотношений Афин с самой западной из расположенных на северном побережье Черного моря греческих колоний — Тирой, то о них наши сведения в настоящее время весьма скудны. Пролить свет на связи Тиря с Афинами могут лишь новые раскопки этого города. До сих пор археологические исследования, проведенные там, особенно нижних культурных слоев, еще очень незначительны. Поэтому сейчас все высказываемые соображения могут носить лишь самый предварительный характер.

По сравнению с Ольвией Тира была городом второстепенным⁹⁴ и, по-видимому, роль ее как торгового центра всегда сильно уступала роли Ольвии. Письменные источники о связях Афин с Тирой молчат. Как уже говорилось выше, нет достаточных оснований предполагать, что Тира входила в состав первого Афинского морского союза и была обложена форосом⁹⁵. Однако керамические находки из раскопок Тиря позволяют утверждать, что еще в V в. до н. э. город находился в торговых сношениях с Афинами. Аттические изделия, найденные в Тире⁹⁶, пока немногочисленны

⁹² М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948—1952).— История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 264, сл.

⁹³ С. А. Жебелев. Херсонесская присяга.— СП, стр. 230; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 65.

⁹⁴ А. Н. Зограф, Монеты Тиря. М., 1957, стр. 12.

⁹⁵ См. выше, стр. 73, 74; А. Н. Зограф. Монеты Тиря, стр. 12.

⁹⁶ О находках аттической краснофигурной и чернолаковой керамики в Тире см. Л. Д. Дмитров. Білгород-Дністровська археологічна експедиція.— АП, II, 1949, стр. 42 и 48; его же. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр.— АП, V, 1955, стр. 120; Э. Р. Штерн. О последних раскопках в Аккермане.— ЗООИД, XXIII, 1901, стр. 39, сл.; XXXI, 1913, протокол, стр. 95 и 100.

но это, надо полагать, отражает не малую интенсивность торговли, а слабую археологическую изученность города.

Нет оснований считать, что аттический импорт поступал в Тиру через посредничество близко от нее расположенных Ольвии и Истрии, с которыми Афины поддерживали тесные торговые отношения. Скорее всего, афиняне торговали с тиритами непосредственно.

* * *

Обзор письменных источников и памятников материальной культуры приводит к заключению, что в IV в. до н. э. Афины поддерживали регулярные торговые контакты со всем Северным Причерноморьем, но значение различных северопонтийских районов и городов в торговле с Афинами в это время было далеко не одинаковым. На первое место выступают взаимоотношения Афин с Боспорским государством, оттеснив на второй план связи с Ольвией. Остальные города северного побережья Понта, как и в предшествующее время, не играли сколько-нибудь существенной роли в афино-понтийской торговле, хотя и они состояли в числе торговых контрагентов Афин.

СВЯЗИ АФИН С СЕВЕРНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В ПЕРИОД ЭЛЛИНИЗМА (КОНЕЦ IV—II В. ДО Н. Э.)

Окончательная утрата Афинами контроля над Черноморскими проливами в конце IV в. до н. э. и потеря ими роли ведущего производственного и торгового центра греческого мира не привели к немедленному и резкому сокращению их торговли с городами Северного Причерноморья. К сожалению, в отличие от предшествующего периода взаимоотношения Афин с Северным Причерноморьем в период эллинизма почти не нашли отражения в дошедших до нас письменных источниках. В то же время археологический материал из раскопок городов и поселений северного побережья Черного моря свидетельствует о продолжении торговли Афин с северопонтийскими городами в довольно значительном объеме, особенно в конце IV — начале III в. до н. э. Весьма многочисленны находки поздней аттической краснофигурной керамики, особенно пелик¹, а также расписной керамики, выполненной в новой технике, — керамики с накладным орнаментом, на которой роспись исполнена разжиженной глиной или белой краской по чернолаковому фону.

Рассматривая развитие экономических связей Афин с городами Северного Причерноморья необходимо иметь в виду, что победы Филиппа и Александра не привели к резкому нарушению экономических связей афинян. С другой стороны, следует учитывать, что ход развития связей Афин с Северным Причерноморьем отнюдь не зависел только от процесса внутреннего развития и интересов Афин — в не меньшей степени зависел он и от развития интересов городов Северного Причерноморья. Афины утратили доминирующее положение на рынках Северного Причерноморья задолго до того, как потеряли контроль над понтийским торговым путем.

¹ М. М. К о б ы л и н а. Поздние боспорские пелики. — МИА, № 19, 1951, стр. 136, сл.

Начиная с середины IV в. до н. э. во внешнеторговых связях северопонтийских городов постепенно все более заметное место начинают занимать новые центры. Это прежде всего города Южного Причерноморья — Гераклея и Синопа, затем ряд островных центров — Родос, Кос и другие.

Соотношение аттической продукции и товаров из других центров постепенно изменяется в пользу последних. В течение второй половины IV в. до н. э. постепенно сокращается и объем аттического импорта².

Тем не менее, Боспорское государство продолжало оставаться основным источником продовольственного снабжения Афин, которые прилагали все усилия, чтобы сохранить благорасположение боспорских царей. Ярким свидетельством сохранения традиционных взаимоотношений афинян с боспорскими Спартоклидами в начале III в. до н. э. является афинский почетный декрет в честь царя Спартока III, датированный 80-ми годами III в. до н. э.³ Афинский совет и народное собрание, отмечая заслуги Спартока перед афинянами, постановляют похвалить его, увенчать золотым венком и установить две бронзовые статуи Спартока — одну на агоре, рядом со статуями его предков, и другую — в эмпории⁴, т. е. в Пирее. Характерно, что если в середине IV в. до н. э. вступившие на престол сыновья Левкона I спешат направить в Афины посольство с заверениями о сохранении за Афинами всех привилегий в торговле с Боспором, то теперь, в начале следующего столетия, сами афиняне, только что освободившиеся от оккупации Деметрия Полиоркета, спешно посылают послов на Боспор с сообщением об этом. Получив от Спартока ответ с выражением радости по этому поводу и, что было гораздо более существенным для

² Г. А. Ц в е т а е в а. К вопросу о торговых связях Пантикапея. — МИА, № 56, 1957, стр. 194.

³ IG, II², 653 = Syll.³, 370. До последнего времени декрет, принятый в архонство Диогима, датировался 288 г. до н. э. (см. С. А. Ж е б е л е в. Основные линии экономического развития Боспорского государства. — СП, стр. 146). Недавно Динзмур («Hesperia», XXIII, 1954, стр. 284, сл.) предложил новую хронологию афинских архонтов, согласно которой архонство Диогима относится к 285/4 г. до н. э., т. е. к последнему году правления Спартока III (см. также И. Б. Б р а ш и н с к и й. Эпиграфические памятники из материковой Греции. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 211).

⁴ Большинство ученых восстанавливают в стк. 41 декрета ε[ν ἀκροπόλει]. Лишь Ларфельд (Griechische Epigraphik. München, 1914, стр. 356; ср. е г о ж е. Handbuch der griechischen Epigraphik, II. Leipzig, 1907, стр. 776, 941) предлагает восстановление ε[ν ἐμπορίῳ]. Последнее представляется нам значительно более вероятным, чем общепринятое ε[ν ἀκροπόλει].

Афинские надписи III в. до н. э. свидетельствуют о сооружении статуй на агоре, в театре и т. д. (см., например, IG, II², 644, 648, 654, 657, 682 и др.) и лишь в одном случае в надписи конца III в. до н. э. речь идет о статусе на акрополе (IG, II², 844). Помимо этого, вообще более естественно сооружение статуй боспорских царей, с которыми велась оживленная торговля, именно в афинском эмпории, в Пирее, где, как явствует из того же рассматриваемого декрета (стк. 14—15), и стояли статуи предков Спартока. То, что при восстановлении ε[ν ἐμπορίῳ] в стк. 41 декрета будет 37 букв вместо 36 в предшествующих строках, не должно смущать, так как в декрете, вырезанном стойхедон, число букв в строках колеблется от 36 до 38 (ср. И. Б. Б р а ш и н с к и й. Афинский декрет 323/2 г. до н. э. — КСИМК, 74, 1959, стр. 8, прим. 17).

Афин, известие о посылке в дар 15 000 медимнов зерна, афиняне отправляют к нему новое посольство с изъяснениями благодарности.

По всему своему содержанию и тону декрет в честь Спартока свидетельствует о заинтересованности афинян в Боспоре; в нем чувствуется некоторое заискивание Афин перед сильным и богатым Спартокидом⁵.

Основываясь на отсутствии в декрете упоминания об ателии, С. А. Жебелев высказывал предположение, что, возможно, экономическое положение Боспора настолько пошатнулось, что Спарток III не был уже более в состоянии предоставлять ее афинянам. Что же касается экономического положения Афин, то оно, несомненно, сильно ухудшилось⁶.

Думается, что предположение о ликвидации права ателии афинян при Спартоке III лишено достаточных оснований. Что же иное следует понимать под «существующими привилегиями», к которым присоединяются новые (стк. 52: Πρὸς ταῖς ἰπαρχοῦσαις δωρεαῖς), как не ателию и все прочие привилегии, предоставленные афинянам предками Спартока? Понятие «существующие дары» в декрете не расшифровывается, так как в этом не было необходимости, поскольку и афинянам и Спартоку было хорошо известно, что под ними в первую очередь подразумевалась ателия. Нет никаких оснований предполагать, что Спарток изменил традиционную экономическую политику Спартокидов по отношению к Афинам. В декрете подчеркивается, что он оказывает услуги афинскому народу вообще и прибывающим к нему афинянам в частности, подобно своим предкам. В чем эти услуги заключались, не требовалось разъяснять. К сказанному можно добавить, что и в афинском декрете 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона I также нет прямого упоминания об ателии, а говорится лишь о «дарах» (привилегиях) в общей форме (δωρεαί).

Надо полагать, что в период оккупации Афин Деметрием Полиорктом торговые связи афинян с Боспором в какой-то мере были нарушены⁷. Сокращение хлебного экспорта в Афины, безусловно, наносило ущерб Спартокидам. Поэтому весть об освобождении Афин была в Пантикапее встречена с большим удовлетворением и повлекла за собой крупный дар зерна афинянам со стороны боспорского царя. Вероятно, этот подарок был не просто красивым жестом покровителя по отношению к старым друзьям, но преследовал определенные экономические цели. Такое «поощрение» старого покупателя было тем более необходимо, что в это время на афинский рынок начинает в значительном количестве поступать египетский хлеб, который оказался опасным конкурентом боспорскому. Подарок Спартока являлся попыткой путем своего рода подкупа сохранить круп-

⁵ См. МИС, стр. 342, сл.

⁶ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития... — ИОН, 1934, № 9, стр. 669 = СП, стр. 147.

⁷ Там же.

нейшего покупателя. Однако эта попытка не привела к желанному результату.

В декрете содержится любопытное указание на решение афинского народного собрания оказывать помощь Спартоку III «всеми силами и на суше и на море», если кто-нибудь пойдет войной на владения его предков или самого Спартока⁸. Эта фраза дала основание Ф. Г. Мищенко предположить, что между Афинами и Боспором заключались не только торговые, но и политические договоры, «обязывающие союзников ко взаимной военной помощи против внешних врагов»⁹. Едва ли можно предполагать, что это решение имело реальное значение, но не исключено, что оно в какой-то мере отражало изменившуюся политическую ситуацию в Северном Причерноморье¹⁰, или, быть может, какой-то неизвестный нам политический договор, заключенный между Афинами и одним из предков Спартока.

Говорить что-либо определенное о политических взаимоотношениях Боспорского государства, как и прочих государств Северного Причерноморья, с Афинами в рассматриваемое время не представляется возможным из-за отсутствия каких-либо данных. Продолжение же традиционных экономических связей между ними является несомненным фактом. Вместе с тем, как было отмечено выше, уже в течение второй половины IV в. до н. э. постепенно изменяется соотношение импорта из различных центров на рынках Северного Причерноморья — Афины постепенно теряют доминирующее положение в торговле северооптийских городов. В конце IV — начале III в. до н. э. аттический импорт все еще поступает в Северное Причерноморье в весьма значительном количестве. Однако все большее место в торговле городов Северного Причерноморья занимают различные островные и малоазийские центры (Фасос, с которым торговля велась в значительном объеме и в предшествующее время, Родос, Кос, Пергам и др.), в частности, города южного побережья Черного моря — Гераклея, Амис и, особенно, Синопа¹¹.

Как показывают результаты археологических исследований, экономика государств Северного Причерноморья, в том числе и Боспорского царства, в III в. до н. э., во всяком случае в первой половине столетия,

⁸ ἐάν τις βαδίζε[ι] ἐπὶ τὴν ἀρχὴν τ[ὴν] τῶν προγόνων αὐτοῦ ἢ τὴν Σπαρ[ρ]τόκου, βοήθει[εν] παντὶ σθένει καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν (стк. 17—20).

⁹ Ф. Г. Мищенко. Торговые сношения Афинской республики с царями Боспора. — Киевские университетские известия, 1878, VII, стр. 492.

¹⁰ Ср. С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития... — ИОН, 1934, № 9, стр. 670 = СП, стр. 147.

¹¹ См. Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. — СА, XI, 1949; И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. — ВДИ, 1951, № 2; е е ж е. Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, стр. 20, сл.; М. И. М а к с и м о в а. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 158, сл. и 218, сл.; Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Паптикапея, стр. 194, сл.; И. Б. Брашинский. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. — Античный город. М., 1963, стр. 132, сл.

не обнаруживает признаков упадка¹². Едва ли поэтому можно без существенных оговорок согласиться с мнением В. Ф. Гайдукевича, согласно которому на протяжении III в. до н. э. наблюдается заметное сужение внешней торговли Боспора по сравнению с предшествующим временем¹³. Эта точка зрения, верная в отношении афино-боспорской торговли, не учитывает переориентации внешних экономических связей Боспорского государства, как и государств Северного Причерноморья вообще, что было связано с перемещением ведущей роли ремесла и торговли из Афин в другие центры.

Вместе с тем в экономике Боспорского государства еще с конца IV в. до н. э. и особенно в первой половине III в. до н. э. наблюдаются отдельные кризисные явления, нашедшие яркое выражение в жестоком денежном кризисе, из которого выход был найден лишь в третьей четверти III в. до н. э. при Левконе II¹⁴. Не считая нужным специально останавливаться на причинах денежного кризиса на Боспоре, отметим лишь, что в их числе, несомненно, не на последнем месте стояли те изменения во внешней торговле Боспорского государства, которые были вызваны изменениями политической обстановки в восточном Средиземноморье.

Судьбы экономики Ольвии рассматриваемого времени имеют ряд общих черт с развитием экономики Боспора. Как и там, в Ольвии в первой половине III в. до н. э. не наблюдается признаков экономического упадка; город продолжал процветать¹⁵. Положение, однако, меняется со второй половины столетия — процветание сменяется все углубляющимся кризисом, нашедшим яркое выражение в декрете в честь Протогена и подтвержденным историей монетной чеканки¹⁶.

Говоря о торговых сношениях между Северным Причерноморьем и Афинами в период эллинизма, необходимо иметь в виду, что они больше не занимают определяющего места во внешнеторговых связях северопричерноморских государств. Однако, как нам представляется, нет достаточных оснований для заключения о катастрофическом упадке экспорта хлеба из Северного Причерноморья¹⁷. Надо полагать, что зерно и в это

¹² См. В. Ф. Г а й д у к е в и ч. История античных городов.— АГСИ, стр. 50, 70, сл., 121; Д. Б. Ш е л о в. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 97.

¹³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. История античных городов, стр. 121; е го же. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 78.

¹⁴ См. Д. Б. Ш е л о в. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 89, 146, сл., где рассмотрены различные точки зрения на причины кризиса; А. Н. З о г р а ф. Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, стр. 177; П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 9. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э.— ВДИ, 1961, № 4, стр. 114, сл.

¹⁵ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. История античных городов, стр. 50.

¹⁶ А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, стр. 136.

¹⁷ Ср. Д. Б. Ш е л о в. Античный мир в Северном Причерноморье, стр. 95, 97. Автор полагает, что хлебный экспорт во внешней торговле Боспора отходит на второй

время все же продолжало оставаться основной статьей северопонтийского экспорта, изменился лишь круг его потребителей.

Торговые связи Афин с городами Северного Причерноморья в эпоху эллинизма могут быть прослежены почти исключительно только на археологическом материале, прежде всего на материале находок аттической керамики этого времени¹⁸. Она занимает второстепенное место по сравнению с привозной керамикой из малоазиатских центров. Выделение групп аттической керамики из чрезвычайно многочисленного керамического материала, происходящего из раскопок эллинистических слоев городов и поселений Северного Причерноморья, должно стать задачей будущих исследований. В этом направлении сделаны лишь первые шаги в труде Т. Н. Книпович, основанном на материале коллекции Государственного Эрмитажа¹⁹. Большой заслугой автора является прежде всего то, что она обратила внимание на важность детального и внимательного исследования керамики с накладным орнаментом, среди которой выделяется большая группа аттических изделий. Исследование Т. Н. Книпович, несмотря на сравнительную немногочисленность материала, бывшего в ее распоряжении, показало, что до последнего времени торговля Афин с городами Северного Причерноморья в III—II вв. до н. э. явно недооценивалась. При раскопках эллинистических культурных напластований в городах и поселениях северного побережья Черного моря постоянно встречаются обломки аттической чернолаковой керамики с накладным орнаментом белой краской и разжиженной глиной, известной под названием «керамики Западного склона» (West Slope Ware). Образцы аттической керамики этого стиля постоянно встречаются среди находок из Ольвии, Пантикапея, Мирмекия²⁰, Херсонеса²¹. Формы сосудов весьма разнообразны — это небольшие низкие амфоры (или пелики), одноручные кувшины, леканы, пиксиды разнообразных размеров: от миниатюрных до таких колоссальных, как пиксида из расписного склепа кургана Васюриной горы, изданная М. И. Ростовцевым²², и т. д. Особенно же многочисленны сосуды малых форм: канфары и килики. На многих из них имеются надписи, сделанные в накладной технике (*Διονύσου*, *δῶρου*, *Ἰγυεῖας*, *φιλίας*

план, уступая первое место вывозу скота, рыбы, рабов. Вывод этот, однако, ничем не может быть обоснован, кроме чисто логических размышлений, что лишает его убедительности.

¹⁸ Исключение составляет надгробие афинянина из Ольвии, относящееся к III в. до н. э. См. ИРАИМК, IV, стр. 81, сл.

¹⁹ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., стр. 271, сл.

²⁰ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., стр. 280, сл. Ср. Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея..., стр. 195, рис. 6, 7; Е. И. Левя. Ольвийская агора.— МИА, № 50, 1956, стр. 85, рис. 55.

²¹ См. МИА, № 34, 1953, стр. 64, рис. 32, стр. 73, рис. 39а. Торговля Афин с Херсонесом в эллинистический период подтверждается также находками (правда, единичными) в Афинах херсонесских клейменных амфор.

²² М. И. Ростовцев. Пиксида расписного склепа кургана Васюриной горы.— ЗООИД, XXX, 1912, стр. 136, сл.

Амфора с накладным орнаментом

III в. до н. э. Пантикалей

Чернолаковый килик с накладным орнаментом и надписью

III в. до н. э. Ольвия

и др.). Глиняная посуда, изготовленная в указанной технике, найдена в значительном числе и на азиатской стороне Боспора²³. За последние годы большое количество обломков аттической эллинистической керамики с накладным орнаментом было обнаружено при раскопках Мирмекия²⁴. Большая часть их принадлежит киликам, на которых часто имеется надпись краской — Διοκόστω²⁵. Любопытно отметить, что значительная часть найденных фрагментов была обнаружена в районе винодельи III в. до н. э. Указанный материал из Мирмекия в подавляющем большинстве относится к раннеэллинистическому времени (конец IV — первая половина III в. до н. э. — группа В по классификации Томпсона)²⁶. Экземпляры, относящиеся к более позднему времени (II в. до н. э. — группа D по Томпсону), — единичны²⁷. Такое хронологическое распределение аттической керамики с накладным орнаментом, по наблюдениям Т. Н. Книпович, характерно для Боспора в целом²⁸. Это подтверждается также наблюдениями, основанными на просмотре материала из коллекций Керченского и Одесского музеев.

Иное положение в Ольвии. По данным Т. Н. Книпович²⁹, которые подтверждаются наблюдениями над материалами из коллекции Одесского археологического музея и особенно материалами из раскопок ольвийской агоры последних лет, там хорошо представлена и аттическая керамика рассматриваемого стиля поздних групп, относящихся уже ко II в. до н. э. Следует отметить, что из Ольвии происходит уникальная в Северном Причерноморье находка афинской драхмы нового стиля, датируемой Л. П. Харко II в. до н. э. (найдена при раскопках агоры в 1946 г.) Весьма возможно, что в это время торговые связи Афин с Ольвией снова, как и в начальный период, в VI в. до н. э., становятся более тесными, чем с Боспором. Быть может, в эллинистическую эпоху произошла некоторая переориентация в афинской понтийской торговле. Окончательное решение этого вопроса, однако, приходится отложить, так как имеющегося материала пока недостаточно.

На очереди стоит также задача выделения из массы имеющегося материала аттической группы простой чернолаковой керамики эллинистического времени и «мегарских чаш» аттического производства. Наличие

²³ М. П. Ростовцев. Пиксида расписного стекла..., стр. 136.

²⁴ М/57—733, 800, 1134, 1355, 2169, 2214, 2231 и др.; М/58—413, 418, 488, 854, 999, 1417 и др. К. M i c h a ł o w s k i. Mirmeki, I. Warszawa, 1958, стр. 63, рис. 82; табл. III.

²⁵ Например, М/57—1134, 2214; М/58—3176.

²⁶ H. A. T h o m p s o n. Two Centuries of Hellenistic Pottery.— «Hesperia», III, 1934, стр. 311, сл.

²⁷ М/57—433; М/58—488, 999.

²⁸ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., стр. 280, сл.

²⁹ Там же, стр. 282—284.

этих категорий аттической эллинистической керамики в Северном Причерноморье не вызывает сомнений³⁰.

В III в. до н. э. в Северное Причерноморье вывозились также высокохудожественные изделия аттического монументального искусства, о чем свидетельствует, например, находка в Тиритаке мраморной статуэтки Диониса³¹.

Как было отмечено выше, международная конъюнктура в эпоху эллинизма была неблагоприятной для развития хлебного экспорта из Северного Причерноморья, в частности из Боспорского царства, в Афины. Уже в начале III в. до н. э. боспорский хлеб встретил в Афинах сильного конкурента — хлеб, привозимый из Египта³². С течением времени Птоломеи все более расширяли хлебный экспорт. Обычно, как уже указы-

валось выше, принято считать, что это подорвало боспорскую хлебную торговлю. Едва ли имеются достаточно веские основания для столь пессимистического взгляда. Несомненно, потеря доминирующего положения хлебного экспорта Спартокидов на афинском рынке привела к некоторому сокращению боспорской внешней торговли и должна была неблагоприятно сказаться на экономике Боспора. Однако Спартокидам удалось, по-видимому, в значительной степени выйти из кризиса путем расширения торговли с другими центрами. Целям предотвращения кризиса служило, возможно, и посольство Перисада II в 254 г. до н. э. в Египет к Птоломею II Филадельфу, о чем сохранилось папирусное свидетельство из архива Зенона³³.

Амфора с накладным орнаментом

III в. до н. э. Ольвия

³⁰ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., стр. 284; ср. ее же. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья.— АГСП, стр. 363.

³¹ См. Е. В. Ернштедт. Статуэтка Диониса из Тиритаки.— СА, VII, 1941, стр. 174, сл.

³² С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития...— СП, стр. 147.

³³ H. I. Bell. Greek Sightseers in the Fayum in the III-rd cent. B. C.—Symb. Osl., V, 1927, стр. 33, сл.; см. также M. Rostovtzeff. Greek Sightseers in Egypt.—

Мраморная статуэтка Диониса аттической работы
III в. до н. э. Тирнтака

Рассмотрение всех вопросов, связанных с посольством Перисада в Египет, однако, выходит за пределы задачи настоящей работы и должно послужить предметом специального исследования. Высказанное С. А. Жебелевым³⁴ предположение о том, что целью посольства Перисада II было, несомненно, также урегулирование вопросов, касающихся хлебного экспорта, в частности, возможно, специально в Афины, представляется вполне вероятным³⁵.

О продолжавшемся импорте зерна из Северного Причерноморья в Афины в конце III в. до н. э. можно судить на основании некоторых косвенных данных. Так, например, известно, что когда Филипп V (в конце III или на рубеже III и II вв. до н. э.) захватил Лисимахию, Халкедон, Перинф и некоторые другие города и тем самым поставил под угрозу нормальное функционирование понтийского торгового пути, это вызвало в Афинах серьезную тревогу. Афиняне назначили чрезвычайным уполномоченным по снабжению хлебом (*ταμίης τῶν σιτωνικῶν*) своего руководителя (*προστάτης*) Кефисодота, заслуги которого отмечены в дошедшем до нас постановлении афинского народного собрания³⁶.

Сохранившиеся разрозненные свидетельства показывают, что и во II в. до н. э. экспорт хлеба из Северного Причерноморья в Афины в какой-то мере продолжался. Так, например, до нас дошел афинский почетный декрет 175/4 г. до н. э. в честь купца, который торговал с Понтом (IG, II², 903 = МИС, № 5). Туда он вез оливковое масло, а обратно; в Афины, — хлеб. Речь здесь, несомненно, идет о Северном Причерноморье, поскольку города южного побережья Черного моря не вывозили зерна и в оливковом масле не нуждались³⁷. Часто цитируемое исследователями замечание Полибия (IV, 38), согласно которому в одних случаях хлеб вывозился из Понта в Средиземноморье, в других же — ввозился туда, не может, как нам представляется, служить источником для решения вопроса о роли Северного Причерноморья в хлебной торговле этого времени, поскольку Понт в нем характеризуется слишком суммарно. Между тем,

ЖЕА, XIV, 1928, стр. 13, сл.: С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.— ВДИ, 1938, № 3, стр. 50, сл. = СП, стр. 84, сл. (стр. 148); МИС, стр. 260, сл.; ср. М. К. Трофимова. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.).— ВДИ, 1961, № 2, стр. 46, сл.

³⁴ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития...— СП, стр. 84 и 148.

³⁵ Против гипотезы С. А. Жебелева недавно выступила М. К. Трофимова (Из истории эллинистической экономики..., стр. 49, сл.). Обсуждение важных и принципиальных вопросов, поднятых автором в острой полемической статье, выходит за рамки настоящего исследования. Следует, однако, отметить, что аргументация М. К. Трофимовой представляется крайне субъективной и односторонней; несмотря на кажущуюся стройность, она во многом искусственна и противоречива.

³⁶ «*Nesperia*», V, 3, 1936; см. также А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 285, сл.

³⁷ МИС, стр. 244.

имеются основания полагать, что Северное Причерноморье и во II в. до н. э. продолжало производить весьма значительное количество зерна. Страбон (VII, 4, 6), говоря о Крыме и имея в виду, по-видимому, главным образом Керченский полуостров, сообщает, что эта область чрезвычайно богата хлебом. Жители Боспора приносили в качестве дани Митридату Евпатору 180 000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра в год. Далее Страбон добавляет, что «и в прежние времена отсюда вывозился хлеб к эллинам». В этой фразе не чувствуется никакого противопоставления прежнего и современного Страбону периодов. Напротив, как кажется, слова «и в прежние времена» указывают на подразумеваемоеся автором и, безусловно, хорошо известное его читателям «настоящее время».

Упомянутое выше сообщение Полибия дало также основание для вывода о том, что Северное Причерноморье в эпоху эллинизма стало одним из главных рабских рынков, что было вызвано сокращением хлебной торговли. Однако, как было отмечено, нет достаточных оснований, относить слова Полибия преимущественно к Северному Причерноморью³⁸. Хотя рабы, несомненно, и вывозились из Северного Причерноморья, надо полагать, что значительным и важным, а тем более основным, рабский рынок там никогда не был³⁹.

К концу II в. до н. э. торговые связи Северного Причерноморья с Афинами, сократившиеся уже в предшествующее время, постепенно сходят на нет и, по-видимому, прекращаются. Их место занимают связи с другими центрами античного мира.

³⁸ См. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 500, прим. 12.

³⁹ См. В. А. Гольденберг. Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира.— ВДИ, 1953, № 1, стр. 200, сл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории связей Афин с городами Северного Причерноморья позволяет нарисовать более или менее полную их картину с начала VI в. до н. э. до периода позднего эллинизма.

§ Афиняне, по-видимому, уже в довольно раннее время поняли то значение, которое Евксинский Понт мог иметь для экономики Афин. Особое значение в деле развития связей Афин с черноморскими областями принадлежало Черноморским проливам, являвшимся ключом к Понту. Поэтому усилия афинян на протяжении веков были направлены к одной цели — держать в своих руках контроль над проливами. Особенно ярко это выступает при исследовании внешней политики Афин в V и IV вв. до н. э. В это время борьба за Черноморские проливы проходит красной нитью через всю внешнюю политику Афинского государства.

Проблема Черноморских проливов в античное время еще ждет своего исследования. Между тем, ее изучение имеет первостепенное значение для правильного уяснения многих сторон истории припонтийских областей, в том числе и Северного Причерноморья, а также и для истории античного Средиземноморья. Поэтому специальное и всестороннее исследование вопросов, связанных с историей Черноморских проливов, должно рассматриваться в качестве одной из первоочередных задач, могущих дать крайне ценный новый материал, каковой, несомненно, приведет к чрезвычайно интересным выводам, значение которых сейчас трудно предугадать.

Первые следы зарождения связей Афин с Северным Причерноморьем относятся еще к рубежу первой и второй четверти VI в. до н. э., когда начинается проникновение туда изделий аттической керамики. Правда, в это время связи эти были еще спорадическими, возможно даже, что непосредственных торговых связей между Афинами и Северным Причерноморьем тогда еще не было. Однако, начиная со второй половины VI в. до н. э., торговый обмен между Афинами и северопонтийскими городами приобрел регулярный характер и протекал непрерывно вплоть до периода позднего эллинизма. Ни персидский контроль на Черноморских проливах,

ни греко-персидские войны, ни потеря афи́янами власти на проливах после поражения в Пеллопоннесской войне или после побед Александра Македонского не приводили к сколько-нибудь заметным перерывам в афино-понтийских связях.

При этом экономические связи Афин с различными районами и городами Северного Причерноморья развивались неодинаково. В VI и V вв. до н. э. особенно тесными они были, по-видимому, с северо-западным Причерноморьем — с Березанью и Ольвией. С конца V в. до н. э. начинается резкий рост торговли Афин с Боспором, который более чем на столетие завоевывает первенство в афинской торговле вообще. В это время продолжают развиваться и связи с Ольвией, завязывается также торговля с Херсонесом, но связи Афин с этими городами не могут идти ни в какое сравнение с боспорской торговлей. В эпоху эллинизма снова наблюдается переориентация экономических связей Афин — в это время их интересы в большей мере, вероятно, снова переместились из северо-восточного Причерноморья (Боспор) в северо-западное (Ольвия).

Наибольшего объема афино-северочерноморская торговля достигла в конце V и первой половине IV столетий до н. э.; затем начинается сначала медленный и малозаметный, а с течением времени все растущий спад, который к концу II в. до н. э. приводит практически к прекращению этих связей.

В период расцвета афино-боспорских связей, в IV в. до н. э., который наиболее полно отражен в письменных источниках, торговые отношения Афин с Боспорским государством строились на основе равноправия, на взаимной заинтересованности сторон во всемерном развитии торговли.

Северное Причерноморье, как видно, никогда не было объектом афинской экспансии, а северопонтийские города не находились в прямой политической зависимости от Афин. К сожалению, этот вопрос в настоящее время не может еще получить окончательного и бесспорного решения. Имеющиеся источники допускают различное толкование, что приводит к различным, порою диаметрально противоположным выводам. Поэтому сейчас речь может идти лишь о более или менее вероятных гипотезах. Надо надеяться, что дальнейшее изучение позволит сблизить крайние точки зрения. Но без появления нового материала едва ли когда-нибудь представится возможность прийти к единому и бесспорному выводу.

Изучение связей Афин с Северным Причерноморьем показывает, что этот район уже в V—IV вв. до н. э. играл важную роль в судьбах Греции. С известным правом можно говорить о том, что он влиял в определенном смысле на судьбы средиземноморских греческих государств и прежде всего Афин. Хотя государства Северного Причерноморья и не принимали прямого участия в политических событиях Восточного Средиземноморья того времени, но косвенно, через экономику, они влияли на ход развития

этих событий. Поэтому значение Северного Причерноморья в ходе развития исторического процесса выходит далеко за рамки Понта Евксинского.

Итак, в настоящей работе подвергнут исследованию ряд вопросов из области взаимоотношений Афин с районами Северного Причерноморья на протяжении VI—II вв. до н. э. Далеко не все из них можно считать решенными окончательно. Многие вопросы рассмотренной темы требуют еще специального изучения. Надо надеяться, что в результате коллективной работы археологов и историков в недалеком будущем сможет быть нарисована по возможности полная картина истории связей Афин с Северным Причерноморьем на всем протяжении их существования.

УКАЗАТЕЛИ ИМЕН

1. Древние авторы

- Аристотель, греческий философ (384—322 гг. до н. э.) 80
- Аристофан, греческий комический поэт (ок. 450—388 гг. до н. э.) 30
- Архестрат из Гелы, греческий писатель (IV в. до н. э.) 134
- Гарпократон, греческий писатель, составитель объяснительного словаря к 10-ти аттическим ораторам (II в. н. э.) 81, 84
- Геродот, греческий историк (ок. 480—425 гг. до н. э.) 6, 35—38, 50, 51, 67—70, 86
- Демосфен, афинский политический деятель и знаменитый оратор (383—322 гг. до н. э.) 5, 6, 50, 59, 81—83, 94, 103, 104, 109—115, 121, 122, 124—126, 128, 133, 139, 142
- Дидим, греческий грамматик александрийской школы (I в. до н. э.) 113—115
- Динарх, афинский оратор (ок. 361—290 гг. до н. э.) 6, 121, 133
- Диоген Лаэртский, греческий ученый и писатель (III в. н. э.) 17, 18
- Исократ, афинский политический деятель и оратор (436—338 гг. до н. э.) 6, 121, 122, 126
- Кратер, автор сборника афинских декретов 81, 84
- Ксенофонт, греческий историк (IV в. до н. э.) 6, 60, 107
- Лисий, афинский оратор (ок. 459—ок. 380 гг. до н. э.) 6, 106, 107
- Макробий, римский писатель и комментатор (V в. н. э.) 141
- Марциан Гераклеяский, греческий писатель (ок. 400 г. н. э.) 110
- Менипп Пергамский, греческий географ (I в. до н. э.?) 110
- Платон, греческий философ (427—347 гг. до н. э.) 63
- Плутарх, греческий писатель (II в. н. э.) 6, 52, 53, 56—64, 66, 74
- Полибий, греческий историк (ок. 200—120 гг. до н. э.) 163, 164
- Полиен, греческий писатель (II в. н. э.) 106
- Скилак-Псевдо, предполагаемый автор перипла (IV в. до н. э.) 140—142
- Страбон, греческий географ (ок. 63 г. до н. э.—19 г. н. э.) 6, 164
- Феопомп, греческий историк (IV в. до н. э.) 115
- Филохор, афинский историк-аттидограф (III в. до н. э.) 113—115
- Фукидид, афинский историк (ок. 460—396 гг. до н. э.) 6, 52, 57, 58, 62, 71, 72, 84, 90, 91, 92, 100
- Эсхин, афинский оратор (389—314 гг. до н. э.) 6, 81—83
- Эфор, греческий историк (IV в. до н. э.) 142
- Юстин, римский историк (II в. н. э.) 115

2. Исторические лица

- Агис, спартанский военачальник 100
- Александр III Македонский (356—323 гг. до н. э.) 111, 115, 116, 141, 153, 166

- Алкивиад, афинский военачальник 83, 101
 Амасис, афинский вазописец 45
 Анаксибий, спартанский военачальник 107
 Анталкид, спартанский военачальник 104, 106, 107
 Аппелл, византиец 114
 Аполлоний, сын боспорского архонта-царя Левкона I 6, 126, 128
 Аристид, афинский государственный деятель 52, 53
 Аркефонт, сын Кефисодота, афинянин, проксен Ольвии 144
 Артаксеркс III Ох, персидский царь (358—338 гг. до н. э.) 112, 113
 Афоб, афинянин, опекун оратора Демосфена 81
 Гармодий, афинский тираноубийца 9, 81
 Гаумата, персидский маг 35
 Гилон, афинянин, дед оратора Демосфена 81—84, 128
 Гистней, митиленский тиран 38
 Горгипп, тесть боспорского царя Перисада I 126, 133
 Дарий I Гистасп, персидский царь (521—485 гг. до н. э.) 35, 36
 Деметрий I Полиоркет, македонский царь (307—283 гг. до н. э.) 154, 155
 Деркилид, спартанский военачальник 105, 107
 Диотим, афинский архонт 154
 Диотим, афинский военачальник 106
 Евмел, боспорский царь (309—303 гг. до н. э.) 6, 131
 Зенон, управитель земли двойкета Аполлония в Египте 161
 Зопирион, полководец Александра Македонского 141
 Ификрат, афинский военачальник 106
 Кефисодот, афинянин, уполномоченный по снабжению хлебом 163
 Клеарх, афинский государственный деятель 76
 Клиций, афинский вазописец 28
 Конон, афинский полководец 105
 Корилла, вождь пафлагонцев 60
 Кеантипп, сын Аристофонта, афинянин, проксен Ольвии 142
 Ксенофант, афинский вазописец 118
 Ксеркс I, персидский царь (485—465 гг. до н. э.) 36, 37, 51
 Ктесифонт, афинянин 6, 81
 Лакрит, афинский купец 5, 142
 Ламах, афинский стратег 52, 56, 64, 66
 Лампид, афинский купец 128, 134
 Левкон I, боспорский архонт-царь (389/8—349/8 гг. до н. э.) 6, 103, 110, 111, 123—128, 131—134, 154, 155
 Левкон II, боспорский царь (III в. до н. э.) 157
 Лептин, афинянин 5, 111, 124, 125
 Лид, афинский вазописец 21
 Лисандр, спартанский военачальник 101, 102
 Мантифей, сын богатого афинянина 6, 131
 Мегабаз, персидский полководец 35
 Мильтиад (Старший), афинянин, ойкист Херсонеса Фракийского 23, 24
 Митридат VI Евпатор, царь Понта (121—63 гг. до н. э.) 164
 Нимфодор, афинянин, посол 90
 Октамасад, скифский вождь 67
 Отан, персидский полководец 35
 Павсаний, спартанский полководец 52
 Пердикка II, македонский царь (вторая половина V в. до н. э.) 90
 Перикл, афинский государственный деятель 9, 39, 40, 53, 56—68, 70, 74, 77, 86, 89
 Перисад I, боспорский архонт-царь (349/8—311/10 гг. до н. э.) 6, 123, 125, 126, 128, 131, 133
 Перисад II, боспорский царь (284/3—ок. 250 гг. до н. э.) 161, 163
 Писистрат афинский тиран 23, 24, 32
 Поликл, афинянин 5, 109
 Поликрат, афинский скульптор 150
 Пракситель, афинский скульптор 144, 145
 Протоген, ольвиополит 157
 Птоломей II Филадельф, царь Египта (285—246 гг. до н. э.) 161
 Сатир I, боспорский архонт-царь (407—389/8 гг. до н. э.) 83, 84, 86, 88, 110, 122, 126, 128, 131, 132
 Сатир II, боспорский царь (311/10—310/9 гг. до н. э.) 126, 133
 Ситалк, царь одрисов (V в. до н. э.) 90
 Скил, скифский вождь (V в. до н. э.) 67
 Скиф, афинский вазописец 30
 Солон, афинский государственный деятель (ок. 638—ок. 558 гг. до н. э.) 13, 17, 18
 Сопсй, приближенный боспорского архонта-царя Сатира I 123
 Сосий, сын Кефала, афинянин 144

- Сосий, боспорец, посол Спартока и Перисада 131, 133
- Софил, афинский вазописец 19
- Спарток I, боспорский архонт-царь (438—407 гг. до н. э.) 48, 68, 86, 88
- Спарток II, боспорский архонт-царь (349/8—344/3 гг. до н. э.) 6, 126, 128, 131
- Спарток III, боспорский царь (304/3—284/3 гг. до н. э.) 6, 126, 131, 133, 134, 154—156
- Стратонид, афинский скульптор 144
- Тимесилей, тиран Синопы 56, 59, 64, 66
- Тлелон, сын Неарха, афинский вазописец 25
- Фарнабаз, персидский сатрап 105
- Феодосий, боспорец, посол Спартока и Перисада 131, 133
- Фидон, царь Аргоса (вторая половина VII в. до н. э.) 13
- Филипп II, македонский царь (359—336 гг. до н. э.) 5, 111—115, 153
- Филипп V, македонский царь (211—179 гг. до н. э.) 163
- Филополид, сын Филополида, афинянин, проксен Ольвии 142
- Формион, афинский метэк 5, 125, 128, 131, 134
- Фрасибул, афинский полководец 105—107
- Харет, афинский военачальник 113, 114
- Хрисипп, афинский купец 130
- Эпаминонд, беотийский полководец 108, 110
- Эрготим, афинский гончар 28

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абидос, город в Малой Азии на берегу Геллеспонта 37, 78, 100, 105, 106, 112
Азия 111
Аканф, город в Халкидике 128
Ак Баши Лиман, бухта Геллеспонта 105
Ак-Бурун, мыс на Керченском п-ове 137
Александрия, город в Египте 75
Аль Мина, город в Сирии у устья р. Оронта 51, 52
Амис, город на северном побережье Малой Азии 60, 68, 156
Амфиполь, город на побережье Македонии у устья р. Стримона 89
Андрос, остров в Эгейском море 101
Аполлония, город на западном побережье Черного моря 17, 18, 54, 61, 71, 72
Аполлония, город в Геллеспонтской Фригии 72
Астак, город в Вифинии на побережье Пропонтиды (Мраморного моря) 89
Аттика, область на юго-востоке Средней Греции 90, 98, 107, 117, 126, 142
Афинеон, город в Крыму (по-видному, древнее название г. Судака) 124
Афины *passim*
Березань, остров в Черном море 11, 17, 19—23, 25, 32, 42, 166
Богали Калеси, селение в Турции 105
Болгария 33, 75
Борисфен, река (древнее название р. Днепра) 142
Боспорское государство (Боспор) *passim*
Боспор Киммерийский, древнее название Керченского пролива 8, 21, 23, 71, 79, 116, 147
Боспор Фракийский, древнее название Босфора 37, 61, 92, 100, 101, 109, 110
Буго-Днепровский (Бугский) лиман 20, 146
Византий, город во Фракии на берегу Пропонтиды 35—38, 50, 52, 58, 59, 94, 95, 97, 98, 100, 101, 105, 106, 108, 111—115
Вифиния, область в Малой Азии 72
Воронежская, станица на Кубани 27
Галле, город в ГДР 11
Галушино, село в УССР 44
Гейдельберг, город в ФРГ 11
Гела, город в Сицилии 134
Геллеспонт, древнее название пролива Дарданеллы 17, 23, 24, 35—37, 60, 86, 99, 100, 102, 105—108, 110, 112, 114
Гераклея Понтийская, город в Вифинии на берегу Черного моря 71, 72, 146, 154, 156
Гиерон, гавань и храм на берегу Боспора Фракийского 109, 110, 114, 115
Греция 35, 36, 51, 89, 90, 108, 111, 114, 115, 130, 166
Дейрада, дем в Аттике 142
Декелея, местечко в Аттике 100
Делий, город в Беотии (Средняя Греция) 102
Делос, остров в Эгейском море 53
Днепр, река 44, 117, 118
Днестр, река 74
Добруджа, область в Болгарии 33
Египет 53, 62, 63, 161

- Западное Причерноморье 18, 25, 33, 53, 56
Зеленский курган (Таманский п-ов) 28, 137
Имброс, остров в Эгейском море у Геллеспонта 36
Иония, область в Малой Азии 22, 25, 38, 53, 72
Истр, река (древнее название р. Дунай) 140
Истрия, город на западном берегу Черного моря 13, 17, 18, 152
Италия 13, 58, 89
Калхедон, город на восточном берегу Босфора Фракийского 36, 100, 101, 106, 108, 163
Кария, область на юго-западе Малой Азии 58, 72
Карфаген, город и государство в Северной Африке 62
Кекуватского курган (в окрестностях г. Керчь) 135
Керкинитида, город в Западном Крыму 151
Кианен, скалы в Черном море 110
Киев 27, 118
Кизик, город на южном берегу Пропонтиды 34, 53, 77, 78, 100, 108
Клазомены, город на западном берегу Малой Азии 100
Книд, город в Карии 105, 122
Коринф, город в Греции 13, 22, 104, 115
Кос, остров в Эгейском море 111, 113, 121, 154, 156
Крым 21, 140, 151, 164
Кубань 27
Кузина гора, городище близ Курска 44
Курск 27, 44
Ламния, город в Фессалии 132
Лампсак, город на восточном берегу Геллеспонта 34, 78
Лейпциг, город в ГДР 11
Лемнос, остров в Эгейском море 36
Лесбос, остров в Эгейском море 63, 92, 97, 99
Лисимахия, город на западном берегу Геллеспонта 163
Македония 89, 94, 102, 104, 111—113
Малая Азия 30
Мегары, город в Греции 13
Менда, город в Халкидике на берегу Фермейского залива 7, 9, 96, 121, 142
Мефона, город в Македонии на берегу Фермейского залива 65, 91, 94, 97
Милет, город в Малой Азии 23, 30
Мирмекий, город на Керченском п-ове 25, 42, 45—48, 158, 160
Митилена, город на о-ве Лесбосе 63, 91, 108
Нил, река в Египте 18
Нимфей, город на Керченском п-ове 9, 21, 22, 25, 42, 45, 47, 48, 65, 70—73, 79—84, 124
Олимпия, город в Греции 63, 78
Ольвия, город на правом берегу р. Буга 8, 20, 21, 23, 25, 27, 30, 32, 34, 40—47, 50, 51, 67, 69, 70, 73—79, 85, 86, 97, 103, 110, 117, 118, 140—147, 152, 157—160, 166
Павловский курган (в окрестностях г. Керчь) 135
Паптикапей, город на Керченском п-ове 25, 42, 44, 45, 48, 50, 85, 115, 118, 123, 124, 126, 128, 131, 139, 144, 155, 158
Нарутино, село на месте Ольвии 75
Пелопоннес, область в Греции 13, 51
Пепариф, остров в Эгейском море (Северные Спорады) 121
Пергам, город в Малой Азии 156
Перинф, город во Фракии на берегу Пропонтиды 35, 113, 114, 163
Персия 35, 51, 60, 106
Петуховка, село на правом берегу р. Буга 146
Пирей, гавань Афин 100, 104, 106, 107, 109, 126, 128, 154
Полтава 27, 118
Понт Евксиинский (Понт) *passim*
Потидея, город в Халкидике на берегу Фермейского залива 90
Причерноморье *passim*
Пропонтида (Мраморное море) 35, 37, 89
Родос, остров в Эгейском море 102, 111, 113, 154, 156
Роксоланы, село в Одесской обл. УССР 79
Саламин, остров у берегов Аттики 13, 14, 69
Самос, остров в Эгейском море 35, 58, 92
Саронический залив, залив у берегов Аттики 13
Северное Причерноморье *passim*
Селимбрия, город на северном берегу Пропонтиды 101
Семибратние курганы (Таманский п-ов) 48
Сест, город во Фракии на берегу Геллеспонта 100, 101, 105, 107

- Сигей**, город в Малой Азии на берегу Геллеспонта 24, 39, 51
- Синдика** 33
- Синопа**, город на северном берегу Малой Азии 18, 57, 59—62, 64, 66, 68, 145, 154, 156
- Сирия** 51
- Сицилия**, остров 13, 53, 62, 63, 89, 99, 102
- Скиона**, город 121, 142
- Скифия** 27
- Спарта**, государство в Греции 57, 64, 67, 89, 90, 104, 105, 108
- Суний**, мыс в Аттике 107
- Таврика** (Крым) 96, 140
- Таманский полуостров** 42
- Тенево**, село Ямбологского округа в Болгарии 33
- Тенедос**, остров в Эгейском море 106, 115
- Тира**, город на берегу Днестровского лимана 8, 69, 70, 73, 74, 118, 147, 151, 152
- Тирамба**, селение на Боспоре Киммерийском 73
- Тиритака**, город на Керченском п-ове 25, 43, 73, 161
- Тузла**, мыс на Таманском п-ове 42
- Турья**, село в УССР 44
- Ульский курган** (Кубань) 27
- Фанагория**, город на Таманском п-ове 137
- Фасос**, остров в Эгейском море 7, 96, 139, 156
- Феодосия**, город в Крыму 21, 25, 33, 47, 48, 73, 85, 123, 124
- Фермейский залив**, залив на востоке Северной Греции 94
- Фермопилы**, горный проход из Фессалии в Среднюю Грецию 69
- Фивы**, город в Беотии 104, 108
- Фокея**, город в Малой Азии 78
- Фригия Геллеспонтская**, область на северо-западе Малой Азии 72
- Фракия**, страна на севере Балканского п-ова 73, 89, 90, 102, 112
- Халкедон**, город в Вифинии на берегу Пропонтиды см. Калкедон
- Халкидика**, полуостров на побережье Македонии 89
- Херонея**, город в Беотии 115
- Херсон**, город в УССР 11
- Херсонес Таврический**, город в Крыму 27, 42, 118, 147—151, 158, 166
- Херсонес Фракийский**, полуостров (древнее название п-ова Галлиполи) 17, 18, 23, 24, 102, 107, 150
- Хиос**, остров в Эгейском море 92, 96, 97, 99, 100, 108, 111, 113
- Хрисополь**, город на западном берегу Боспора Фракийского 37, 101, 105
- Черное море** passim
- Черноморские проливы** passim
- Чертоватое**, село на правом берегу р. Буга 146
- Широкая балка**, городище на правом берегу р. Буга 20
- Шпола**, город в УССР 44
- Эгейское море** 13, 30, 35—37, 66, 75, 106
- Эгина**, остров в Сароническом заливе 13, 51
- Эгос-Потамы**, река на Фракийском Херсонесе 86, 102
- Элевсин**, город в Аттике 135
- Энос**, город на берегу Фракии 58
- Эрифры**, город в Ионии 100
- Эрхия**, дем в Аттике 142
- Этрурия**, область на западе Италии 32, 62

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955
 АИБ — Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР
 ВДИ — Вестник древней истории
 ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР (ИИМК)
 ИАИ — Известия на археологический институт. София
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИАН ОГН — Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР (ИА)
 ИОН — Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
 КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР (КСИИМК)
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры о докладах и полевых исследованиях Академии наук СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАР — Материалы по археологии России
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИС — Б. Н. Г р а к о в. Материалы по истории Скифии в надписях Малой Азии и Балканского полуострова.— ВДИ, 1939, № 3
 НС — Нумизматический сборник
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ОГУ — Одесский Государственный университет
 РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
 СА — Советская археология
 СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа

- СП — С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.—Л., 1953
- ТОАМЭ — Труды Отдела культуры античного мира Государственного Эрмитажа
- ТОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
- ХС — Херсонесский сборник
- AA — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Archäologischer Anzeiger
- AJA — American Journal of Archaeology
- AJP — American Journal of Philology
- AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
- ATL — B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor. The Athenian Tribute Lists, I. Cambridge, Massachusetts, 1939; II—III. Princeton, 1949—1950
- BCO — Bibliotheca Classica Orientalis. Berlin
- BSA — Annual of the British School at Athens
- CAH — The Cambridge Ancient History
- CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum
- CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
- FHGr — Fragmenta Historicorum Graecorum
- IG — Inscriptiones Graecae
- IPE — Inscriptiones antiqui orae septentrionalis Ponti Euxini
- JEA — The Journal of Egyptian Archeology
- JHS — The Journal of Hellenic Studies
- RA — Revue archéologique
- RE — Pauly's Realencyklopädie der Klassischen Altertumswissenschaft
- RIG — Récueil d'Inscriptions grecques. Ed. Ch. Michel
- RM — Rheinisches Museum für Philologie
- SBA — Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften
- SC — Scythica et Caucasica. Ed. B. Latyschew
- SEHWW — M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Hellenistic World, I—III. Oxford, 1941
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum
- SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
- S.u.B.— M. Rostowzew. Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1931
- Syll.— Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. G. Dittenberger

Введение	3
<i>Глава первая.</i> Зарождение и развитие связей Афин с Северным Причерноморьем в VI в. до н. э.	11
<i>Глава вторая.</i> Связь Афин с Северным Причерноморьем в период персидского господства на Черноморских проливах и греко-персидских войн (конец VI — первая половина V в. до н. э.)	35
<i>Глава третья.</i> Взаимоотношения Афин с городами Северного Причерноморья во второй половине V в. до н. э.	56
«Понтийская экспедиция» Перикла	56
Города Северного Причерноморья и первый Афинский морской союз	70
<i>Глава четвертая.</i> Афины и Северное Причерноморье в период Пелопоннесской войны	89
<i>Глава пятая.</i> Борьба Афин за торговый путь в Черное море в IV в. до н. э.	103
<i>Глава шестая.</i> Связи Афин с государствами Северного Причерноморья в IV в. до н. э.	117
Афины и Боспор.	118
Связи Афин с Ольвией и другими центрами Северного Причерноморья	140
<i>Глава седьмая.</i> Связи Афин с Северным Причерноморьем в период эллинизма (конец IV — II в. до н. э.)	153
Заключение	165
Указатели имен	168
Указатель географических названий	171
Список сокращений	174

И. Б. Брашинский

Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э.

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Издательства Г. В. Львов. Художник Е. В. Крылов.

Технические редакторы Г. А. Астафьева и Н. Ф. Егорова. Корректор Н. Г. Сисекина.

РИСО АН СССР № 130-99 В. Сдано в набор 14/V-1963 г. Подписано к печати 14/VIII 1963 г.
Печ. л. 11 + 1 вкл. Усл. печ. л. 12,87+1 вкл. Уч.-пзд. л. 12,2 (11,6+0,5 вкл.) Тираж 1300 экз.
Т-10821. Изд. № 1467. Тип. зак. 2323.

Цена 73 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10